

ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№2(12)

МОСКВА ИЕРУСАЛИМ
1996 5757

**The publication of this book
was made possible
through the generosity
of the Koret Foundation,
(San Francisco),
the American Jewish
Distribution Committee «Joint»
and
the Russian Jewish Congress**

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 2(12), 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Социология. Демография

- В. СОБКИН. Еврейский подросток о семье: Опыт социологического исследования 4
Р. РЫВКИНА. Социальные типы евреев в современной России 32
А. СИНЕЛЬНИКОВ. Почему исчезает российское еврейство? 51

История

- Г. АГРАНОВСКИЙ (Вильнюс). Конфликт между маскилим и хасидами и репрессии против еврейской печати в 30-х годах XIX века (По материалам вильнюсского архива) 68
А. МИНДЛИН. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века 81
В. ГУСЕВ (Киев). К вопросу о зарождении бундовского движения в Украине (конец XIX — начало XX века). Новые архивные материалы 104
А. БАРКОВЕЦ. Об основных этапах деятельности «Агро-Джойнта» в СССР (По материалам Государственного архива Российской Федерации) 134
И. ГЕРАСИМОВА (Минск). К истории еврейского отдела Института белорусской культуры (Инбелкульта) и еврейского сектора Белорусской Академии наук в 20—30-х годах 144

Культура

- Ш. МАРКИШ (Женева). Стоит ли перечитывать Льва Леванду? Статья вторая: Искусство 168
П. НЕРЛЕР. Евреи-студенты из России в Германии в начале XX века: Эпизод с созданием русской читальни во Фрайбурге 194
Т. АЙЗИКОВИЧ (Нетания, Израиль). О роли евреев в истории советской популярной и джазовой музыки 212
-

МОСКВА
1996

ИЕРУСАЛИМ
5757

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Исаак Аскназий: *Жизнь художника в документах и материалах.*
Публикация А. Аскназия 224

АРХИВ

Публикации

- Неопубликованные письма Ю. И. Гессена. *Публикация В. Гессена* 242
Л. КОГАН. Еврейское литературное общество. *Публикация Х. Фирина* 249
С. КЕЛЬНЕР. Материалы архива О.Б. Гавронского в РГИА 253

РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

- Русскоязычная иудаика 1994—1995 гг. Новые поступления в ИНИОН РАН. Ч. 2. *Составитель Л. Стрельченко* 258
А. ЛОКШИН. Рецензия на книгу: Либерлес Р. Сало Уитмайер Барон — творец еврейской истории. Нью-Йорк, 1995 273
М. ГАММАЛ, Р. КАПЛАНОВ. Рецензия на книгу: Миллер Ф. И. Караимский сепаратизм в России девятнадцатого века. «Послание об избавлении Израиля» Иосифа Соломона Луцкого. Цинциннати, 1993 277

ХРОНИКА

- В. МОЧАЛОВА. Третья ежегодная международная научная конференция, посвященная проблемам изучения и университетского преподавания иудаики 282

Редакционная коллегия:

Р. КАПЛАНОВ — <i>председатель</i>	А. ЛОКШИН
А. КОВЕЛЬМАН — <i>главный редактор</i>	А. МИЛИТАРЕВ
М. ГРИНБЕРГ — <i>зам. главного редактора</i>	В. ПЕТРУХИН
М. КУПОВЕЦКИЙ — <i>зам. главного редактора</i>	В. СОБКИН
А. ЛИБЕРМАН — <i>зав. редакцией</i>	М. ЧЛЕНОВ
Г. КАЗОВСКИЙ	Ш. ШТАМПФЕР
В. КЕЛЬНЕР	

Ответственный за выпуск М. КУПОВЕЦКИЙ

Еврейский университет в Москве,
ул. Моховая, 9
Тел. 203-34-41

© Еврейский университет
в Москве, 1996

«Gesharim», Jerusalem
Development of Cultural Contacts
Tel. 02-931-194, fax 02-931-537

© «Gesharim», 1996

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ. ДЕМОГРАФИЯ

В. Собкин

ЕВРЕЙСКИЙ ПОДРОСТОК О СЕМЬЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье излагаются результаты сравнительного социологического исследования еврейских и русских старшеклассников, которое было проведено сотрудниками Центра социологии образования РАО и Еврейского университета в Москве в марте—апреле 1994 г. Частично материалы этого исследования мною были уже опубликованы. Так, в «Вестнике Еврейского университета в Москве» № 1 (8) за 1995 г. вышла статья, где были проанализированы особенности отношения еврейских и русских подростков к политике, религии и межнациональным отношениям [6]. В предлагаемой статье дается сравнительный анализ особенностей отношения к семейной жизни еврейских и русских подростков.

При этом будут рассмотрены следующие аспекты: особенности семейного поведения в преломлении национальных традиций; характер отношений в семье — тип социально-ролевого лидерства; семейные ценностные ориентации; отношение подростков двух национальностей к браку, видение ими особенностей супружеских отношений.

Сохранение национально-культурных традиций в семье. Как показывают материалы опроса, в подавляющем большинстве еврейских семей (93,5%) общение происходит на русском языке. Лишь 3,7% еврейских школьников указали, что в их семье общаются на национальном языке. В целом эти данные выборочного опроса совпадают с официальными статистическими данными переписи населения. В то же время 36,1% еврейских подростков указали, что в их семьях справляются общегосударственные праздники (у русских в два раза меньше — 16,6%), а 19,4% отмечают религиозные праздники (среди русских —

25,4%). И в еврейских и в русских семьях прослеживается сходная тенденция: школьники, считающие себя религиозными, чаще отмечают, что в их семьях справляются религиозные праздники. Так, среди иудеев на это указывают 75,0%, среди православных — 59,5%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что религиозность детей, приобщение их к национальным традициям в большей степени происходят в семейном кругу религиозной семьи.

Следует также отметить, что дети, живущие в трехпоколенных семьях, несколько чаще указывают на традицию отмечать религиозные праздники в семье. Хотя различия, по сравнению с двухпоколенными семьями, здесь не очень заметны и можно говорить лишь о намечающейся тенденции. И все же, по-видимому, религиозные традиции в большей степени сохранены в трехпоколенных семьях, где более старшее поколение удерживает и воспроизводит их в семейном кругу.

Наконец, интересна следующая достаточно характерная тенденция. Еврейские школьники, отцы которых имеют ученую степень, заметно реже указывают на то, что в их семьях отмечаются религиозные праздники, по сравнению с теми, чьи матери имеют ученую степень. Соответственно: 25% и 45%. Это позволяет сделать вывод, что еврейские женщины более устойчивы к сохранению национальных традиций в семейной жизни несмотря на социальное продвижение. Так, рост уровня их образования заметно не изменяет установок семьи на сохранение и поддержание национальных традиций в семье. Мужчины же, напротив, с увеличением уровня образования все более отдаляются от национальных традиций, адаптируются к общим социокультурным нормам и требованиям.

Структурированность социально-ролевых отношений. Достаточно существенным моментом, характеризующим стиль семейных отношений, является тип взаимоотношений социально-ролевых позиций (отца, матери, бабушки и дедушки, самого ребенка) по отношению к семейному лидерству. Ответы старшеклассников на вопрос о том, кто является главой в их семье, показывают практически полное сходство в ответах еврейских и русских школьников. Так, считают, что в их семье нет главы, 23,1% русских и 26,4% еврейских старшеклассников. Думают, что главой в семье является отец, 27,6% русских и 27,3%

евреев. Соответственно, указывают на мать 24,3% и 17,1%. Дедушку или бабушку указывают 3,1% и 2,8%.

Следует специально отметить, что семьи детей, которые считают себя религиозными, более социально структурированы. Причем в этих семьях заметно чаще главой семьи выступает отец. Подобная тенденция проявляется как среди православных, так и среди иудеев (см. рис. 1).

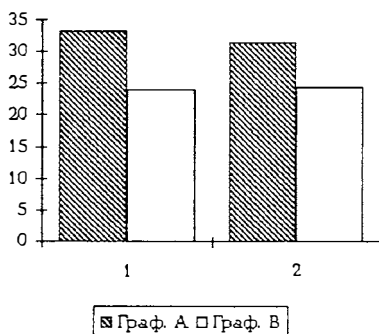

Рис. 1. Доля школьников (%), считающих, что главой в их семье является отец. Слева — русские, справа — евреи. График А — религиозные, график В — нерелигиозные.

Соответственно, среди религиозных детей меньше тех, кто считает, что в их семье нет главы. У русских среди религиозных эта доля составляет 16,6%, а среди нерелигиозных в два раза больше — 31,7%. Соответственно, среди евреев: 22,9% и 28,2%. Конечно, речь идет лишь о тенденции большей структурной организации и иерархичности социально-ролевых позиций в религиозных семьях.

Большая структурированность семьи (в данном случае мы имеем в виду наличие лидера, считающегося главой семьи) зависит не только от религиозности семьи, но и от целого ряда других социальных факторов. Так, следует отметить, что более структурированы относительно семейного лидерства и семьи с более высоким доходом.

Крайне интересная зависимость структуры семейного лидерства обнаруживается в еврейских семьях с разным уровнем образования родителей. Например, весьма показательным, что чем выше уровень образования матери, тем чаще дети склонны

считать, что в их семье нет главы (среди школьников, чьи матери имеют ученую степень, таких 50,0%, со средним образованием матери — 7,6%). В семьях с низким образованием матери или отца проявляется явная установка на то, что главой семьи является отец. Далее по мере роста уровня образования родителей позиция отца как главы семьи падает. Заметный рост его авторитета как главы семьи обнаруживается только в том случае, если он имеет ученую степень.

Помимо вопроса о структурной организации семьи, признании семейного лидерства за той или иной социально-ролевой семейной позицией (является ли главой семьи отец или мать? есть ли вообще в семье глава?), мы попытались выяснить вопрос о стиле принятия решений в семье. Особое значение для нас имеет здесь такой аспект, как демократический или авторитарный стиль принятия решений.

В целом результаты опроса, как и в случае с определением лидера (главы семьи), показывают высокое сходство в ответах русских и еврейских подростков. Так, большинство школьников обеих национальностей считают, что в их семьях существует демократический стиль принятия решений — «решение принимается всей семьей с учетом интересов и возможностей каждого». Таких ответов среди русских школьников 51,8%, среди евреев — 59,3%. Считаю, что окончательное решение всегда принимает отец: среди русских — 10,0%, среди евреев — 8,8%. Отводят подобную роль матери, соответственно: 12,7% и 5,1%. Считаю себя полноправными членами семьи, отмечая, что с их мнением считаются при решении важных семейных вопросов, среди русских школьников 16,2%, среди евреев — 19,0%. Наконец, практически одинаково число русских и еврейских школьников считают, что мнения членов их семьи, как правило, не совпадают и поэтому в семье никогда не могут прийти к окончательному решению какого-либо вопроса (соответственно: 8,3% и 7,9%). Таким образом, стиль семейных отношений в целом достаточно сходен как в русских, так и в еврейских семьях. Можно только отметить лишь несколько более выраженную тенденцию среди еврейских семей к демократическому стилю принятия решений.

Попытаемся теперь более подробно проанализировать полученные данные. Характерно, что с возрастом школьников практически не меняется характер оценки ими стиля принятия

решений в семье. В этой связи можно думать, что само по себе взросление ребенка на этапе от 13 до 18 лет практически не меняет стиля сложившихся семейных отношений. Если они были демократическими, то они такими и остаются. Если позиция ребенка учитывается в семье в более раннем возрасте, то она учитывается и в подростковом и юношеском. И наоборот. Таким образом, если в семье уже сложился авторитарный стиль отношений, то семья практически оказывается мало чувствительной к взрослению своего ребенка, необходимости смены отношений. Кстати, показательно в этой связи то, что с возрастом заметно увеличивается доля школьников (практически в два раза и у русских и у евреев), критически относящихся к сложившемуся в их семье стилю отношений при принятии решений. Все большее их число начинает отмечать «непродуктивность» попыток принять то или иное решение, что «в семье никогда не могут прийти к решению какого-либо вопроса». Эта тенденция показана на рис. 2.

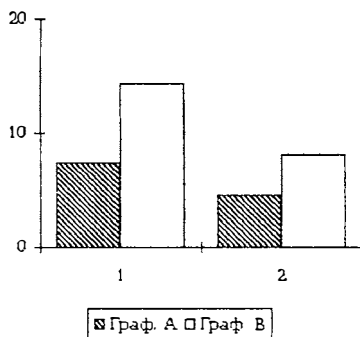

Рис. 2. Возрастная динамика изменения оценки стиля принятия решений в семье по критерию: «мнения членов семьи, как правило, не совпадают, поэтому мы никогда не можем прийти к окончательному решению». Слева — русские, справа — евреи. График А — 13—14 лет, график В — 17—18 лет.

Весьма интересна, на наш взгляд, динамика изменения оценки школьниками стиля принятия решений в семье в зависимости от уровня образования родителей. Здесь обращают на себя внимание два момента. Первый связан с тем, что чем выше уровень образования родителей, тем выше доля школьников, фиксирую-

щих демократический стиль принятия решений, — «решение принимается всей семьей с учетом интересов и возможностей каждого». Второй момент касается другой параллельной тенденции: с ростом образования родителей все большее число школьников фиксируют, что мнения между членами в семье, как правило, не совпадают и они не могут прийти к окончательному решению. Эти два момента в равной степени характерны как для русских, так и для еврейских школьников. Причем показательно, что отмеченные тенденции наиболее отчетливо проявляются как у тех, так и у других в зависимости от уровня образования матери. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно уровень образования матери влияет на оценку подростком сложившегося в семье стиля отношений. Так, например, среди еврейских школьников, чьи матери имеют ученую степень, 27,3% считают, что семья не может прийти к принятию решения. У русских, соответственно, — 25,0%. Со средним уровнем образования матери подобным образом оценивают отношения в семье у евреев 1,2% подростков, у русских — 9,0%. Иначе говоря, чем выше образовательный статус матери, тем, с одной стороны, выше демократический стиль отношений в семье и в то же время семья часто не может прийти к удовлетворяющему всех адекватному решению.

Достаточно характерна связь структурированности социально-ролевых позиций в семье (наличие в ней лидера, главы) и стиля принятия решений в семье. Здесь следует выделить по меньшей мере следующие четыре момента. Первый очевиден и тривиален. Он связан с тем, что фиксация подростком в качестве главы семьи отца или матери коррелирует с признанием за ними и соответствующих реальных прав на принятие решений в семье. Так, среди еврейских подростков, указавших, что главой семьи является отец, 23,7% отмечают, что он и принимает окончательные решения. В этом случае считают, что подобную возможность имеет мать, лишь 1,7%. Та же тенденция и среди русских школьников, соответственно, — 26,1% и 2,8%. Наоборот, в случае, когда главой признается мать, за ней так же чаще признается и право принятия окончательного решения и существенно реже такое право признается за отцом. Повторимся: данная закономерность действительно тривиальна и фиксирует связь статуса главы семьи с признанием за ним права на принятие окончательного решения

(примерно в каждой четвертой семье формальное и реальное лидерство совпадают).

Второй момент более интересен. Он связан с ощущением себя подростком полноправным членом семьи, с мнением которого считаются при принятии семейных решений. Здесь еврейские и русские семьи заметно отличаются. Так, среди русских школьников подобное ощущение практически не зависит от того, является ли главой семьи отец или мать. Среди еврейских школьников различия в данном случае достаточно очевидны. Школьники, указывающие на то, что главой в семье является мать, в два раза чаще отмечают, что они являются полноправными членами семьи, с мнением которых считаются при принятии решений, по сравнению с теми, кто отмечает, что главой в их семье является отец (соответственно, среди первых таких 21,6%, а среди вторых — 10,0%). Таким образом, в еврейских семьях явно прослеживается бóльшая авторитарность по отношению к ребенку, когда главой семьи признается отец. Если же главой является мать, то отношение к ребенку более демократично.

Третий момент связан с ситуациями, когда мы имеем дело с трехпоколенными семьями, когда главой семьи признаются представители более старшего поколения — бабушка или дедушка. Здесь интересны два аспекта.

Во-первых, среди русских подростков в этом случае практически нет каких-либо различий, за кем они признают право на принятие окончательного решения — за отцом или за матерью. У еврейских же подростков тенденция весьма отчетлива. Если семья трехпоколенная (в которой считаются главой представители старшего поколения), то, по мнению подростка, окончательное решение принимается матерью (никто из группы школьников, живущих в трехпоколенных семьях, не указал на то, что окончательное решение принимает отец, а на мать указал каждый пятый — 20,0%). Таким образом, можно сделать вывод, что в отличие от русских семей в трехпоколенных еврейских семьях поддерживается традиция оставлять за матерью право принятия окончательного решения по семейным вопросам. (К сожалению, из-за относительно небольшой выборки мы не можем более детально проанализировать данную тенденцию, например, относительно такого параметра: чьими родителями — отца или матери — являются бабушка или дедушка.)

Во-вторых, в русских трехпоколенных семьях существует более жесткая авторитарная позиция по отношению к подростку, чем в еврейских. Так, если среди русских школьников, живущих в трехпоколенной семье, считают себя полноправным членом, с мнением которого считаются, 7,1% подростков, то среди евреев таких 20,0%. Итак, если русская трехпоколенная семья более склонна поддерживать авторитарную тенденцию отношений к подростку, то еврейская трехпоколенная семья более ориентирована на демократический стиль отношения к нему.

Четвертый момент связан с наличием у подростка старшего брата или сестры. Здесь, во-первых, у русских и еврейских школьников проявляется одна общая тенденция. Так, если подросток является младшим ребенком в семье, то он гораздо чаще склонен считать, что окончательные решения по семейным вопросам принимает мать, а не отец (в данном случае среди русских подростков считают, что мать принимает окончательные решения 45,5%, отец — 27,3%; среди евреев, соответственно, — 66,7% и 0,0%). Таким образом, младший ребенок — и у русских и у евреев — чаще воспринимает мать как реального лидера, принимающего на себя ответственность за решение семейных вопросов. Возможно, — и это, на наш взгляд, достаточно правдоподобно, — что в данном случае проявляется особый характер взаимоотношений матери с младшим ребенком (например, его большая опека матерью и т. п.).

Во-вторых (и здесь проявляются заметные различия между русскими и еврейскими подростками), русские подростки, которые имеют старшего брата или сестру, заметно реже (по сравнению со своими еврейскими сверстниками) отмечают, что они ощущают себя полноправными членами семьи, с мнением которых считаются. Если среди русских подростков таких 9,1%, то среди евреев каждый третий (33,3%). Таким образом, русский подросток, являющийся вторым или третьим ребенком в семье, гораздо чаще по сравнению с таким же еврейским подростком склонен отмечать, что он испытывает в семейном кругу режим авторитарных отношений.

Проведенное сопоставление позволяет нам сделать достаточно принципиальный вывод общего характера. Понятно, что в данном случае мы говорим лишь о тенденции, суть которой состоит в следующем: чем более сложно структурно организована русская семья (наличие в ней трех поколений, наличие у подро-

стка старшего брата или сестры), тем больше она склонна поддерживать и реализовывать стиль авторитарного отношения к младшему ребенку в семье. Противоположная тенденция в еврейской семье: чем сложнее ее организация, тем отчетливее проявляется ориентация на поддержание стиля демократических отношений с младшим подростком. Подобное различие в зависимостях между структурной организацией и стилем отношений в русских и еврейских семьях имеет, на наш взгляд, фундаментальное культурологическое значение. Обсуждать его следует более детально, что выходит за рамки данной статьи.

Открытость или замкнутость семьи. В ходе опроса мы просили старшеклассников оценить, на кого, на чью помощь, по их мнению, может рассчитывать их семья, если «для нее наступят тяжелые времена». Результаты опроса показали, что оценки русских и еврейских подростков здесь практически не отличаются. Так, подростки обеих национальностей считают, что им нечего рассчитывать на государственную поддержку. На помощь государства рассчитывают лишь 1,5% русских и 0,9% евреев. Считают, что они в этом случае могут рассчитывать только на самих себя, 37,2% среди русских и 36,6% среди евреев. Предполагают, что если для семьи наступят тяжелые времена, то она сможет опереться на близких родственников, соответственно: 34,7% и 31,9%. Наконец, предполагают, что семья может опереться на помощь близких друзей, среди тех и других 14,8%. Итак, как можно заметить, по мнению школьников, семья может в основном рассчитывать на самое себя либо на помощь родственников. В меньшей степени ожидается поддержка со стороны друзей семьи, и практически никто не рассчитывает на помощь государства.

Таким образом, оценки характера близости связей своей собственной семьи как со своими родственниками, так и с друзьями у еврейских и русских подростков одинаковы. Более детальный анализ не выявил каких-либо различий в оценке связей семьи от уровня благосостояния семьи, ее религиозности и других социальных факторов. Единственная общая тенденция, которая прослеживается как в еврейских, так и в русских семьях, связана с тем, что подростки из семей с более высоким уровнем образования своих родителей реже указывают на то, что семья может рассчитывать на помощь родственников (см. рис. 3).

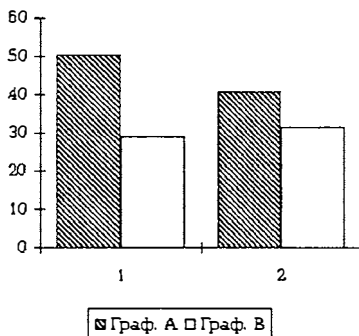

Рис. 3. Мнение русских и еврейских подростков о том, что семья может рассчитывать на помощь родственников в зависимости от уровня образования родителей. Слева — русские, справа — евреи. График А — родители без высшего образования, график В — родители с высшим образованием.

Это дает основание сделать вывод, что чем выше образовательный статус семьи, тем менее прочными становятся ее родственные связи. В определенном смысле это может характеризовать разные стили поддержания семейных связей у семей с разным образовательным уровнем. В какой-то степени это может быть объяснено переходом семьи с повышением ее образовательного уровня в иную социальную страту. Однако подобное объяснение применимо лишь для семей, где проявляется социальная мобильность подобного рода. Для случаев, где такой мобильности не наблюдается, необходим поиск более глубинных социокультурных оснований, объясняющих, почему в более высоких образовательных стратах характерна большая отчужденность семьи в поддержании тесных контактов со своими родственниками.

Семейные ценности. Особое внимание в ходе исследования было уделено изучению особенностей тех ценностей, которые, по мнению школьников, наиболее значимы для их семьи. Этот момент нам представляется особенно важным, поскольку он позволяет более содержательно оценить ту специфику, тот содержательный контекст, в котором происходит социализация еврейского и русского подростка. В исследовании мы просили школьников отметить те ценности, которые, по их мнению, наиболее чтит их семья. Ответы русских и еврейских школьников представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

**Оценка наиболее значимых семейных ценностей
русскими и еврейскими старшеклассниками (%)**

Наиболее важные семейные ценности	Русские	Евреи
счастливая семейная жизнь	61,1	47,2
здоровье	46,4	44,0
дружба и взаимопомощь	33,3	42,6
воспитание детей	28,7	30,1
достижение материального благополучия	25,2	18,0
гуманистические ценности духовной культуры	12,7	25,5
успешная карьера	15,4	7,9
успешная профессиональная деятельность	10,2	15,7
познание себя	6,2	4,6
следование национальным традициям	2,7	6,0
отправление религиозных обрядов	0,6	0,5

Как можно заметить, значимость тех или иных ценностей, которым отдается предпочтение в семьях русских и еврейских подростков, в целом практически мало отличается. В этой связи можно думать, что структура ценностных установок, которая определяет содержательное пространство социализации еврейского и русского подростка в кругу семьи, в принципе носит сходный характер. Можно лишь отметить, что для русских семей несколько более значимы такие ценности, как счастливая семейная жизнь, достижение материального благополучия, успешная карьера. Для еврейских, соответственно: дружба и взаимопомощь, гуманистические ценности духовной культуры, успешная профессиональная деятельность.

Пожалуй, первая мысль, которая возникает при анализе отмеченных различий,— это попытаться выяснить, насколько они специфичны именно как национальные, или они вполне могут быть объяснены таким, например, фактором, как уровень образования родителей. Полученные данные позволяют выделить два показателя, две ценностные установки, которые действительно различают семьи, где родители имеют среднее и высшее

образование: это значимость для семьи ценностей гуманистической духовной культуры и ценности счастливой семейной жизни (см. рис. 4).

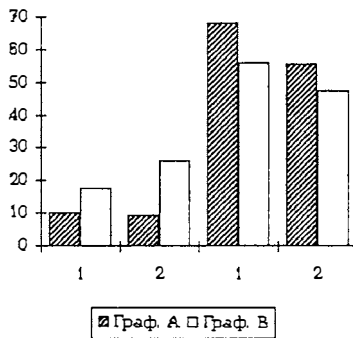

Рис. 4. Значимость ценностей: «гуманистические ценности духовной культуры» (слева) и «счастливая семейная жизнь» (справа). 1 — русские, 2 — евреи. График А — родители со средним образованием, график В — родители с высшим образованием.

Как видно из рисунка, значимость этих ценностей в семьях с разным уровнем образования родителей сходным образом проявляется как среди русских, так и у евреев. В семьях с высоким уровнем образования более значима ценность духовной культуры и менее значима ценность счастливой семейной жизни. Относительно же значимости остальных ценностей, приведенных в таблице 1, уровень образования родителей оказался нейтральным.

Помимо выяснения вопроса о различиях в значимости тех или иных ценностей в семьях с разным уровнем образования родителей, интересно проследить, отличаются ли в этом отношении семьи, в которых дети считают себя религиозными и не считают себя таковыми. Проведенный в этом направлении анализ полученного материала показывает, что между русскими подростками здесь каких-либо значимых различий не обнаружено. Между тем еврейские старшеклассники, считающие себя религиозными, заметно чаще по сравнению с нерелигиозными евреями отмечают, что в их семьях значимы такие ценности, как следование национальным традициям и воспитание детей (см. рис. 5).

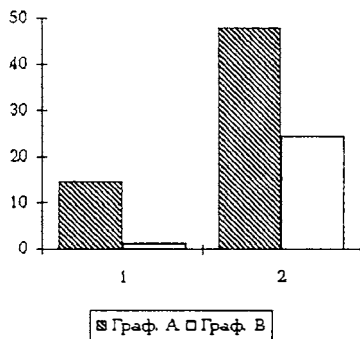

Рис. 5. *Значимость в семье религиозных и нерелигиозных еврейских подростков ценностей «следование национальным традициям» (слева) и «воспитание детей» (справа). А — религиозные, В — нерелигиозные.*

Таким образом, следование национальной традиции и воспитание детей, как значимые ценности семейной жизни, отличают особенности структуры ценностей семьи религиозного еврейского подростка от нерелигиозного. Причем характерно, что среди предложенных ценностей, по оценкам религиозных еврейских подростков, в их семьях ценность воспитания детей занимает первое место.

Представленные выше различия в значимости тех или иных ценностей у семей с разным уровнем образования родителей и в религиозных и нерелигиозных семьях позволяют выделить два своеобразных вектора, структурирующих семейные ценностные ориентации. Первый — образовательный — поляризует ориентацию на гуманистические ценности духовной культуры и ориентацию на счастливую семейную жизнь. Можно думать, что более низкий уровень образования семьи замыкает ее ценностные ориентации на круг событий внутрисемейной жизни. Второй — религиозный (выявленный нами среди евреев) — ориентирует семейные ценности на следование национальным традициям (своеобразное «размыкание» внутреннего круга) и на ценность воспитания детей. Таким образом, для еврейской семьи в России характерны как бы две тенденции размыкания локального внутрисемейного круга ценностей: светская, обусловленная социально-стратификационным статусом семьи (здесь еврейские семьи

принципиально не отличаются от русских), и религиозная (приобщение к национальной традиции). Причем характерно, что именно в логике последней весьма и весьма существенно повышается значимость ценности воспитания детей.

В этой связи в ходе нашего исследования мы попытались выяснить мнение старшеклассников о том, что должна воспитывать семья в своих детях. Данные приведены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

**Что семья должна воспитывать в своих детях,
по мнению русских и еврейских старшеклассников (%)**

Задачи воспитания	Русские	Евреи
любить и заботиться о близких	48,7	37,5
нравственные и моральные принципы	35,8	44,9
умение приспосабливаться к любой обстановке	42,2	41,7
стремление повышать образование и культурный уровень	28,9	35,0
волевые качества	35,1	30,1
стремление развивать свои способности	20,8	34,3
читать возраст, почитать старшее поколение	17,0	9,3
стремление достичь материального благополучия	16,8	10,6
быть патриотом своей страны	6,4	5,6
следовать религиозным правилам, нормам, обычаям	3,5	8,3
следовать национальным традициям	2,3	14,4

Как видно из таблицы, различия между русскими и еврейскими старшеклассниками достаточно заметны. Так, русские чаще отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях любовь и заботу о своих близких; чтить возраст, почитать старшее поколение; стремление достичь материального благополучия. Для еврейских школьников более значимы такие воспитательные установки, как: формирование нравственных и моральных принципов; стремление повышать свое образование и культурный уровень; стремление развивать свои способности; следование

национальным традициям. С нашей точки зрения, эти различия достаточно содержательны. Так, нетрудно видеть, что воспитательные ценности у русских подростков, с одной стороны, сориентированы на значимость семейных отношений и возрастную иерархию (своеобразная коммунитарная ориентация — ценность межличностных связей, сохранение возрастной социальной иерархии и т. п.), а с другой — на ценность достижения материального благополучия. Для еврейских же подростков более значимы воспитательные принципы, связанные с формированием установок (стремлений) к самореализации. Другой аспект, их отличающий, связан с большей ориентацией на следование национальным традициям и вообще большая ценность культурных ценностей, чем материальных. Следует заметить, что в какой-то степени эти различия повторяют те же, что мы выделили при сопоставлении московских и амстердамских старшеклассников [4].

Здесь следует обратить внимание на саму формулировку данного вопроса. В определенной степени он является проективным. Действительно, сформулированный в модальности долженствования — «что семья *должна* воспитывать в своих детях», — он позволяет выявить ожидания подростков относительно направленности воспитательных действий со стороны их собственных родителей. В этой связи проведем более подробный анализ полученного материала.

Первое, что представляет, с нашей точки зрения, безусловный интерес, — это попытаться выявить половые различия. Как среди русских, так и среди еврейских старшеклассников прослеживается одна общая тенденция: юноши заметно чаще, чем девушки, считают, что семья должна воспитывать в своих детях волевые качества (см. рис. 6).

Как мы видим, этот аспект отчетливо проявляет мужские и женские установки респондентов обеих национальностей. Характерно, что доля девушек, придерживающихся данной точки зрения, одинакова среди русских и евреек. Можно также отметить, что подобные требования (ожидания) к семейному воспитанию ребенка русские подростки высказывают заметно чаще. В дополнение к этому следует добавить, что и русские и еврейские школьницы чаще, чем мальчики, отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях нравственные и моральные принципы,

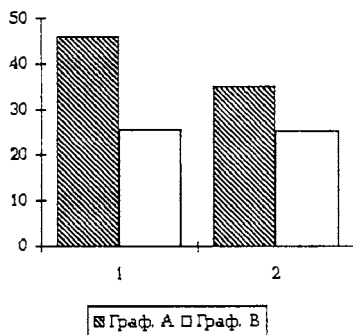

Рис. 6. Мнения русских и еврейских юношей и девушек о том, что семья должна воспитывать в своих детях волевые качества. Слева — русские, справа — евреи. График А — юноши, график В — девушки.

умение приспосабливаться к любой обстановке. Однако здесь различия не столь заметны и можно говорить лишь о тенденции.

Если же говорить о специфических тенденциях, которые отличают русских и еврейских юношей и девушек, то здесь можно выделить несколько моментов. Так, русские школьницы заметно чаще, чем русские подростки, отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях любовь и заботу о близких, — 61,5% (среди юношей в два раза меньше — 35,5%) и уважение к возрасту, старшему поколению — 21,9% (у юношей — 11,4%). Таким образом, русские девушки оказываются более ориентированными на ценности семейных межличностных отношений и на поддержание возрастной иерархии. Показательно, что эти моменты никак не дифференцируют еврейских школьниц и школьников. Для них дифференцирующим выступает такой аспект, как следование национальным традициям. В этом отношении еврейские девушки чаще, чем юноши, считают, что семья должна воспитывать в своих детях потребность следования национальным традициям, — 16,5% (у еврейских юношей — 10,8%). Заметим, кстати, что данное отличие хорошо согласуется с отмеченным нами выше фактом большей устойчивости еврейских женщин к сохранению национальных традиций. Так, напомним, что повышение уровня образования матери не оказывает особого влияния на отказ семьи от поддержания национальных традиций. В этой связи можно думать, что еврейские девочки более склонны воспроизводить

стиль поведения своих матерей по сохранению национальных традиций. Это наталкивает на мысль о специфике половой идентификации еврейских девочек с матерью, существенным моментом которой является ориентация на реализацию стиля традиционного женского поведения в еврейской семье по поддержанию национальных традиций.

Наконец, следует отметить противоположную тенденцию в ориентациях русских и еврейских юношей и девушек относительно такого аспекта воспитания, как воспитание стремления у детей повышать образовательный и профессиональный уровень. Если среди русских школьников на этот аспект чаще ориентированы девушки (32,7%, у юношей — 21,1%), то среди евреев, наоборот, считают его более важным юноши (28,8%, у девушек — 21,4%). В этом отношении можно, по-видимому, говорить об определенном традиционализме мужских и женских поведенческих установок среди евреев.

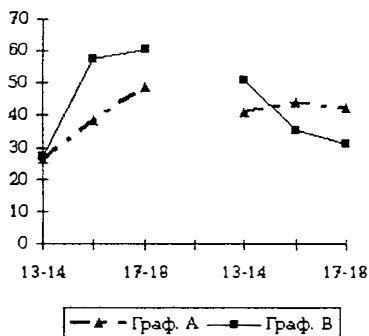

Рис. 7. Возрастная динамика изменения значимости для школьников воспитательных установок, направленных на формирование «нравственных и моральных принципов» (слева) и формирование «умения приспосабливаться к любой обстановке» (справа). График А — русские, график В — евреи.

Особый интерес представляет анализ возрастных изменений. В определенном смысле он позволяет судить об изменении семейных воспитательных ценностных установок при переходе от подросткового к юношескому возрасту. Здесь можно отметить

по меньшей мере две отчетливо выраженные тенденции. Первая связана с возрастной динамикой значимости таких двух показателей, как воспитание нравственных и моральных принципов и воспитание умения приспосабливаться к любой обстановке (см. рис. 7).

Представленные на рисунке тенденции интересно обсудить в нескольких аспектах. Во-первых, можно отметить, что с возрастом как у русских, так и у еврейских школьников увеличивается значимость такого аспекта, как воспитание нравственных и моральных принципов. Это позволяет сделать вывод о том, что морально-нравственная сфера становится с возрастом все более и более значимой для старшеклассников обеих национальностей. Во-вторых, возрастная динамика значимости такого аспекта, как умение приспосабливаться к любой обстановке, заметно отличает русских и евреев. Если среди русских школьников относительно значимости этого аспекта с возрастом практически не наблюдается какой-либо заметной динамики мнений, то для евреев характерно резкое снижение его значимости. В-третьих, следует обратить внимание на сам характер динамических изменений. Так, если у русских школьников значимость формирования морально-нравственных принципов последовательно увеличивается от возраста к возрасту, то среди еврейских школьников наблюдается весьма резкое повышение значимости этого аспекта на рубеже 14—15 лет. Обратим внимание, что параллельно с этим именно на данном возрастном рубеже 14—15 лет у еврейских школьников резко падает значение, по сути дела, противоположного воспитательного принципа — умения приспосабливаться к любой обстановке. Таким образом, анализ характера изменений динамических тенденций в возрастном аспекте позволяет нам прийти к заключению о том, что на рубеже 14—15 лет у еврейских подростков происходит принципиальное изменение в оценке значимости морально-нравственных аспектов. Для них актуальной становится оппозиция: ориентация на морально-нравственные принципы — приспособление к ситуации. Можно посмотреть на эти данные и под иным углом зрения. Если, как мы отмечали выше, сам вопрос носит проективный характер, то можно думать, что на данном возрастном этапе действительно весьма заметно меняется и содержательный характер воспита-

тельных воздействий со стороны самой еврейской семьи по отношению к ребенку: акцентируется особое внимание на морально-нравственных принципах.

В этой связи можно отметить следующие особенности, которые характерны для русских школьников (хотя статистически они недостаточно явно выражены): на данном возрастном этапе 14—15 лет у них намечается увеличение значимости таких аспектов, как любовь и забота о близких и стремление к повышению образовательного и культурного уровня. Отсюда можно предположить, сопоставляя данные, полученные на еврейских и русских школьниках, что здесь мы фиксируем разные национально-культурные традиции ценностных изменений в процессе семейного воспитания.

Вторая характерная тенденция связана с возрастным изменением значимости такого аспекта, как стремление к развитию своих способностей (см. рис. 8).

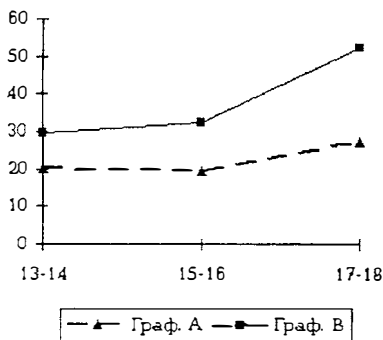

Рис. 8. Возрастная динамика значимости для русских (график А) и еврейских (график В) школьников аспекта: «стремление к развитию своих способностей».

Как видно из рисунка, для школьников обеих национальностей значимость воспитания стремления к развитию своих способностей заметно увеличивается на возрастном рубеже 16—17 лет. Причем особенно резко это проявляется у еврейских школьников. Таким образом, мы можем сделать определенный вывод о возрастной траектории в смене значимости ценностных ориентаций школьников: на рубеже 14—15 лет — значимость мораль-

ных принципов; на рубеже 16—17 лет — значимость развития своих способностей. Можно заключить, что в этом проявляется смена ценностно-смыслового контекста при переходе от подросткового возраста к юношескому у еврейского подростка, смена основных модальностей его переживаний и отношений с социальной средой. Вполне правомерно и обратное утверждение: это и смена воспитательных ценностных ориентиров по отношению к формирующемуся в еврейской семье подростку и юноше.

Понятно, что рассмотренные выше два фактора — пол и возраст — не исчерпывают всех возможных переменных, которые могут играть весьма существенную роль при определении школьниками тех аспектов, которые семья должна воспитывать в своих детях. Вполне правомерно предположить, что заметную роль здесь будут играть социально стратификационные факторы. В этой связи мы имеем возможность сравнить особенности ориентаций подростков из семей с разным уровнем образования родителей. Анализ показывает, что повышение уровня образования родите-

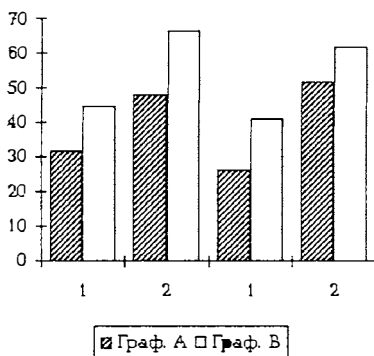

Рис. 9. Значимость формирования у ребенка «нравственных и моральных принципов» (слева) и «умения приспособиваться к любой обстановке» (справа), по мнению школьников с разным уровнем образования родителей. 1 — русские, 2 — евреи. График А — со средним образованием родителей, график В — с высшим образованием родителей.

лей проявляется одинаковым образом как среди русских, так и среди еврейских подростков. При этом два аспекта дифференци-

руют ценностные установки школьников из семей с разным образовательным статусом родителей. Это: воспитание нравственных и моральных принципов; умение приспосабливаться к любой обстановке. Характерно, что дети из семей с более высоким образованием родителей чаще отмечают и значимость при формировании ребенка морально-нравственных принципов, и воспитание у него умения приспосабливаться к любой ситуации (см. рис. 9).

В принципе эти тенденции можно определить как противоположные, если рассматривать умение приспосабливаться к любой ситуации как беспринципность. Именно подобной интерпретации мы и придерживались, когда рассматривали возрастную динамику. Тогда мы отмечали, что с возрастом увеличивается значимость формирования морально-нравственных принципов и падает значимость умения приспосабливаться к любой ситуации. Однако в данном случае мы сталкиваемся с иной тенденцией. У детей с высоким уровнем образования родителей растет значимость этих двух аспектов. Это позволяет иным образом проинтерпретировать возникающую перед подростком жизненную коллизию. Так, можно предположить, что школьники из более образованных социальных страт более остро переживают саму проблему нравственного выбора, противоречие морали и нравственности, безусловных норм и проблему их реализации в конкретной ситуации социального взаимодействия. Вопрос о том, как действовать в различных социальных ситуациях, сохраняя при этом верность принципам, чаще выступает для детей из более образованных страт как реальная жизненная проблема. Представляется, что подобная интерпретация полученных данных достаточно правдоподобна.

Наконец, особый интерес представляет анализ мнений религиозных и нерелигиозных подростков о том, какие качества семья должна воспитывать в своих детях. Можно думать, что содержательный контекст общения со взрослыми, воспитательная направленность семейного окружения существенно отличаются у религиозных и нерелигиозных школьников. Как показывают полученные материалы, это действительно так. Причем здесь обнаруживаются весьма характерные различия между религиозными русскими и религиозными еврейскими школьниками. Так, в отличие от нерелигиозных русские школьники, считающие себя

верующими, практически в два раза чаще отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях такие качества, как любовь и заботу о своих близких (среди верующих русских таких 52,8%, а среди неверующих русских 34,5%), почтение к возрасту и старшему поколению (соответственно: 22,7% и 11,3%).

Дифференциация же относительно значимых установок семейного воспитания ребенка между религиозными и нерелигиозными еврейскими школьниками идет совершенно по иной линии. Религиозные еврейские школьники в отличие от нерелигиозных евреев считают, что семья должна воспитывать в своих детях следование национальным традициям (среди религиозных евреев так считает каждый четвертый — 25,0%, среди нерелигиозных еврейских школьников — 6,4%), следование религиозным правилам, нормам, обычаям (соответственно: 22,9% и 0,0%).

В данной статье мы не имеем возможности подробно обсуждать различие во взглядах на цели воспитания ребенка в семье среди верующих русских и верующих еврейских подростков. И все же можно думать, что даже на уровне массового социологического исследования мы затрагиваем, естественно, лишь в первом приближении, достаточно глубинные различия в установках, направленных на воспитание ребенка в иудаизме и православии.

Мнения подростков об их будущем браке. В ходе настоящего опроса мы задавали школьникам ряд вопросов, которые касались: их намерений вступить в брак в ближайшее время; их мнений об идеальных супружеских отношениях; значимости для них тех или иных качеств в будущем супруге.

Сразу отметим, что еврейские и русские подростки в своем отношении к браку практически не отличаются. Это касается как оценки собственных семейных перспектив, так и идеальных супружеских отношений.

В целом школьники относятся к браку позитивно. Лишь 3,3% русских и 1,4% евреев относятся к нему явно отрицательно. Одинакова и доля сторонников свободных отношений — 10,4% среди русских и 10,6% — среди евреев. Оценивая свое ближайшее будущее, хотят вступить в брак как можно скорее 5,8% русских и 7,4% евреев. Не хотят же пока думать о своем браке, соответственно: 27,9% и 22,7%. Вообще же каждый пятый (21,2%) русский и каждый четвертый (26,4%) еврейский школьник счи-

тает для себя вступление в брак очень серьезным жизненным шагом и думает, что он «будет долго и тщательно выбирать себе подругу (друга) жизни».

Характерно, что основой вступления в брак для большинства школьников является любовь. Так, отмечают, что «смогут вступить в брак только по любви», 43,0% русских и 41,2% евреев. Точка зрения о том, что в основе брака «должен в первую очередь лежать материальный расчет», крайне непопулярна. Ее разделяют всего 4,6% русских и 4,2% евреев.

Сходны представления старшекласников обеих национальностей и о том, какими должны быть идеальные отношения между супругами (см. табл. 3).

Таблица 3

**Оценка значимости различных аспектов отношений
между супругами в идеальном браке (%)**

Характеристики отношений в браке	Русские	Евреи
теплые и дружеские отношения, взаимопомощь и поддержка	67,1	71,8
сексуальная гармония	49,7	49,5
мужчина — кормилец. жена — домохозяйка	46,2	36,1
общность интересов и увлечений	27,0	28,7
оба супруга работают и разделяют ответственность за ведение домашних дел	23,5	28,2
общность профессии	2,3	1,9
затрудняюсь ответить	15,5	15,3

Из таблицы видно, что наиболее значимым моментом является наличие теплых и дружеских взаимоотношений между супругами, взаимопомощь и поддержка. На втором месте по значимости находится сексуальная гармония. Среди русских школьников более популярно традиционное представление о распределении ролевых отношений в семье: мужчина — кормилец, жена — домохозяйка. Среди евреев, напротив, несколько больше тех, кто считает, что оба супруга должны работать и разделять совместную ответственность за ведение домашних дел.

Наконец, около трети школьников обеих национальностей подчеркивает важность общности интересов и увлечений у супругов.

Итак, представления об идеальных супружеских отношениях у русских и еврейских школьников практически одинаковы. Основу их составляет духовная близость, теплота, взаимопонимание и поддержка. Более детальный анализ особенностей видения идеальных супружеских отношений показывает, что девушки по сравнению с юношами чаще придают большую значимость такому аспекту, как теплые и дружеские отношения, взаимопомощь и поддержка. Это касается как русских, так и евреев. Среди русских девушек этот аспект отмечают 74,1%, среди юношей — 60,2%. Соответственно, среди евреев: 78,6% и 65,8%. Еврейские юноши также чаще склонны, чем девушки, придерживаться традиционалистского взгляда на распределение социально-ролевых позиций между супругами: мужчина обеспечивает семью, а женщина занимается домашним хозяйством (среди юношей так считают 41,4%, среди девушек — 31,3%).

Достаточно интересна и возрастная динамика изменения взглядов на значимость тех или иных особенностей взаимоотношений между супругами. Так, с возрастом среди еврейских школьников последовательно увеличивается значимость такого аспекта отношений между супругами, как теплые и дружеские отношения, взаимопомощь и поддержка. Среди 13—14-летних его отмечают 63,6%, среди 15—16-летних — 73,5%, среди 17—18-

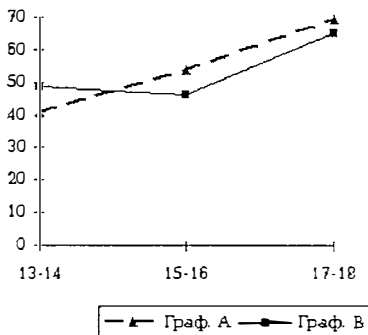

Рис. 10. Возрастная динамика изменения значимости «сексуальной гармонии» во взаимоотношениях между супругами. График А — русские, график В — евреи.

летних — 83,8%. Подобной последовательной, четко выраженной динамики среди русских школьников не наблюдается (соответственно: 64,5%, 70,2%, 67,0%). С возрастом у школьников обеих национальностей увеличивается значимость и такого аспекта, как сексуальная гармония (см. рис. 10).

Наконец, с возрастом школьников падает значимость для них традиционалистской модели распределения супружеских отношений: мужчина — обеспечивает семью, женщина — занимается домашним хозяйством (см. рис. 11).

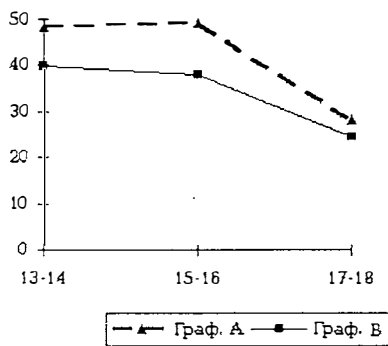

Рис. 11. Возрастная динамика изменения значимости традиционалистской модели распределения функций между супругами. График А — русские, график В — евреи.

Как видно из рисунка, и у русских и у евреев отказ значительной части школьников от ориентации на традиционалистскую модель супружеских отношений происходит на рубеже 17—18 лет. Поэтому можно думать, что именно на данном возрастном этапе вообще существенно меняются взгляды школьников относительно стиля идеальных супружеских отношений, которые они хотели бы реализовать в собственной семье.

Помимо вопроса о стиле супружеских отношений, в ходе опроса мы выясняли мнение школьников относительно значимости тех качеств, которыми должен обладать человек, с которым они предполагают вступить в брак. Оценка значимости качеств, которыми должен обладать будущий супруг, с точки зрения старшеклассников еврейской и русской национальностей, представлена в таблице 4.

Таблица 4

Оценка наиболее важных качеств будущего мужа (жены)

Качества будущего избранника	Русские	Евреи
любовь ко мне	75,5	69,9
внешняя привлекательность	61,5	49,5
высокий уровень культуры, образования	34,5	41,7
высокие моральные принципы	16,2	19,4
общие интересы и увлечения	22,2	14,4
общая национальная принадлежность	5,6	26,9
общая религиозная принадлежность	1,9	17,1
хорошие перспективы в будущем	16,6	6,9
высокий уровень своего материального благосостояния	13,1	5,6
высокий уровень материального благосостояния своей семьи	4,8	2,3
высокий социальный статус	3,1	1,4

Если в целом установки относительно брака и оценки супружеских отношений у еврейских и русских школьников совпадают, то при оценке значимости ими тех или иных качеств будущего супруга различия проявляются весьма отчетливо. Для русских школьников более важными являются: внешняя привлекательность, хорошие перспективы в будущем, уровень материального благосостояния. Для евреев: уровень культуры и образования, общая национальная принадлежность, общая религиозная принадлежность. Последние два аспекта принципиальны. Так, мы видим, что проблема национальной общности с будущим супругом весьма актуальна для каждого четвертого-пятого еврейского школьника. Здесь мы можем сделать вывод об актуализации национально-культурной границы при построении супружеских планов у еврейских школьников. В этом отношении характерно, что при определении значимых качеств близкого друга его религиозная и национальная принадлежность не играет столь существенной роли. Так, религиозная принадлежность друга значима

лишь для 7,4%, национальная — для 9,3% еврейских школьников (у русских соответственно: 4,8% и 3,5%). Таким образом, национальная граница является весьма значимой для евреев при определении вопросов о браке, но не играет столь заметной роли при определении круга близких друзей.

Характерно, что значимость общей с супругой национальной принадлежности с возрастом у еврейских подростков заметно возрастает: если только 19% 13—14-летних еврейских детей считают общую национальность существенной при выборе будущего супруга, то в 15—16 лет таких уже 27%, а в 17—18 лет — 38%.

Можно отметить, что такие качества, как перспективы в будущем, высокий социальный статус, высокий уровень матери-

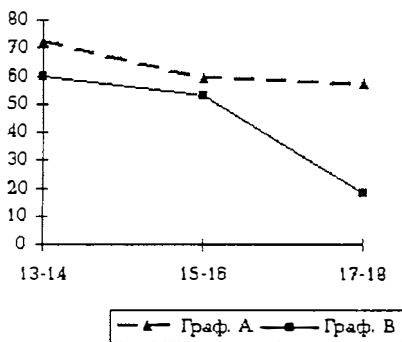

Рис. 12. Возрастная динамика оценки значимости школьниками «внешней привлекательности» будущего супруга. График А — русские, график В — евреи.

ального благосостояния супруга, имеют большее значение для девочек. Особенно заметно это проявляется среди русских школьников. Так, хорошие перспективы в будущем у супруга значимы для 21% (у юношей — 7%), уровень материального благосостояния для 17% (у юношей — 6%). Среди евреев, соответственно: 11% и 3%; 10% и 2%.

Представляется интересным проследить зависимость оценки еще одного качества «идеального» супруга от возраста и пола наших респондентов — его внешней привлекательности. Так, с возрастом внешняя привлекательность супруга имеет все меньшее значение как для русских, так и для еврейских старшеклассников.

Причем среди евреев эта тенденция гораздо более ярко выражена (см. рис. 12).

Как для русских, так и для еврейских юношей внешняя привлекательность супруги более значима, чем для девушек. Среди русских юношей это качество отмечают 69,0% (у девушек — 50,2%), среди евреев — 65,1% (у девушек — 33,3%).

Таким образом, в целом оценка значимости тех или иных качеств в будущем супруге имеет сходную возрастную динамику у еврейских и русских школьников. Сходны оценки и у юношей и девушек обеих национальностей. Единственное существенное отличие, которое обнаруживается между еврейскими и русскими школьниками, связано с разным отношением к национальной принадлежности будущего супруга или супруги.

1. *Аренд М.* Философия еврейского образования // Еврейская школа. Апрель-июнь. 1933.

2. *Собкин В. С.* Жизненные ориентации старшеклассников // Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования. М., 1990.

3. *Собкин В. С., Писарский П. С.* Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М., 1992.

4. *Собкин В. С., Писарский П. С.* Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва—Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М., 1994.

5. *Собкин В. С.* Сравнительный анализ особенностей ценностных ориентаций русских и еврейских подростков // Ценностно-нормативные ориентации старшеклассников. М., 1995.

6. *Собкин В. С.* Ценностные ориентации еврейского подростка: опыт социологического исследования // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1(8).

СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЕВРЕЕВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Усиление социальной дифференциации евреев под влиянием либерализации

Российские евреи, будучи органической частью российского общества, подвержены всем тем социальным процессам, которые идут в России. В последние годы положение евреев в России активно изучается¹. Однако масштаб исследований не позволяет охватить все даже фундаментальные процессы, которые сегодня затрагивают евреев. Один из таких процессов — усиление социальной дифференциации, углубление социальных различий между разными слоями, группами населения страны. Этот процесс во всей его полноте пока изучен слабо.

Однако та социальная дифференциация еврейского населения России, которая возникла в результате реформ 90-х гг., не сводится к различиям в уровне доходов. Сегодня российские евреи весьма сильно дифференцированы по их ценностным ориентациям, по тем установкам, которые они реализуют в их повседневном поведении — по отношению к новым возможностям занятости, к выезду из России, по отношению к Израилю и иудаизму²⁻³.

В многочисленной литературе, которая издана на Западе по «еврейской проблеме в СССР», этот факт недооценивается. Результатом являются некоторые «передержки» в оценке ситуации. По концепциям западных авторов, главная трагедия евреев СССР состояла в невозможности реализовать свое еврейство. В этом западные ученые видели и главный мотив стремления евреев уехать из СССР⁴.

Такой образ сложился в 70—80-е гг., в эпоху «отказников», когда евреи, желающие уехать, по 10—12 лет находились «в подаче», когда КГБ отслеживал потенциальных эмигрантов, проводил обыски в квартирах, наводил страх на тех, кто не собирался уезжать, усиливая эмиграцию. Все это действительно было. И тем

не менее критикуемая концепция мотивов выезда евреев из СССР — неверная, поскольку в ней недооценивался факт социальной дифференциации внутри еврейства. На самом деле еврейские активисты и потенциальные эмигранты не были единственными типажам среди двухмиллионного еврейства 70-х гг. В его среде были и полностью ассимилировавшиеся с русской культурой, были идентифицированные с КПСС, сделавшие партийно-советскую карьеру, и др. К эмиграции толкала не столько потребность в реализации своего еврейства, сколько политическое отчуждение от коммунистического режима и одновременно страх, боязнь этого режима — эмиграционных ограничений, репрессий. Толкала боязнь не только государства, но и общества, которое всегда рассматривалось как чреватое возможностью антиеврейских акций. Вытаскивала из СССР потребность жить без страха за свою жизнь и жажда духовной свободы. Как видно, ценностные ориентации евреев в эпоху СССР по важнейшим социальным критериям, начиная от отношения к КПСС и кончая отношением к Израилю, были разными. Однако в условиях тоталитарного режима дифференциация социальных установок среди евреев, тем более дифференциация их реального поведения (например, выезда или невыезда из СССР), была ограниченной.

В результате политических и экономических реформ 90-х гг. в России возникла новая ситуация, которая способствует усилению социальной дифференциации евреев. Сегодня социальный менталитет и поведение разных групп евреев резко различаются. Одни из них не могут оставаться в России и без колебаний эмигрируют; другие, напротив, не могут жить вне России и не намерены покинуть ее. Одни пошли в бизнес и сегодня являются заметными банкирами, пошли в политику, в прессу, рекламные и другие агентства, сделали карьеру, стали миллионерами, «новыми русскими». Другие остались на старых местах учителей, врачей, ученых и влачат жалкое существование. Некоторые пришли к иудаизму. Как видно, современное еврейское население России — это богатое множество разнообразных социальных групп, интересы и поведение которых не только различны, но подчас и противоположны.

Если это так, то возникают новые вопросы: каковы те социальные типы евреев, которые сегодня существуют в российском обществе, какими чертами менталитета и поведения они харак-

теризуются, каковы различия между ними? Зная ответы на эти вопросы, гораздо легче (по сравнению с описанием «среднестатистического еврея») прогнозировать то поведение, которое можно ожидать в будущем.

Для ответа на эти вопросы надо осуществить процедуру типологизации евреев по определенным критериям.

2. Типология как инструмент исследования

Типологизация была проведена с помощью информации, собранной летом 1995 г. в четырех городах России — Москве, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге и Хабаровске, где были проведены интервью с 1000 евреями по анкете «Как Вы живете?». Каждый респондент отвечал на 100 вопросов, касающихся наиболее актуальных проблем жизни евреев в современной России⁵.

Типологический метод анализа в социальных науках широко используется, поскольку он позволяет классифицировать объекты по комплексу взаимосвязанных признаков. В 60—80-е гг. в советской науке были построены и описаны типы регионов СССР⁶, типы городов⁷, сельских поселений⁸, типы потребителей⁹, типы образа жизни городского и сельского населения¹⁰ и др.

Для анализа состава российских евреев типология важна потому, что позволяет выделить их группы, различающиеся множеством наиболее важных черт, получить комплексные «социальные портреты». При этом для типологии важны не любые признаки, а лишь те, которые сильнее других дифференцируют изучаемую группу населения, в нашем случае — российских евреев. Причем использовать можно лишь те признаки, которые доступны измерению. Например, для понимания социальных типов, имеющих среди евреев, возможно, самым важным является отношение к «корням», в частности, какую страну считают своей родиной, каково отношение к Израилю. Однако более или менее точно измерить это отношение пока затруднительно. Поэтому приходится использовать те более простые признаки, в которых проявляются глубинные установки¹¹.

С учетом этого для построения типологии использованы следующие признаки: 1) отношение к своей национальной принадлежности (национальная идентификация); 2) отношение к России; 3) отношение к выезду из нее (намеренные и не наме-

ренные эмигрировать); 4) отношение к еврейской культуре: знание (или незнание) еврейских языков, знание (или незнание) еврейской истории, соблюдение (или несоблюдение) еврейской традиции, чтение еврейской прессы и т. п.; 5) отношение к религии (посещение или непосещение синагоги и др.). Для получения многомерных социальных типов, различающихся по этим признакам, были проведены соответствующие расчеты.

3. Социальные портреты российских евреев

Тип I (55% опрошенных): «новые евреи», которые сочетают недавно возникший у них интерес к своим национальным корням с желанием жить и работать в России.

Это люди, которые стали появляться в конце 80-х — начале 90-х гг., в период пика эмиграции и нормализации отношений с Израилем. Они начали ощущать себя евреями, пытаются освоить еврейскую культуру, вписаться в нее, быть евреями, оставаясь в России.

В отличие от традиционных евреев (тип IV), где еврейство имеет глубокие корни, связанные с историей семьи или другими особенностями личности, в этот тип входят люди, еврейство которых формируется под влиянием новых политических и экономических условий — связей России с Израилем, доступности еврейской литературы, возможности учить в Израиле детей, ездить туда в гости и проч. Под влиянием такого рода условий у многих евреев появился интерес к своим историческим корням. Этот интерес приводит их к выводу, что они должны быть евреями и сделать таковыми своих детей.

Но интерес к историческим корням, к еврейству как таковому, то есть чисто национальная мотивация, у этих людей часто сочетается с теми или иными внешними и прагматическими мотивами. В одних случаях это возможность получить интересную или хорошо оплачиваемую работу, в другом — возможность сделать «бизнес», ездить за границу, отправить учиться детей или др. Короче, эти люди включились в еврейскую культуру, которая зародилась в России в конце 80-х гг. в процессе развала СССР и установления нормальных отношений с Израилем. Но включились они под влиянием не столько их естественных, имманентных для них черт, сколько под влиянием благоприятных внешних условий.

Тип II (23% опрошенных): ассимилированные евреи. Это люди, у которых социальных связей с еврейством практически нет. Они связаны с ним лишь через расово-биологические признаки, черты психического склада и генеалогическое «дерево», паспортные данные. Они далеки как от иудаизма, так и от современной еврейской культуры, не знают истории еврейства, не вовлечены в какие-либо еврейские организации, не участвуют в культурных и иных мероприятиях. Они не знают ни иврита, ни идиша. Круг их друзей сформирован не по национальной принадлежности, а по профессиональным или должностным интересам.

Короче, это люди, полностью адаптировавшиеся к двум составляющим окружающей их социальной среды: к социальной системе России и к русской национальной культуре. Поэтому, говоря о них, надо характеризовать не только те черты еврейства, которые у них отсутствуют, но и те черты русской культуры, которые в них присутствуют. Об их культурных чертах говорить легче, поскольку они по существу не отличаются от русских. В частности, они равнодушны к возможной национальности супругов своих детей, не религиозны, не имеют эмиграционных намерений.

Доля ассимилированных евреев в изучаемой совокупности оказалась значительно меньшей, чем доля тех, кто говорит только на русском языке (не менее 90%), кому ближе русская культура (около $\frac{2}{3}$), кто не воспитывает детей в еврейских традициях ($\frac{4}{5}$). Кроме того, численность типа II расходится с данными Госкомстата о количестве смешанных браков. Доля людей (мужчин и женщин), вступивших в смешанный брак, среди евреев в 1978 г. составила 52,5%. Доля смешанных браков ко всему количеству браков составляла в 1978 г. 68,9%. В 1988 г. доля лиц, вступивших в смешанные браки, составляла 68,8%; доля же смешанных браков к числу всех браков, заключенных евреями, составляла 81,5%¹². При таких масштабах смешанной брачности доля ассимилированных евреев, по-видимому, больше, чем дали наши расчеты. Столь отличающаяся от этих показателей доля «обрусевших» объясняется тем, что в состав типа II мы включали лишь лиц, у которых имеется несколько используемых показателей одновременно. Это, естественно, уменьшило численность типа II — ассимилированных евреев.

Отношение людей, представляющих тип II, к эмиграции может быть разным, но большинство из них не собирается выезжать из России.

Тип III (20% опрошенных): потенциальные эмигранты. В людях этого типа усиление еврейского самосознания во многом является следствием их эмиграционных намерений. Подготовка к выезду из России становится для них периодом обучения ивриту и еврейской культуре, установления связей с Израилем, психологической адаптации к тем условиям, которые ожидают их там. Численность евреев этого типа оказалась вдвое больше, чем тех, кто реально готовится к выезду. Это объясняется тем, что учитывалась часть тех, кто обдумывает выезд, но еще не принял окончательного решения.

Тип IV (2% опрошенных): традиционные евреи, которые в той или иной мере религиозны и полностью или в большой степени идентифицировались с иудаизмом и еврейской культурой, которая составляет основу их жизни.

Эти люди знают еврейскую историю и литературу, знают иврит и (или) идиш, соблюдают еврейские национальные традиции. Некоторые из них участвуют в работе еврейских общественных организаций, поддерживают связи с Израилем. Еврейство этих людей естественное, органичное. Оно не связано с какими-либо внешними обстоятельствами, такими, как подготовка к выезду из страны, или другими. Их религиозность и еврейство имманентны им, являются результатом семейного воспитания и собственного жизненного опыта. Все это они активно передают своим детям и внукам.

Для этого типа евреев характерен политический индифферентизм, хотя в принципе среди них возможны разные типы политических ориентаций. Скорее всего их еврейство — это то, что целиком заполняет их жизнь. Эмиграционные установки таких людей могут быть разными: одни могут их иметь, другие — нет. То же самое касается их политических ориентаций.

Таковы социальные типы, которые выявились в изучаемой совокупности евреев. Далее была сделана проверка их на целостность, реальность существования. Для этого выяснялось, есть ли корреляция между полученными типами и некоторыми чертами поведения, по которым разные типы должны различаться.

4. Типологические различия в поведении евреев

Как видно из таблиц 1—3, такие различия действительно имеются. В частности, выяснилось, что доли намеренных изучать еврейские языки у ассимилированных и традиционных евреев различаются в 5 раз. Между ассимилированными и потенциальными эмигрантами различие в 2,3 раза, тогда как между ассимилированными и «новыми евреями» различий почти нет.

Т а б л и ц а 1

Намерения совершенствовать (изучать) иврит или идиш (в %)

Типы	Намерение		Всего
	есть	нет	
«Новые»	16	84	100
Ассимилированные	12	88	100
Потенциальные эмигранты	27	73	100
Традиционные	60	40	100

Аналогичная картина в воспитании детей. Среди потенциальных эмигрантов доля воспитывающих детей в еврейских традициях почти в 10 раз превосходит этот показатель среди ассимилированных. Аналогично среди традиционных евреев доля воспитывающих своих детей в еврейских традициях тоже в 7 раз больше, чем среди ассимилированных. И опять первые две группы, ассимилированные и «новые евреи», по этому признаку различаются слабо.

Т а б л и ц а 2

Воспитываете ли Вы своих детей в еврейских традициях? (в %)

Типы	Да	Нет	Всего
«Новые»	10	90	100
Ассимилированные	6	94	100
Потенциальные эмигранты	58	42	100
Традиционные	44	56	100

Весьма различается у разных типов евреев и отношение к смешанным бракам их детей, сестер и братьев. Между ассимилированными, с одной стороны, и потенциальными эмигрантами и традиционными евреями — с другой, различие составляет 2,3 раза; различия между ассимилированными и «новыми евреями» значительно меньше.

Иная картина в отношении опрошенных к России. Из данных таблицы 3 видно, что различия между ассимилированными евреями, с одной стороны, и традиционными и потенциальными эмигрантами — с другой, слабее, чем это было во всех предшествовавших случаях, — не более чем в 1,5 раза. Интересно и то, что в отношении к России различий между ассимилированными и «новыми евреями» нет вообще. Это показывает, что идентификация с Россией весьма сильная у всех социальных типов.

Таблица 3

Идентификация с Россией (в %)

Типы	Ощущение, что живет в своей стране		Всего
	есть	нет	
«Новые»	91	9	100
Ассимилированные	92	8	100
Потенциальные эмигранты	60	40	100
Традиционные	65	35	100

Проделанный анализ поведения евреев, принадлежащих к разным социальным типам, показывает, что выделенные типы в изучаемой совокупности еврейского населения действительно существуют. Принадлежащие к ним индивиды различаются не только по характеру их национальной самоидентификации и другим аналогичным чертам, таким, как отношение к смешанным бракам и проч. Отметим, что они различаются также и по более общим чертам сознания и поведения — по ориентациям в сфере труда, отношению к продвижению «вверх», наличию (отсутствию) карьерных мотиваций, по политическим установкам. Это позво-

ляет использовать выявленные типы для прогнозирования будущего евреев в России.

Однако социальная дифференциация евреев не сводится к их различиям по социальным типам. Кроме них, евреи, как и другие, дифференцированы по таким показателям, как возраст, пол, уровень образования, семейное положение, профессия, место работы, место жительства и др. Анализ зависимости поведения изучаемой совокупности евреев от их демографических и других социальных характеристик показал, что самыми сильными регуляторами поведения являются два: место проживания и возраст. В связи с этим далее рассмотрим социальные различия изучаемой совокупности евреев по этим показателям.

5. Евреи столичные и провинциальные

Как отмечалось выше, опрос проводился в четырех городах — Москве, Хабаровске, Ростове-на-Дону и Екатеринбурге. Анализ всей совокупности ответов на вопросы интервью показал, что поведение и оценки жителей этих городов различаются, причем по ряду показателей — существенно. Приведем несколько примеров. Если говорить об удовлетворенности оплатой труда, то из всех городов выделяется только Ростов-на-Дону, где доля удовлетворенных в 1,2 раза больше чем в Москве, где она несколько ниже, чем в остальных трех городах (таблица 4).

Т а б л и ц а 4

Удовлетворенность оплатой труда евреев — жителей разных городов (в %)

Города	Довольны	Недовольны	Всего
Москва	37	63	100
Хабаровск	41	59	100
Ростов-на-Дону	46	54	100
Екатеринбург	40	60	100

Выяснилось, что оценки своей национальной принадлежности у жителей разных городов различаются (таблица 5). Если в Екатеринбурге считают себя евреями более $\frac{4}{5}$, то в Москве — чуть более $\frac{2}{3}$. Екатеринбург более однороден: при максимальной

доле считающих себя евреями доля бинационалов в 1,7 раза меньше, чем в Москве. Иная ситуация в Ростове-на-Дону: доля считающих себя русскими здесь максимальная (11% против 3% в Москве и 1% в Екатеринбурге).

Таблица 5

Национальное самосознание евреев разных городов (в %)

Города	Считают себя			Всего
	евреями	бинацио- налами	русскими	
Москва	69	28	3	100
Хабаровск	76	17	7	100
Ростов-на-Дону	73	16	11	100
Екатеринбург	83	16	1	100

В целом различия в национальном самоопределении евреев в разных городах довольно значимые: наиболее ассимилированные евреи в Москве (3% считают себя русскими и более $\frac{1}{4}$ — бинационалами) и в Ростове-на-Дону, где 11% считают себя русскими и 16% бинационалами.

Чем объясняются различия в национальной самоидентификации евреев разных городов? Можно предположить, что за этими различиями стоит разная социальная ситуация вокруг евреев в сравниваемых городах. Такое предположение напрашивается, если вспомнить реальную историю недавнего прошлого. Например, в начале 80-х гг. в Новосибирске (Академгородок) возникавшие тогда организации «Памяти» начали проводить систематическую антисемитскую деятельность — митинги в центре города, лекции в Доме ученых. Это оказало сильнейшее воздействие на евреев. Однако реакция была разной. Одни впервые начали обдумывать выезд из страны и впоследствии действительно уехали, другие пытались игнорировать, третьи вступали в полемику. В этой ситуации многие ассимилированные евреи стали задумываться о своем происхождении, искать линию поведения в отношении своего еврейства. У одних в ситуации

социальной опасности национальное чувство действительно проснулось. Другие еще более укрепились в стремлении уйти от этой проблемы. Вторую линию вели в основном те, кто имел русских или других нееврейских супругов. Они как бы говорили себе, что агитация «Памяти» к ним не относится.

Анализ ситуации в Новосибирске приводит к выводу, что если у значительной части евреев наблюдается та или иная динамика национального самосознания, то это может означать, что обстановка вокруг них, «уровень антисемитизма» в местах их проживания, так или иначе меняется. Этот вывод, основанный на собственных наблюдениях событий в Академгородке в начале 80-х гг., подтверждается ответами опрошенных на вопрос: «В последние годы Вы ощущаете себя евреем (еврейкой) сильнее или слабее? Или же Ваши ощущения не изменились?» (таблица 6). Наибольшая доля евреев, которые за последние годы стали сильнее ощущать свое еврейство, — в Екатеринбурге: 48%. На втором месте — Хабаровск. В Ростове-на-Дону доля таких людей самая малая — чуть более $\frac{1}{5}$. Так что структура ответов практически та же, какая выявилась на описанные выше вопросы.

Таблица 6

Изменения в национальном самосознании евреев разных городов (в %)

Города	Стали ощущать себя евреями			Всего
	сильнее	слабее	одинаково	
Москва	36	7	57	100
Хабаровск	40	3	57	100
Ростов-на-Дону	22	8	70	100
Екатеринбург	48	4	48	100

Выяснялись также различия между евреями по ощущению ими принадлежности к еврейской национальной общности (таблица 7). Оказалось, что в Екатеринбурге доля евреев, которые

ощущают свою принадлежность к еврейству, самая большая — 70%. Соответственно, только 30% опрошенных не ощущают этой принадлежности. Так что оценка Екатеринбургa как самого еврейского города подтверждается.

Подтверждается и то, что самыми ассимилированными являются евреи Ростова-на-Дону, доля ощущающих принадлежность к еврейской национальной общности в этом городе минимальна (чуть более $\frac{1}{3}$), а доля не ощущающих — максимальна.

Т а б л и ц а 7

Ощущение принадлежности к еврейству в разных городах (в %)

Города	Принадлежность к еврейству		Всего
	ощущают	не ощущают	
Москва	65	35	100
Хабаровск	52	48	100
Ростов-на-Дону	36	64	100
Екатеринбург	70	30	100

Несколько иная ситуация в Москве. «Чувство еврейства» здесь выявилось почти у $\frac{2}{3}$ опрошенных, хотя выше отмечался высокий уровень ассимилированности московских евреев. Как видно, дифференциация по «профилю» национального самосознания у жителей разных городов имеется.

Этот вывод подтверждается данными о культурных ориентациях евреев, живущих в разных городах (таблица 8). Им задавался вопрос о том, с какой культурой, русской или еврейской, они теснее связаны. Оказалось, что жители Москвы и Ростова-на-Дону связаны с русской культурой теснее, чем жители Екатеринбургa и особенно Хабаровска. В Хабаровске доля тех, кто теснее связан с еврейской культурой, оказалась самой большой — 14% против 3% в самом «еврейском» (по вышеприведенным данным) Екатеринбургe.

Т а б л и ц а 8

**Самооценки жителями разных городов их связей
с русской и еврейской культурой (в %)**

Города	Связаны теснее с культурой			Всего
	русской	еврейской	одинаково	
Москва	71	3	26	100
Хабаровск	52	14	34	100
Ростов-на-Дону	74	2	24	100
Екатеринбург	62	3	35	100

Наконец, анализ национальной самоидентификации евреев, проживающих в разных городах, был дополнен анализом их ответов на вопрос: «Живя в России, чувствуете Вы или нет, что живете в своей стране?» (таблица 9).

Т а б л и ц а 9

Ощущение России как своей страны у жителей разных городов (в %)

Города	«Россия — моя страна»		Всего
	чувствуют	нет	
Москва	76	24	100
Хабаровск	82	18	100
Ростов-на-Дону	91	9	100
Екатеринбург	85	15	100

Лидером здесь оказался Ростов-на-Дону, где 91% чувствуют, что живут в своей стране. Это полностью коррелирует с данными, которые были приведены выше. Что касается Екатеринбурга, Хабаровска и Москвы, то и у евреев в этих городах «чувство России» распространено очень широко — сказали о нем от $\frac{3}{4}$ (в Москве) до более чем $\frac{4}{5}$ (в Екатеринбурге и Хабаровске) жителей.

б. Социальные различия между евреями разных возрастов

Сравнительный социологический анализ поведения евреев разных возрастов сейчас очень важен. Причина понятна: для суждений о будущем важнее всего четко представлять, как будет вести себя еврейская молодежь. Нет необходимости доказывать, что перспективы любой национальной общности зависят в первую очередь от поведения ее молодых поколений.

Детальный анализ различий в мотивации поведения представителей разных возрастных групп еврейских активистов в СССР на данных 70-х гг. был проведен в Израиле Л. Дымерской-Цигельман¹³.

Что касается современности, то анализ возрастных различий евреев России, по-видимому, не проводился.

Возрастной состав опрошенной совокупности еврейского населения таков: 18—29 лет — 17%; 30—59 — 50%; 60 и старше — 33%. По данным микропереписи 1994 г., доля населения моложе трудоспособного возраста среди евреев в 3,5 раза меньше, чем во всем населении России¹⁴.

Каковы же различия в менталитете и поведении еврейской молодежи на фоне людей пожилых и старших возрастов? Главный вопрос — каково их отношение к своей национальной принадлежности, кем себя считают?

Таблица 10

Самооценки национальной принадлежности у евреев разных возрастов

Возраст	Считают себя			Всего
	евреями	бинационалами	русскими	
18 — 35 лет	69	24	7	100
36 — 55 лет	73	22	5	100
56 и старше	80	15	5	100

Из данных таблицы 10 видно, что молодежь ощущает свое еврейство слабее, чем люди старших возрастов: с переходом от более молодых к более пожилым возрастам доля считающих себя

евреями увеличивается, считающих себя русскими и бинационалами, напротив, сокращается. Конечно, это проявляется в рамках общей структуры, где, напомним, русскими считают себя лишь 5% опрошенных, а евреями — 74%. Но возрастные различия все же имеются.

Как меняется в последние годы национальное самоощущение у евреев разных возрастов? Любопытный факт: доля тех, кто в последние годы стал сильнее ощущать свое еврейство, среди молодых больше, чем среди людей средних и пожилых возрастов (таблица 11). Хотя различие незначительное (41% у молодых и 34% у старых), но, возможно, оно указывает на значимую тенденцию — идущий среди молодежи процесс усиления национального самосознания.

Таблица 11

**Перемены в национальном самосознании в последние годы
у евреев разных возрастов (в %)**

Возраст	Стали чувствовать себя евреями			Всего
	сильнее	слабее	так же	
18 — 35	41	4	55	100
36 — 55	37	5	58	100
56 лет и старше	34	6	60	100

Выяснялись также различия в распространении «чувства еврейства» у евреев разных возрастов (таблица 12). И опять тот же парадокс: чем моложе опрошенные — тем больше среди них доля тех, кто ощущает свое еврейство более сильно. Этот вопрос требует специального изучения.

Т а б л и ц а 1 2

Ощущение принадлежности к еврейству у евреев разных возрастов (в %)

Возраст	Свою принадлежность к национальной общности		Всего
	ощущают	нет	
18 — 35	62	38	100
36 — 55	58	42	100
56 и старше	52	48	100

В целом получается следующая непростая картина. Хотя обследованные евреи молодых возрастов идентифицированы с еврейством слабее, чем более старые люди, рост национального самосознания среди молодежи ощущается сильнее.

Причина этого парадокса связана с миграционными установками еврейской молодежи. Из таблицы 13 видно, что установка на эмиграцию среди молодежи значительно сильнее, чем среди людей средних и пожилых возрастов: доля намеренных выехать из России среди молодых в 2,2 раза больше, чем среди людей среднего возраста, и в 5,5 раза больше, чем среди стариков. Это объясняет рассмотренные выше парадоксы, когда при умеренной национальной идентификации молодежь в последние годы проявляет интерес к своему еврейству.

Т а б л и ц а 1 3

Эмиграционные намерения евреев разных возрастов (в %)

Возраст	Намерены уехать	Обдумывают, но еще не решили	Не намерены	Всего
36 — 55	10	42	48	100
50 и старше	4	24	72	100

Кроме эмиграционных намерений, мы выясняли возрастные различия также и по ряду других черт поведения, в частности, таких, которые свидетельствуют о тех или иных национальных

ориентациях. Одним из таких показателей является отношение к изучению еврейских языков. Выяснилось, что молодежь значительно сильнее ориентирована на их изучение, чем люди средних и пожилых возрастов.

Таблица 14

Отношение к русской и еврейской культуре евреев разных возрастов (в %)

Возраст	Ближе культура			Всего
	русская	еврейская	обе	
18 — 35	46	10	44	100
36 — 55	69	4	27	100
56 и старше	71	4	25	100

Анализ возрастных различий в культурных ориентациях привел к выводу, что чем старше группа, тем близость к еврейской культуре слабее, то есть меньше доля людей, которые указывают на свою близость к ней. Из таблицы 14 видно, что чем старше опрошенные, тем больше среди них доля тех, кто сильнее связан с русской культурой. Этот факт тоже парадоксален: ведь, как мы видели, старики идентифицированы с еврейством сильнее, чем молодежь. Казалось бы, что еврейская культура должна была бы быть для них ближе. Но реально ситуация другая: хотя среди старших поколений доля считающих себя евреями больше, чем среди молодых, связи с русской культурой среди «стариков» тоже сильнее, чем у молодых. Соответственно, близость с еврейской культурой при переходе от молодых возрастов к средним и пожилым падает. Доля бинационалов среди «стариков» тоже меньше.

С отношением к эмиграции коррелирует то, что молодежь в меньшей мере идентифицирована с Россией, чем пожилые люди. Это выражается в том, что доля не ощущающих Россию своей страной, то есть в той или иной степени отчужденных от нее, среди молодых в 2 раза больше, чем среди пожилых. Доля же тех, кто, напротив, имеет такое чувство к России, среди молодежи несколько меньшая.

Таблица 15

Отношение к России евреев разных возрастов (в %)

Возраст	Считают, что живут в своей стране	Не считают, что живут в своей стране	Всего
18 — 35	79	21	100
36 — 55	80	20	100
56 и старше	89	11	100

Завершая анализ возрастных различий, надо сказать, что отношение еврейской молодежи к жизни в России сейчас складывается под влиянием сложной социально-экономической и политической ситуации в стране. С одной стороны, молодые семьи чрезвычайно озабочены судьбой детей, что стимулирует эмиграцию. С другой стороны, в системе занятости открылись новые уникальные возможности. Это привело к сегодняшней ситуации, как я писала выше, — евреи «пошли вверх». Однако высокостатусные места в бизнесе небезопасны. Поскольку же традиционные места в «бюджетной сфере» — в образовании, науке, культуре, здравоохранении и др. — не обеспечивают нормальных условий жизни, то это, естественно, наводит на эмиграционные размышления даже тех, кто по своему «национальному портрету» далек от эмиграции.

Эту мысль подтверждают выявившиеся существенные различия в карьерных установках молодежи и евреев старших возрастов. Из таблицы 16 видно, что доля молодых респондентов, которые хотели бы продвинуться по службе, почти в 2 раза больше, чем в среднем по всем опрошенным, и в 2,6 раза больше, чем среди «стариков».

Таблица 16

Хотели бы Вы продвинуться по службе? (в %)

Возраст	Да	Нет	Всего
Молодые	69	31	100
Старые	26	74	100
В среднем	37	63	100

Таким образом, изучаемая совокупность еврейского населения дифференцирована по возрасту довольно сильно. Молодежь отличается высоким уровнем социальных притязаний, значительным распространением эмиграционных намерений. В связи с этим среди молодежи наблюдаются тенденции освоения еврейской культуры, прежде всего тех ее элементов, которые в случае эмиграции облегчили бы ей адаптацию в Израиле.

¹ *Brym R., Ryvkina R.* The Jews of Moscow, Kiev and Minsk: Identity, Antisemitism, Emigration. London, 1994.

²⁻³ *Ryvkina R.* Conflicting values among the Jewish population of Moscow, Kiev and Minsk // Jews and Jewish life in Russia and the SU. Oregon, 1995; *Рывкина Р.* Еврейские ценности в переходный период // Евреи на перепутье. Иерусалим, 1993. Т 1(16). С. 48 (на яз. иврит).

⁴ *Gilbert M.* The Jews of Hope. London, 1984.

⁵ Полевые работы были проведены Фондом общественного мнения (ФОМ). В исследовании кроме автора принимал участие Л. Косалс. В разработке анкеты участвовали также сотрудники ФОМ Е. Петренко и А. Петрова. Исследование финансировалось Wexner Haritage Foundation (USA).

⁶ *Крпачан С.* Типология регионов СССР. Новосибирск, 1989.

⁷ Социально-территориальная структура города и села — опыт типологического анализа / Акад. наук. Сиб. отд-ние. Новосибирск, 1982.

⁸ Миграция сельского населения. М., 1972.

⁹ Применение факторного и классификационного анализа для типологизации социальных явлений. Новосибирск, 1976.

¹⁰ *Рывкина Р.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979.

¹¹ *Della Pergola S.* The Demographic Context of the Soviet Aliya // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. Jerusalem, 1991. № 3(16). P. 49.

¹² *Кутовецкий М.* Динамика численности еврейского населения бывшего СССР в 1989—1995 гг.: Факторный анализ // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1997. № 1(14) (в печати).

¹³ *Дымерская-Цигельман Л.* Об идеологической мотивации различных поколений активистов еврейского движения в СССР в 70-х годах // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1994. № 1(5).

¹⁴ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М., 1995.

А. Синельников

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗАЕТ РОССИЙСКОЕ ЕВРЕЙСТВО?

Сокращение численности евреев в России и других странах, прежде входивших в СССР, обычно объясняют истреблением нацистами значительной части советских евреев, репатриацией в Израиль и эмиграцией в США и другие страны Запада, а также естественной убылью и ассимиляцией.

Согласно недавно опубликованным расчетам М. Куповецкого, к середине 1941 г. еврейское население СССР составляло 4965 тыс. человек, людские потери советского еврейства в годы войны составили 2733 тыс., или 55% от общей численности¹. Однако в результате Холокоста не только резко, более чем вдвое, уменьшилась численность евреев в СССР и их доля в населении страны, но это также оказало крайне негативное влияние на последующую демографическую динамику советского еврейства.

Если в 20-е и 30-е гг. численность еврейского населения СССР увеличивалась, то после войны она вначале стабилизировалась, а затем в 60-е гг. стала сокращаться. М. Куповецкий оценивает численность еврейского населения на начало 1946 г. в 2258 тыс.², а по данным переписи 1959 г., она осталась практически неизменной (2268 тыс.), а затем уменьшилась до 2151 тыс. к моменту переписи 1970 г., хотя в этот период масштабы еврейской эмиграции из страны были незначительны.

Неблагоприятная демографическая динамика еврейского населения в первые послевоенные десятилетия во многом была связана с тем, что процент жертв Холокоста был значительно выше среди евреев, проживавших в регионах, которые вошли в состав СССР в 1939—1940 гг., то есть в западных областях Украины и Белоруссии, Прибалтике и Молдове, чем среди евреев на территории СССР в границах до 1939 г. По расчетам М. Куповецкого, среди первой группы евреев («западников») погибло 86%, а среди «восточников» — 36%. Между тем уровень естественного прироста до войны был выше у «западников»³. Кроме

того, для евреев из регионов, вошедших в состав СССР в 1939—1940 гг., ассимиляция была характерна гораздо в меньшей степени, чем для евреев, живших при советской власти уже более 20 лет и в большинстве своем отошедших от иудаизма и национальной культуры. Следует также учитывать, что среди «восточников» украинские и белорусские евреи понесли гораздо большие потери (и абсолютные, и относительные), чем российские евреи. Между тем и на Украине, и в Белоруссии уровень рождаемости и естественного прироста среди евреев был выше, чем в России⁴. Кроме того, украинское и белорусское еврейство было в гораздо меньшей степени ассимилированным, чем российское.

Основная масса жертв Холокоста в СССР, как и в других странах, пришлась на регионы с наиболее жизнеспособным в демографическом отношении и наименее ассимилированным еврейским населением. До войны миграция евреев из этих регионов компенсировала потери от ассимиляции среди евреев в собственно России, после войны численность евреев в западных республиках СССР настолько упала, что возможности для такой компенсации резко сократились.

Холокост способствовал усилению ассимиляции среди уцелевшей части еврейского населения (особенно в регионах, прежде составлявших так называемую черту еврейской оседлости). После войны расселение евреев стало заметно более дисперсным, то есть в значительной мере утратило компактность. Соответственно сузился брачный рынок: вступление в однонациональный брак стало требовать больших целенаправленных усилий. Между тем мотивация для такого брачного поведения объективно ослабела из-за дальнейшей аккультурации и ассимиляции.

По мнению одного из крупнейших в мире специалистов по демографии французского ученого А. Сови, «если данное население географически рассредоточено, то только очень сильное чувство сплоченности может помешать молодому человеку жениться на одной из 40 или 50 девушек, не принадлежащих к его «клану», и заставить его искать себе жену где-то далеко, не будучи уверенным, что она ему подойдет»⁵.

Таким образом, влияние Холокоста на демографию советского еврейства было не только прямым, но и косвенным: Холокост не только погубил более половины советского еврейства, но и поставил под угрозу дальнейшее выживание его уцелевшей части

как этнической общности. До 1970 г. основными факторами уменьшения численности еврейского населения были ассимиляция и превышение смертности над рождаемостью, уровень которой стал очень низким. После 1970 г. резко усилилась эмиграция. Это привело к ускорению темпов убыли еврейского населения: по данным переписи 1979 г., в СССР осталось лишь 1808 тыс. евреев, а по данным переписи 1989 г. — 1450,5 тыс. После переписи 1989 г. разрешение свободного выезда из страны и начало массовой алии (репатриации) в Израиль, наряду с эмиграцией в США и другие страны Запада, превратили эмиграционные процессы в главный фактор уменьшения численности советского и постсоветского еврейства, а сами темпы его убыли резко ускорились. Так, в Российской Федерации численность евреев-ашкеназов уменьшилась с 692 тыс. в 1979 г. до 537 тыс. в 1989 г., то есть на 22,5% за 10 лет. За последующие 5 лет она сократилась еще на 27% и составила около 394 тыс. (оценка по данным микропереписи, проведенной в феврале 1994 г.)⁶.

Расчеты М. С. Тольца показывают, что до 1989 г. убыль еврейского населения в основном вызывалась внутренними процессами — ассимиляцией и превышением смертности над рождаемостью⁷. После 1989 г. абсолютная величина потерь еврейского населения, вызванных действием этих факторов, даже увеличилась, но их доля среди общих потерь резко уменьшилась из-за многократного роста темпов эмиграции. Надо, однако, иметь в виду, что эмиграция — это фактор преходящий, ее масштабы зависят от тех условий, в которые попадают эмигранты и репатрианты, а в государствах Запада также и от иммиграционных квот. В то же время естественная убыль и ассимиляция среди евреев бывшего СССР будут продолжаться при любых условиях.

Даже если бы никакой ассимиляции не было, одной только низкой рождаемости было бы достаточно, чтобы вызвать значительную убыль населения. Так, по данным за 1988—1989 гг., суммарный коэффициент рождаемости, то есть условное среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь, составлял у советских евреев 1,57⁸. Это значительно меньше, чем требуется для простого замещения поколений: с учетом смертности последняя цифра составляет 2,12 ребенка на одну женщину вообще и примерно 2,5 ребенка на одну замужнюю женщину, способную иметь детей. Можно подсчитать, что в таких условиях,

даже если бы смешанных браков не было, каждое последующее поколение евреев было бы на 26% меньше предыдущего. Принимая длину поколения, то есть средний возраст матери при рождении ребенка, за 25 лет, легко подсчитать, что при этом за 25 лет численность евреев сокращалась бы на 26%, за 50 лет (2 поколения) — на 45% (то есть почти вдвое), за 100 лет (4 поколения) — на 70%. Однако такого же рода прогнозы можно построить и для русских, и для многих других народов Западной Европы или США.

В настоящее время почти во всех экономически развитых странах мира (за исключением всего нескольких небольших государств, в том числе и Израиля) уровень рождаемости недостаточен для обеспечения даже простого замещения поколений⁹. В ряде западных стран смертность превышает рождаемость, а общая численность населения не сокращается только потому, что иммиграция из менее развитых стран компенсирует естественную убыль. В России только за 1992—1995 гг. число умерших превысило число родившихся на 2,6 млн., причем приток русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья далеко не полностью компенсирует эту убыль¹⁰. Проблема на самом деле очень серьезная, тем более что, по мнению ряда демографов, со временем снижение рождаемости затронет весь мир¹¹.

Причины снижения рождаемости до уровня 1—2 детей на семью носят фундаментальный характер и связаны со всем образом жизни современного общества. Этот вопрос подробно изучен в демографической литературе. Для такого снижения требуется достигнуть определенного уровня социально-экономического развития, причем не очень высокого, как это видно на примере СССР и нынешней России. Пути решения данной проблемы нигде в мире не найдены. Но для их поисков еще есть время, поскольку до полного вымирания даже относительно небольших этносов, в том числе и евреев в диаспоре, и в частности евреев бывшего СССР (если бы убыль их численности вызывалась только низкой рождаемостью), требуется несколько веков.

Однако ассимиляция ведет к исчезновению евреев в любой стране диаспоры куда быстрее, чем низкая рождаемость. Если уровень последней обычно не падает ниже 1,2—1,3 ребенка на одну женщину, то доля смешанных браков может повышаться хоть до 100%. В частности, в РСФСР из всех евреев, вступивших

в брак в 1988 г., 73% мужчин и 63% женщин вступили в смешанные браки¹². Этот факт уже не раз отмечался в научной литературе, в частности в работах М. С. Тольца.

Тенденция к росту доли смешанных браков и в США, и в других странах еврейской диаспоры не обнаруживает никаких признаков перелома или хотя бы стабилизации¹³. В ряде стран диаспоры, в том числе и в России, большинство детей евреев — это люди смешанного происхождения. Если, по данным всех переписей, в смешанных русско-еврейских семьях почти все дети записываются родителями как русские, то это еще не значит, что все они действительно считают себя русскими и признаются таковыми, с точки зрения самих русских. В наше время в связи с массовой алией в Израиль, возрождением еврейской религиозной и национально-культурной жизни в России и других странах бывшего СССР многие лица смешанного происхождения, в том числе дети и молодежь, приняли заметное участие в этом возрождении. Много смешанных семей уезжают и в США, и в Израиль.

По некоторым оценкам, данные советских переписей населения о численности евреев сильно занижены, поскольку почти все лица смешанного происхождения числятся как неевреи, в то время как многие из них и сами считают себя евреями, и рассматриваются нееврейским окружением как евреи. Не раз давались несуразно высокие оценки «истинной» численности еврейского населения СССР — в 3—4 и даже 5—6 млн. человек без указания на методику расчета и критерий «истинной» принадлежности к еврейству.

Однако в научной литературе признано, что в условиях массовой ассимиляции численность евреев в той или иной стране диаспоры должна характеризоваться не одной цифрой, а целым набором показателей¹⁴. Иначе говоря, кроме традиционной, официальной переписной численности евреев, или так называемого «ядра популяции», необходимо учесть еще и «расширение» и «увеличение», то есть лиц еврейского или смешанного происхождения, официально зарегистрированных как неевреи, а также нееврейских членов (главным образом супругов) в смешанных семьях¹⁵.

По расчетам М. С. Тольца, в РСФСР в 1989 г. численность «увеличенной еврейской популяции», то есть всех членов семей

и домохозяйств, целиком или частично состоящих из евреев, превышала численность собственно «ядра популяции», то есть «переписных» евреев, в 1,8 раза¹⁶. По моим расчетам, выполненным также на основе данных переписи 1989 г., но по иной, специально для этого разработанной методике и относящимся ко всей территории СССР, результаты получились несколько иными¹⁷:

«Ядро популяции» (данные переписи 1989 г.)	1450,5 тыс.
«Расширение популяции», то есть лица еврейско-го и полуеврейского происхождения, зарегистрированные как неевреи	701,6 тыс.
«Увеличение популяции» (нееврейские супруги в смешанных семьях)	316,0 тыс.
Итого: «увеличенная популяция»	2468,1 тыс.

Таким образом, по моим расчетам, пропорция между численностью «увеличенной популяции» и «ядра популяции» составляет 1,7:1, а по данным М. С. Тольца — 1,8:1. Расхождение тут очень невелико. Объясняется оно не только различиями в методике, но и тем, что мои расчеты относятся ко всему СССР, а расчеты М. С. Тольца — только к РСФСР, где степень ассимиляции евреев всегда была выше, чем в других бывших советских республиках со значительным еврейским населением — Украине, Белоруссии или Молдове. Во всяком случае, ни о какой «истинной» численности советских евреев в 3—4 млн. человек и более всерьез говорить не приходится. К тому же расчеты М. С. Тольца показывают, что в России уже в 1979—1989 гг. наблюдалось явное сокращение численности не только «ядра популяции», но и всей «увеличенной популяции» в целом¹⁸, хотя в этот период эмиграция евреев и не была массовой.

Если распространить недавно опубликованные Госкомстатом России данные микропереписи 1994 г., охватившей около 5% населения страны, на все население, то мы увидим, что из 394 тыс. евреев-ашкеназов 348,3 тыс. проживали в семьях (точнее, в домохозяйствах из двух и более лиц), причем только 165,5 тыс. из них — в 60,5 тыс. семей, состоящих целиком из евреев. Средний размер такой семьи составлял 2,73 человек. Остальные 182,8 тыс., или 52,5%, были членами смешанных семей. То есть в

середине 90-х гг. уже больше половины «семейных» евреев в России живут в смешанных семьях. Общее число этих семей неизвестно. При разработке данных микропереписи выделялись в отдельную группу семьи, состоящие из евреев и русских. Таких семей было вдвое больше, чем однонациональных еврейских,— 130,1 тыс., их средний размер — 3,21 человек. Это примерно соответствует среднему размеру семьи в городском населении России и существенно (почти на 0,5 человек) больше, чем в однонациональных еврейских семьях. Очень малый средний размер последних (2,73 человек) объясняется тем, что среди них преобладают неполные семьи и семьи типа «пустого гнезда», то есть пожилые пары, чьи взрослые дети живут отдельно и в состав родительской семьи не входят. Собственные семьи этих детей очень часто являются смешанными.

При разработке материалов микропереписи населения 1994 г. не выделялись смешанные семьи, состоящие из евреев и лиц других национальностей, кроме русских. Число таких семей можно определить только приблизительно. По данным микропереписи, в городском населении России (а 99% евреев — горожане) на каждые 100 русских приходилось 15 лиц других национальностей (кроме евреев). Можно предположить, что общее число смешанных еврейско-нееврейских семей в России на 15% больше числа русско-еврейских семей и что средний размер смешанных семей всех типов такой же, как в основном их типе — русско-еврейских семьях. Несложный расчет, основанный на таком предположении, показывает, что общее число смешанных семей составляет 149,6 тыс., а число их членов — 480,2 тыс., из которых 182,8 тыс. евреев и соответственно — 297,3 тыс. неевреев. Таким образом, по состоянию на февраль 1994 г. с учетом городских и других неашкеназских евреев можно приближенно оценить численность «ядра» еврейской популяции в России в 400 тыс. человек, а всей «увеличенной популяции» — в 700 тыс.¹⁹.

Коэффициент увеличения в 1994 г. составляет 1,75:1 и очень близок как к расчетам М. С. Тольца, так и к моим собственным (по данным переписи 1989 г.). Конечно, надо иметь в виду, что даже «увеличенная популяция», численность которой рассчитана таким способом, не включает официально зарегистрированных как неевреи лиц еврейского или смешанного происхождения, чьи еврейские родители умерли или живут отдельно от детей.

Оценка, произведенная М. С. Тольцем с учетом рождаемости, смертности, репатриации в Израиль и эмиграции в США и другие страны за 1989—1993 гг., показала, что к концу 1993 г. в России осталось менее 400 тыс. евреев²⁰. Это почти в точности совпало с данными микропереписи 1994 г. Собственно говоря, расхождение было бы возможным только при изменении самоопределения, то есть если бы люди, при переписи 1989 г. назвавшие себя неевреями, в 1994 г. записались бы как евреи (или наоборот). Вышеупомянутое совпадение общей численности еврейского населения, по расчетам М. С. Тольца и по данным микропереписи, указывает на то, что их самоопределение либо не изменилось, либо изменилось очень незначительно. Об этом можно судить также по более подробным данным о численности и составе смешанных семей, приведенным выше.

По моим расчетам, каждые 100 смешанных семей состояли в среднем из 321 человека, в том числе 122 евреев и 199 неевреев. Теоретически в этих 100 семьях должно быть минимум 100 евреев и 100 неевреев, иначе они не были бы смешанными. Остальные 121 член семей («свободный остаток») могут быть как евреями, так и неевреями,— если бы число тех и других среди них было одинаковым, можно было бы считать, что ассимиляция не влияет на численность евреев. Однако из этих 121 лица только 22 человека, или 18%, записаны как евреи. Отсюда не следует, что хотя бы 18% детей от смешанных браков в 1994 г. были учтены как евреи. Модель, согласно которой каждые 100 смешанных семей изначально создаются 100 евреями и 100 неевреями, основана на допущении, что все молодые супружеские пары отделяются от родителей сразу после свадьбы. Это допущение близко к истине для западных стран, но в городском населении Российской Федерации, по данным микропереписи 1994 г., среди всех домохозяйств с брачными парами около 20% включали также одного или обоих родителей или других родственников мужа или жены²¹.

Эти данные относятся ко всему населению, отдельно для евреев они не разрабатывались. Можно, однако, предположить, что примерно в 20% смешанных семей есть старшие родственники и что половина из них — родственники еврейского супруга, то есть евреи. В этом случае около половины тех лиц из «свободного остатка», которые записаны как евреи,— это не дети от смешан-

ного брака, которые могут выбирать между национальностью отца и матери, а родители еврейских супругов.

Это предположение подтверждается некоторыми другими данными той же микропереписи 1994 г. В ходе этой выборочной переписи, охватившей 5% населения, были получены данные о национальности супругов и детей в этнически смешанных семьях, подобно тому как это в свое время было сделано при дополнительной выборочной (также 5%-ной) разработке материалов переписи 1979 г. Оказалось, что если в 1979 г. в смешанных русско-еврейских семьях 94% детей были записаны русскими, то в 1994 г. — 89% от общего числа детей в возрасте до 16 лет²². Таким образом, несмотря на все еврейское национальное возрождение, более половины «семейных» евреев проживает в смешанных семьях, а среди лиц смешанного происхождения (как детей, так и взрослых) почти 90% по-прежнему записываются при переписи как неевреи. Из этого, однако, не следует, что все эти люди действительно не считают себя евреями и не рассматриваются как евреи нееврейским окружением.

Мною был продслан еще один расчет с целью выяснить, как повлияло еврейское национальное возрождение, а также массовый исход евреев из России на процесс ассимиляции оставшейся части еврейского населения. Обычно в качестве индикатора ассимиляции рассматривается доля вступивших в смешанные браки или процент детей, рожденных от отцов-неевреев, среди всех детей, родившихся у еврейских матерей. Последний показатель широко используется, например, М. С. Тольцем; судя по его динамике в 90-е гг., тенденция к ассимиляции усиливается. Однако такого рода показатели характеризуют демографическое поведение лишь небольшой части популяции, то есть тех людей, которые в данном году вступили в брак или произвели на свет детей, а такие демографические события имеют место в современных условиях один-два раза за всю жизнь. Более обобщающий характер носит другой показатель, также часто применяемый в этнической демографии: доля состоящих в смешанных браках среди всех состоящих в браке, — он относится к большинству взрослого населения. По данным переписей 1979, 1989 и 1994 гг. рассчитать такие показатели довольно затруднительно из-за различий в программе разработки материалов этих переписей, что мешает сопоставимости данных.

Мне пришлось разработать метод косвенной оценки, основанный на гипотезе об определенной пропорциональности между числом однонациональных семей и числом этнически однородных брачных пар. В своей предыдущей публикации я исходил из пропорции между числом брачных пар и всех семей вообще²³, в данной же статье метод расчета уточнен, поскольку эти пропорции оказались сильно зависимыми от числа членов семьи. Так, по нашим расчетам, основанным на данных микропереписи 1994 г., картина оказалась следующей: на 100 семей из 2 человек приходилось 57 брачных пар, на 100 семей из 3 человек — 79, из 4 человек — 96 и из 5 и более человек — 128. Многие большие семьи состоят из двух брачных пар — старшей (родительской) и младшей — женатого сына или замужней дочери с детьми. Поскольку состав однонациональных еврейских семей по числу членов семьи резко отличается от соответствующей структуры смешанных или нееврейских семей, число супружеских пар в этих семьях было нами определено отдельно для семей из двух, трех, четырех, пяти и более человек, а потом суммировано. Коэффициенты пропорциональности для 1979, 1989 и 1994 гг. были приняты такими же, как и для городского населения России за эти годы. Была также принята в расчет пропорция между числом состоящих в браке и числом супружеских пар в семьях (поскольку некоторые пары живут врозь). Наши расчеты показали, что в 1979 г. среди всех женатых евреев состояли в смешанных браках 63,3%, в 1989 г.— 69,8%, а в 1994 г.— 67,5%. То есть у мужчин-евреев процент смешанных браков очень высок, более двух третей, но в 90-е гг. он перестал расти и даже несколько понизился. У женщин доля состоящих в смешанных браках продолжает расти: 1979 г.— 36,7%, 1989 г.— 45,4%, 1994 г.— 49,7%. Если рассчитать долю смешанных пар среди всех семей, где хотя бы один из супругов — еврей, то она составляла 69,7% в 1979 г., к 1989 г. повысилась до 75,9%, но к 1994 г. осталась на прежнем уровне — 75,4%²⁴. Таким образом, уровень ассимиляции в результате еврейского национального возрождения в России не понизился, остался очень высоким, но перестал повышаться.

Ни в коем случае нельзя трактовать численность «увеличенной популяции» как «истинную» численность еврейского населения. Хотя в последнее время среди лиц смешанного происхождения в связи с еврейским национальным возрождением несколько

увеличилась доля тех, кто относит себя к евреям, но многие из них не желают иметь с еврейством ничего общего. В «увеличенную популяцию» входят и нееврейские супруги. Иные из них разделяют «роеврейскую» ориентацию своих супругов, соглашаются на воспитание детей в еврейском духе, но даже это, как правило, не означает, что сами они стали считать себя евреями. Последнее имеет место лишь в случаях обращения в иудаизм и(или) алии в Израиль, да и то не всегда. Другие нееврейские супруги относятся к подобным ориентациям своих жен, мужей и детей нейтрально или негативно. Да и среди тех, у кого оба родителя — евреи, многие остаются и в наши дни крайне ассимилированными, не желают воспитывать своих детей (даже от однонациональных браков) как евреев, нередко принимают крещение и, по-видимому, откажутся записать себя евреями в новых удостоверениях личности, где эта запись будет производиться по желанию граждан.

«Увеличенная популяция», порожденная ассимиляционными процессами, представляет собой преходящее явление. Конечно, некоторые дети из смешанных семей считают себя евреями, учатся в еврейских школах и других еврейских учебных заведениях, принимают активное участие в еврейской общественной и культурной жизни, но это не означает, что у них появляется установка на вступление в брак непременно с евреями. Было бы странно ожидать от них этого, когда такая установка не свойственна тем, у кого оба родителя — евреи. И так, еврейское возрождение не привело к снижению доли смешанных браков — в них по-прежнему вступает большинство. Все больше становится тех, у кого лишь дедушка или бабушка — евреи. Конечно, и внуки евреев подчас проявляют интерес к истории и культуре еврейского народа, но это, как правило, не означает, что они считают себя евреями. Ведь подобный интерес нередко проявляют и те, у кого нет никаких еврейских родственников. Есть русские люди, интересующиеся индийской или китайской культурой, но это не делает их индусами или китайцами. Внуки евреев, как правило, не рассматриваются как евреи нееврейским окружением. Еврейское самосознание у них обычно проявляется лишь при переходе в иудаизм или переезде в Израиль.

Нельзя не согласиться с мнением М. С. Тольца, высказанным им на международной конференции «Евреи и еврейская жизнь в

России и Советском Союзе» (Москва, апрель 1993 г.), о том, что с демографической точки зрения постсоветское еврейство переживает не просто упадок, но умирание²⁵. Но это касается и всей еврейской диаспоры.

Сторонники ассимиляции не отрицают того, что она ведет к гибели еврейства, во всяком случае — в диаспоре, но и не видят в этом ничего плохого. Согласно этой точке зрения, еврею или еврейке не следует отказываться от брака с любимым человеком из числа неевреев только для того, чтобы еврейский народ сохранился, то есть нельзя жертвовать личным счастьем ради какой-то коллективной цели. Идеи такого «самопожертвования» в наше время крайне непопулярны — и не только среди евреев.

Одна из основных идей современной демократии состоит в том, что интересы личности должны иметь приоритет перед интересами государства, нации, религиозной общины, политической партии и так далее. Понятна популярность этой идеи в стране, где свыше 70 лет личные интересы приносились в жертву государственным. Но, отталкиваясь от прошлого, очень легко впасть в другую крайность.

Если в спорах с государством граждане всегда будут правы, они перестанут платить налоги и служить в армии — и государство попросту развалится. Поэтому и при демократии идея приоритетности интересов личности может быть только красивым лозунгом, на практике же интересы индивидов никогда не ставятся выше интересов государства в жизненно важных для него вопросах. Однако в отличие от государства этнические и религиозные общности, включая и еврейские общины в диаспоре, не могут удержать в своих рядах тех своих членов, которые хотят из них выйти. Основная причина, задерживающая слияние ассимилированных евреев с другими этносами, состоит в нежелании последних признать их «своими». Но это не мешает таким евреям креститься и (или) вступать в смешанные браки, дети или, во всяком случае, внуки от которых уже рассматриваются неевреями как «свои». По данным опроса более 4 тыс. неевреев в разных регионах бывшего СССР, проведенного Всесоюзным центром изучения общественного мнения в 1990 г., 41—43% опрошенных не имели бы ничего против браков своих детей или других ближайших родственников с евреями и еще 22% затруднились с ответом. Опрос, проведенный Еврейским научным цент-

ром в 1992—1993 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, показал, что лишь немногим более половины из 1300 опрошенных евреев считают, что евреи должны заключать браки лишь между собой²⁶. Таким образом, нет больших различий в отношении к смешанным бракам с еврейской и нееврейской стороны.

До революции 1917 г. вступление еврея в смешанный брак почти всегда сопровождалось крещением и, соответственно, вызывало негодование в еврейской среде как акт отступничества и как явление, губительное для еврейского народа. В наши же дни евреи и еврейки, не одобряющие смешанные браки, как правило, исходят лишь из личных мотивов, например из опасения столкнуться с антисемитизмом со стороны нееврейского супруга и его родных. Даже раввины, призывающие евреев не вступать в смешанные браки, апеллируют не столько к необходимости сохранения еврейского народа, сколько к личным мотивам²⁷.

Примат интересов индивида над интересами общности грозит существованию не только еврейства диаспоры, но и любых других народов, государств, религиозных общин и в первую очередь семей. Основной аргумент в пользу смешанных браков, как уже отмечалось выше, состоит в том, что любовь все оправдывает, в том числе и разрыв влюбленного со средой, к которой он принадлежит, и даже уничтожение этой среды. Однако в качестве данной среды выступает не только народ, но и семья. Нередко это не родительская, а собственная семья влюбленного, его жена и дети, которые ни в чем перед ним не виноваты и которых он бросает ради новой любви. И такое поведение разрешено законом и одобряется многими из окружающих.

Во всем мире вплоть до начала XX в. развод допускался, как правило, лишь в случаях нежелания или неспособности мужа либо жены иметь детей, заботиться о семье, хранить супружескую верность и т. п. Часто при этом виновный супруг надолго лишался права вступать в новый брак, детей и спорное имущество отдавали невинному. Эти законы служили интересам общества и самих семей, требуя, под страхом развода и сопутствующих ему санкций, соблюдения элементарных правил семейной жизни и, как правило, не разрешая развода в тех случаях, когда один из супругов просто разлюбил другого. Современные же законы (и в России, и в большинстве стран Запада) допускают развод и в этих случаях.

Они служат эгоистическим интересам лиц, строящих свое счастье (часто мнимое и недолговечное) на несчастьи своих супругов и детей²⁸.

Тенденция усиления индивидуализма и эгоизма настолько глубоко укоренилась в современном мире, что если ей ничего не противопоставить, она разрушит не только миллионы конкретных семей, но и семью вообще как социальный институт, который обеспечивает воспроизводство населения и социализацию новых поколений и без которого не могут существовать ни государства, ни народы. В этом случае население всех цивилизованных стран (или даже всего мира) вымрет несравненно быстрее, чем об этом говорилось выше.

Тезис о том, что при коллизиях между интересами индивидов и тех общностей, в которые входят эти индивиды, проблема всегда должна решаться в пользу первых, представляется далеко не бесспорным. Если еврей не желает поступаться своими личными интересами ради большой семьи, к которой он принадлежит (то есть еврейской общины или всего народа), то точно так же он не поступится этими интересами ради своей малой семьи, то есть своей жены, детей или родителей. Разумеется, такая постановка вопроса предполагает, что и еврейские общины должны больше проявлять заботы и внимания по отношению к своим отдельным членам, чем это было до сих пор. Ничто не разрушает еврейской солидарности больше, чем пренебрежительное отношение старожилы к новопривывшим в Израиле или в еврейских общинах США и других стран Запада, даже когда оно сочетается с оказанием материальной помощи.

Оптимизм в вопросе о перспективах российского еврейства мотивируется недоверием к данным официальной статистики, основанным на паспортных записях и ответах на вопрос о национальности при переписи, которые чаще всего совпадают с этими записями, но далеко не всегда отражают национальную самоидентификацию. Возможно, что после отмены обязательной записи в паспорте о национальности данные переписи населения, назначенной на 1999 г., будут еще меньше соответствовать действительности. Перепись как бы опережает реальность на одно поколение: на смену поколения родителей, которые происходят в основном из однопациональных семей, приходит поколение детей, большая часть которых рождена в смешанных браках.

Почти все эти дети при переписи фиксируются как неевреи. Однако у многих из них существует еврейское самосознание. Но последнее не препятствует им, подобно родителям, вступать в браки с неевреями. Адети от этих браков в огромном большинстве случаев уже не являются евреями ни в собственных глазах, ни в глазах окружающих.

Основная причина исчезновения российского еврейства состоит не в отдаленных последствиях Холокоста и даже не в исходе евреев из России, который является массовым, а в ассимиляции. Главная же причина ассимиляции состоит в том, что личные интересы у огромного большинства современных российских евреев, как и у всех цивилизованных народов, стоят бесконечно выше коллективных. В условиях дисперсного расселения любая этническая группа, большинство представителей которой утратили чувство сплоченности²⁹, рано или поздно растворяется среди окружающего населения. Между тем национально-культурное возрождение российского еврейства это чувство не возродило в такой степени, чтобы повернуть процесс ассимиляции вспять.

Поэтому еврейское возрождение в России и других странах бывшего СССР может продлить историю евреев в этих государствах еще на одно, максимум на два поколения при условии, что не будет окончательного исхода евреев из России и других постсоветских государств. На наш взгляд, при благоприятных обстоятельствах российское еврейство, постепенно уменьшаясь в численности по тем же причинам, что и раньше, будет существовать еще несколько десятков лет.

¹ *Куповецкий М.* Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // *Вестн. Евр. ун-та в Москве.* 1995. № 2(9). С. 152.

² Там же. С. 149; *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.* М., 1973. Т. 4. С. 9.

³ *Куповецкий М.* Указ. соч. С. 138—139, 149, 152.

⁴ Там же. С. 144, 148.

⁵ *Сови А.* *Общая теория населения.* М., 1977. Т. 2. С. 456.

⁶ Расчет по: *Российская Федерация в цифрах в 1993 году.* М., 1994. С. 7; *Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.* М., 1984. С. 71; *Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* М., 1991. С. 9; *Народное*

хозяйство РСФСР в 1990 г., М., 1991. С. 90; Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М., 1995. С. 5, 50—54.

⁷ *Tolts M.* The Balance of Births and Deaths among Soviet Jewry // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe.* Jerusalem, 1992. № 2(18). P. 11—17.

⁸ *Дарский Л., Андреев Е.* Воспроизводство населения отдельных национальностей в СССР // *Вестник статистики.* 1991. № 6. С. 8—9.

⁹ *Население мира: демографический справочник.* М., 1989. С. 25—104.

¹⁰ Расчет по: *Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад.* Центр демографии и экологии человека. М., 1996. С. 11—17; Информационный бюллетень Госкомстата России «Некоторые аналитические материалы и публикации по народонаселению». № 1(28). Январь 1996. С. 59.

¹¹ *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 219—236; *Воспроизводство населения СССР.* М., 1983. С. 242.

¹² Рассчитано по: *Население СССР.* М., 1988. С. 213.

¹³ *Норден З.* Пересчитывая евреев // *Двадцать два: Обществ.-полит. и лит. журнал евр. интеллигенции из СССР в Израиле.* № 79. Октябрь-декабрь 1991. С. 126—129.

¹⁴ *Della Pergola S.* The Demographic Context of Soviet Aliya // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe.* 1991. 3(16). P. 41—56.

¹⁵ *Kosmin B. A., Goldstein S., Waksberg J., Lerer N., Keysar A., Sheckner J.* Highlights of the 1990 CYF National Jewish Population Survey. N.Y., 1991.

¹⁶ *Tolts M.* Jews in the Russian Republic since the Second World War: the dynamics of demographic erosion // *International Population Conference.* Montreal. 1993. Vol. 3. P. 107—110.

¹⁷ *Синельников А.* Некоторые демографические последствия ассимиляции евреев в СССР // *Вестн. Евр. ун-та в Москве.* 1994. № 1(5). С. 95.

¹⁸ *Tolts M.* Jews in the Russian Republic... P. 110.

¹⁹ Рассчитано по: *Основные итоги микропереписи населения 1994 г.* С. 6, 50—54; *Типы и состав домохозяйств в России (по данным микропереписи населения 1994 г.).* М., 1995. С. 22, 62—63.

²⁰ *Россия (Евреи России после 1991) // Краткая еврейская энциклопедия.* Иерусалим, 1994. Т. 7. С. 402.

²¹ Рассчитано по: *Типы и состав домохозяйств в России (по данным микропереписи населения 1994 г.).* С. 22, 34, 62—63.

²² *Волков А.* Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // *Вестник статистики.* 1989. Т. 8. С. 18; Информационный бюллетень Госкомстата России «Некоторые аналитические материалы и публикации по народонаселению». № 2(27). Июль 1995. С. 41.

²³ *Синельников А.* Указ. соч. С. 92—93.

²⁴ Рассчитано по: *Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.* С. 219, 254—255, 288; *Возраст и состояние в браке населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года.* М., 1990. С. 24—25, 63; *Число и состав семей в Российской Федерации: по данным переписи населения 1989 года.* М., 1992. Т. 1. С. 206—207; *Некоторые данные переписи 1989 г. о численности и демографических характеристиках*

населения национальностей и народов РСФСР. М., 1991. С. 40; Основные итоги микропереписи населения 1994 г. С. 34—35; Типы и состав домохозяйств в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). С. 34, 62—63.

В ходе расчета пришлось пренебречь тем фактом, что однонациональные брачные пары есть и в смешанных семьях: например, там, где оба родителя — евреи, но дети привели в дом нееврейского зятя или невестку, или там, где еврейская женщина имеет от бывшего мужа-нееврея ребенка, записанного также как нееврей, но сама вышла замуж вновь — теперь за еврея. Поэтому такой расчет завышает долю смешанных браков, но, видимо, все же характеризует направление динамики.

²⁵ *Игнатенко А., Рогачевский А.* Евреи и еврейская жизнь в России и Советском Союзе // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1993. № 3. С. 296.

²⁶ *Гудков Л., Левинсон А.* Отношение населения СССР к евреям // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1992. № 1. С. 6, 21; *Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.* Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1995. № 3(7). С. 136, 143.

²⁷ *Прейгер Д., Телушкин Д.* Восемь вопросов об иудаизме. СПб., 1992. С. 142—155.

²⁸ *Синельников А. Б.* Кто заинтересован в повышении рождаемости — государство или семья? // Семья в России. 1995. № 3-4. С. 63—66.

²⁹ *Сови А.* Общая теория населения. Т. 2. С. 456.

ИСТОРИЯ

Г. Аграновский (Вильнюс)

КОНФЛИКТ МЕЖДУ МАСКИЛИМ И ХАСИДАМИ И РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЕВРЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

(По материалам вильнюсского архива)

В 1826 г. в Вильну по приглашению советника при правительстве Царства Польского и попечителя Виленского учебного округа Н. Новосильцева приехал «по окончании курса наук в Бреславле» 30-летний Вольф Тугендгольд* (1796—1864)¹. Вскоре (1827 г.) он стал цензором еврейских книг и на этой должности оставался вплоть до своей смерти.

В. Тугендгольд происходил из семьи известных в Галиции и Польше еврейских просветителей, его отец Исая и брат Яков, служивший цензором в Варшаве, вошли в историю Гаскалы. С малых лет он был знаком с идеями Просвещения; с того же времени ему пришлось наблюдать быт и нравы галицийских хасидов. Приехав в Вильну, В. Тугендгольд попал в среду с ярко выраженными антихасидскими настроениями, — еще был жив дух Виленского Гаона (Элияху бен Шломо-Залмана; 1720—1797) — самого непримиримого врага хасидизма. Возможно, все эти факторы способствовали подготовке В. Тугендгольдом записки, в которой он, одним из первых в Российской империи, изложил свои взгляды на учение хасидов. По-видимому, Тугендгольд был знаком и с анекдотическим по характеру письмом по «хасидскому вопросу» (от апреля 1831 г.) шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа министру внутренних дел Д. Н. Блудову², — копия этого письма была направлена и виленскому военному губернатору:

* Эта фамилия часто пишется без первой буквы «д». Сам цензор всегда подписывался как «Тугендгольд».

«Копия с копии. Секретно.

Милостивый государь Дмитрий Николаевич.

Белицкий мещанин еврей Хнох, известный Вашему Превосходительству из отношения моего от 4-го марта № 1188, представил еще две еврейские книги, из коих одна, кажется, не содержит в себе ничего предосудительного, другая же под заглавием: «Лекуте Амури» (Отборные притчи) писана в превратном духе секты хасидим и состоит между последователями сей секты в большом уважении. Сочинитель сей книги раввин Шнеур Соломон, живший в конце XVII столетия, старается доказать, что только евреи — последователи секты хасидим суть настоящие израильтяне, избранные сыны Божии, что души всех прочих евреев составлены из низшей нечистой материи, взятой из других зверей и злых духов и оживленной только искрою божества, которой, впрочем, вовсе нет в душах народов не еврейских, состоящих единственно из материи злых духов и посему не причастных вечному блаженству. Книга сия находится в общем презрении у всех евреев, непоследователей секты хасидим, но с некоторого времени она начала распространяться между польскими жидами, и представленный Хнохом экземпляр напечатан с одобрения виленской цензуры в Шклове 1814 года; другие еще гораздо опаснейшие книги сектистов хасидим, как-то: Неум, Хамелех, Кетер, Шемтоб, Баал Шемтоб, также одобрены виленскою цензурою.

Препровождая при сем представленные Хнохом книги на благоусмотрение к Вам, Милостивый государь, в дополнение к помянутому отношению моему, имею честь быть с совершенным почтением и истинною преданностию.

Подписал: Вашего Превосходительства покорнейший слуга А. Бенкендорф»*.

В своей записке от октября 1831 года В. Тугендгольд изложил хорошо знакомый ему австрийский опыт борьбы с «вредными книгами»:

«1. Посредством строгого воспрещения как печатать их внутри государства, так и вывозить из-за границы...

* Копия текста по возможности приближена к современной орфографии.

2. Помощию оштемпеливания всех российских книг, как находящихся в употреблении, так и имеющих еще поступить в обращение...

3. ...Чтобы [в] небольших городах находился учитель-еврей, выдержавший экзамен в законе Божиим, отечественном языке (немецком), арифметике, чистописании; в больших же городах заведены училища, в которых еврейское юношество кроме означенных предметов обучается и прочим наукам»³ (см. Приложение).

Записка В. Тугендгольда два года кочевала по чиновничьим кабинетам, и в 1834 г. копия ее вернулась в Вильну в качестве приложения к письму министра внутренних дел России Д. Н. Блудова.

В своем письме, названном «О мерах к уничтожению вредных хасиденских сочинений», Блудов пересказывает поступившее к нему прошение «евреев из города Кременец на Воьльни Савицкого⁴, Михеля и Бернштейна». В прошении предлагается:

«1. Все книги, находящиеся ныне в употреблении у евреев, строжайше пересмотреть... и, отделив из числа оных все незакончающие в себе хасидских начал и толкований, обозначить таковые узаконенным штемпелем, все же прочие без изъятия истребить...

2. Закрывать все ныне существующие в Польше и возвращенных от Польши губерниях еврейские типографии...

3. Таковых типографий достаточно учредить не более трех, а именно в Житомире, в Бресте-Литовском и Шклове...»⁵

Блудов сообщает, что с прошением кременецких евреев он ознакомил министра народного просвещения С. С. Уварова, но тот счел предлагаемые в прошении меры против еврейских типографий «столь насильственными, что проведение оных в действие чрезвычайно затруднительно...».

При сравнении этого прошения с запиской Тугендгольда бросается в глаза аналогичность предложений о «штемпелевании» еврейских книг. Авторы прошения предлагают более жесткие меры по борьбе «с вредными книгами», считая целесообразным закрыть большинство еврейских типографий.

В вильнюсском архиве сохранился черновик ответного письма виленского военного губернатора князя Н. А. Долгорукова министру внутренних дел. Губернатор высказывается против при-

нения репрессивных мер к хасидам. Свою точку зрения он обосновывает следующим образом: «...в России никогда не имели евреи малейшего влияния на нравы в народе и на дела государственные. Засим хасидены, подобно караимам и прочим, отделясь понятиями и обрядами веры от ветхозаветных израильтян, в отношении гражданском и политическом, по мнению моему, нисколько не могут быть опасны,— и всякое ныне явное противу них действие (тогда как около ста лет на них не было обращено почти никакого внимания) имело бы вид гонения и могло бы увеличить и усилить их». Далее Н. А. Долгоруков указывает: «Все приведенное в выписках из разных книг (то есть в записке Тутендгольда.— Г. А.) исполнено такого невежества, что невозможно предполагать, чтобы самые суеверные и бессмысленнейшие из евреев не постигли всей нелепости подобного учения. Засим весьма достаточно все книги, упомянутые в рассуждении Тутендгольда... немедленно изъять... Те изеврейских типографий, которые где-либо устроены без дозволения правительства, немедленно уничтожить, а содержателей типографий, учрежденных с ведома и разрешения устроенных властей, обязать подписками: не иначе печатать и перепечатывать что-либо, как по дозволению цензуры, под опасением в противном случае конфискования их типографий...»

Из губернаторского «черновика» была вычеркнута фраза, которую мы приводим, чтобы был ясен характер его размышлений по поводу еврейских книг: «Поелику вообще сочинения еврейские стремятся предпочтительно к истолкованию, подражанию и искажению Библии, то полезно бы постановить правилом, чтобы всякое произведение духовное, при представлении в цензуру, было воспрещаемо и уничтожаемо, яко совершенно излишнее после «Ветхого завета» для евреев»⁶.

На письмо виленского военного губернатора, а также «отзывы» генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского князя Хованского, губернатора киевского, подольского и волынского графа Левашева и наместника Царства Польского графа Паскевича-Эриванского Блудов дал ответ в конце ноября 1834 г. Он согласился с мнением Долгорукова не «принимать противу секты хасиденов какие-либо особенные меры». По его мнению, «вера евреев, основанная на нелепом талмудическом учении, признается более или менее вредною обществу, и следовательно,

должно принимать всевозможное старание о просвещении вообще всех евреев...». Он соглашается с мнением Долгорукова «о немедленном закрытии всех типографий, существующих без дозволения правительства»⁷.

При чтении переписки, вызванной прошением трех «кремневецких евреев», невольно возникает мысль о причастности к ней еще одного кремнецкого еврея, «отца российской Гаскалы» И. Б. Левинзона. Известно его негативное отношение к хасидам: «Он уже рано (в 1823 г.— Г. А.) представил цесаревичу Константину, отнюдь не расположенного к евреям, записку от учреждения школ и «описание новых еврейских сект», т. е. хасидов, которых считал виновником многих народных бед» — так писал о нем Ю. Гессен⁸. «Борясь с хасидизмом, Левинзон предложил правительству закрыть все еврейские типографии, кроме двух в городах, где имелась цензура»⁹.

Действительно, как утверждает в своей ныне почти забытой статье С. Боровой¹⁰, Тугендгольд и Левинзон, поддерживавшие между собой дружеские контакты, действовали параллельно. В одном из своих писем И. Б. Левинзон вспоминал:

«В 1833 г., 20 июля написал я проскт об уничтожении всех еврейских типографий, кроме тех, где находятся цензуры, и пустить оных в откупы в пользу еврейских училищ, и о пересмотрении изданных до сего времни еврейских и халдейских книг. Этот проект представлен был профессором Киевского лицея надворным советником г. Савицким — г. Министру внутренних дел, а в 1836 г. последовал о том Высочайший Указ. При сем проекте представлена автором также опись древним и новым еврейским и халдейским книгам с означением, какие из них могут быть признаны полезными, а какие вредными»¹¹. Из этой цитаты становится ясным, что прошение трех «кремневецких евреев» было инспирировано И. Б. Левинзоном.

Не менее гордился своей ролью в запрете «вредных еврейских книг» и В. Тугендгольд. В 1850 г. он сообщал: «В году 1831 подан мною особый рапорт о хасидейской литературе, вредной отрасли, прививкой древней Каббалы и мистики... Эта литература ужасным образом расплодилась в нашей стороне от времени явления Бешта или Израиля Бал-Шем Тов, основателя ее в Подолии, в первой половине последнего столетия. Главные ее правила должны уже делать ее весьма подозрительною, которым следующего суть содержания: «Цадик, или шеф этой секты не только есть

самодержец земного шара, но всей вселенной, без его распоряжения ничего не делается на небесах, он Богом уполномочен пожаловать людей отпущением грехов и объявлять им волю его...»

Побужденное этим рапортом тогдашнее Министерство народного просвещения приказало, чтобы все такого рода сочинения доставляемы были своими властителями в цензуру. И так отобрано было тогда множество экземпляров следующих сочинений...» (далее приводится список из 18 сочинений)¹².

Публикуемые документы являются интересной иллюстрацией подхода и просветителей, и царских чиновников к хасидской проблеме. Письма просветителей в адрес правительства в итоге способствовали появлению решения Сената от 27 ноября 1836 г. «О цензуре еврейских книг и о еврейских типографиях», в результате которого все еврейские типографии в Российской империи (кроме двух — в Вильнюсе и Житомире) были закрыты.

¹ Центральный исторический архив России в Петербурге (ПЦИА), ф. 772, оп. 1, д. 59; Литовский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 1240, оп. 1, д. 240; д. 182.

В. Тугендгольд был единственным (кроме нескольких врачей) в Российской империи государственным чиновником-евреем вплоть до начала 40-х гг. XIX в. Когда в 1828 г. был введен запрет на прием евреев на государственную службу, для него по просьбе Н. Новосильцева было сделано исключение с принесением им присяги «по его вероисповеданию» (ПЦИА, ф. 772, оп. 1, д. 48, лл. 2, 10).

² ЛГИА, ф. 378 BS (1831 г.), д. 2116, л. 3.

³ ПЦИА, ф. 772, оп. 1, д. 233, лл. 78—85; ЛГИА, ф. 378 BS (1834 г.), д. 1791, лл. 5—13.

⁴ В действительности Савицкий не был евреем.

⁵ ЛГИА, ф. 378 BS (1834 г.), д. 1791, лл. 2—4.

⁶ Там же, лл. 17—18.

⁷ Там же, лл. 19—20.

⁸ *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. Изд. 2-е, стереотип. М., 1993. Т. 2. С. 5.

⁹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. С. 735.

¹⁰ *Боровой С.* Зарисовки из истории еврейской книги на Украине (на укр. яз.). Ч. II. Библиологічні вісті. Киев, 1926. Т. 2. С. 3—15. См. также: *Гессен Ю.* Смена общественных течений // *Пережитое.* СПб., 1911. Т. 3. С. 14.

¹¹ ЛГИА, ф. 1240, оп. 1, д. 81, л. 6.

¹² Более подробно рассмотренная в публикации проблема исследована в нескольких малодоступных теперь статьях Ю. Гессена. Его обобщенный взгляд на проблему приведен им в статье «Цензура» (*Еврейская энциклопедия.* СПб., 1913. Т. 15. С. 799—800).

Приложение

В Виленский Цензурный Комитет.

Рассматривающего еврейские сочинения
Вольфа Тугендгольда.

Рапорт.

О еврейских сочинениях секты хасиденов*.

Вследствие повеления Его светлости г. Министра народного просвещения от 28 дня сентября сего года за № 321, относительно еврейских сочинений секты хасиденов, честь имею покорнейше донести:

А. О времени появления секты хасиденов и о последователях ее.

Сочинения хасиденов, которых содержание есть непонятная смесь кабалистических и мистических вымыслов, а цель затмевать рассудок, распалить воображение и боготворить несколько лиц, имеет свое начало от основателя секты еврея Бал-Шема**, который, будучи родом из Польши, поселился около 1740 года в Подольской губернии в местечке Меджибож и там, в пожилых уже летах, начал рассеивать свои моления многие и окружил себя своими последователями.

Тщетны были усилия знатнейших раввинов, чтобы секту сию искоренить в самом начале ее,— ни проклятия, ни страшные преследования последователей ее не могли воспрепятствовать ей усилиться: обстоятельства тогдашнего времени способствовали ее распространению. Польское правительство, не обращая внимания на богословские евреев споры, совершенно об ней не думало, и так в короткое время потом сия секта распространилась по всем западным Российским губерниям, в Царстве Польском, Молдавии, Валахии, Галиции и Венгрии.

Невозможно определить количество последователей сей секты, но, впрочем, оно весьма велико и нет сомнения, что секта сия скоро поглотит и остальную часть жидов российских; ибо начальники хасиденов, дерзнувшие уже и посредством книгопечатания распространять свои безумные и полные умствования, беспрестанно более и более увеличивают число своих приверженцев. Порядочный еврей с горестью видит, что число собратий его, называемых хасиденами мыснагдым, беспрерывно уменьшается.

* Приведенные В. Тугендгольдом на полях текста многочисленные ссылки на цитируемые книги в данной публикации опущены.

** Бал-Шем — значит человек боговдохновенный, который посредством некоторых кабалистических обрядов может даже самого Бога заставить выполнять волю свою.— Прим. В. Тугендгольда.

Б. О духе сочинений секты хасиденов.

Поелику главным основанием сей секты есть слепое повиновение хасиденов воле своих начальников, именуемых цадиким, т. е. справедливый, и почитаемых заместителями Божиими, то не излишне будет изложить здесь некоторые мысли из книг, частью мне известных.

1. Отношение цадика к Богу.

а) Цадики или начальники сей секты суть наставники самого Бога; они управляют его волею; Божеские определения в их руках; они превозмогают самого Бога; поелику он предоставил им управление сим миром. И посему-то они составляют первую инстанцию для людей (смотри: Ликуте Амарим, лист 18, Мебасер Цедек, л. 62, Ноам Алимелех, л. 41 и 81);

б) Они низвергают людей с их достоинств и лишают власти Государей, если они сопротивляются их велениям (смотри. Ноам Алимелех, л. 54);

с) Бог радуется, когда видит, что цадик ему противоборствует, и с величайшим наконец удовольствием уступает его совершеннейшей воле;

д) Должно ежедневно благословлять цадика за то, что он отверзает Богу ослепленные глаза его;

е) Украшает его, т. е. цадика, именем царя. Тем предоставляют ему власть собирать для себя подати (смотри: Сефир Гамыдот, 171).

ф) Его, т.е. цадика, называют даже Богом.

2. Об особенной власти цадигов над людьми.

а) Цадик имеет право наказывать человека смертно даже по ошибке;

б) Если цадик распалится на какого-либо гневом, таковой умирает преждевременно;

с) Цадику отдается на волю назначать людям местопребывание или в рай, или в ад, смотря по его усмотрению;

д) Даже платье цадика, по нем оставшееся, имеет в себе большую силу, рубаха разрешает от учиненного убийства, а исподнее платье от кровосмешения;

е) Если цадик умирает, в то время мир делается омерзительным и Бог гнушается тогда даже самой добродетелью;

ф) Цадик вступает в разговор с людьми иной веры для того, чтобы исторгнуть у них ту малейшую искру Божества, которая иногда у них бывает, и после сего таковые люди бывают отвержены от всего.

3. Как должно судить о цадиках.

а) Из всего по-видимому кажется, что цадик нарушает права Божеские, но должно сильно верить, что все деяния его угодны Богу;

б) Устранивши ум, чувства и опытность и принявши в течение жизни за путеводителя одну только волю цадика, человек может надеяться, что он ведет жизнь богоугодно;

с) Приверженность хасидена к цадику — своему начальнику, пока пребудет неискренна, до тех [пока] он думает, что должно еще вести себя по-человечески, употреблять рассудок;

д) Цадик находится в тесных связях с Богом, хотя и предается светским удовольствиям;

е) Распутство есть единый путь к спасению.

4. Безумные и вредные мысли сей секты.

Если из приведенных уже мест о цадики ясно видно, сколь вредна сия секта, то еще более должно соблезновать, узнав, что сим воспламенительным неучам евреи часто вверяют воспитание своих детей и что от них-то многие заимствуют безумные мысли о Боге и об обязанностях к людям иной веры.

Здесь я приведу только некоторые:

а) Бог имеет не только жену, но и наложницу.

Замечание. Хасидены говорят, что под словами Матронита, т. е. супруга Бога, и Пылегем, т. е. наложница, они разумеют совсем иное;

б) Грешники нехасиды, т. е. неисповедующие их веры, грехами своими производят то, что Шехина, т. е. жена Бога, получает месячное кровоочистение и что Бог принужден тогда ее оставить;

с) Позволяется обманывать людей иной веры;

д) Должно подкупать судей, чтобы поработить нехасидов;

е) Судилища акумов (не жидов) состоят во власти келипот, т. е. нечистых духов; и мы, поелику теперь в неволе нашей лишены силы мстить нашим грешным нехасидам, должны их отдавать в судилище акумов, чрез что из среды духов нечистых исходит суд священный;

ф) Во время молитвы, совершаемой нами, должны мы сильно действовать телом нашим, и сие для того, что соединение Бога с его женою производится особенно помощью молитв наших; а поелику соитию предшествует всегда движение телесное, то мы и должны подражать оному во время моления нашего;

г) Просвещение есть величайшая зараза; и так мы должны сколько возможно оберегать себя от оною. Даже смотреть в учебные книги не позволяется, хотя бы они были написаны самым набожным евреем.

5. О духе толкования их на Св. писание.

Во всех государствах, где только установлена цензура, строжайше запрещены сего рода книги: ибо секта хасиденов полагает, что обыкновенный смысл слов в Библии не есть истинное значение, но только покрывало сокровенной тайны, к которым ключ вверен их цадикам. Сии цадики часто дают Св. писанию такой смысл, что нравственность и здравый рассудок должны краснеть.

Здесь я приведу собственные их слова. Если цель, говорит автор сочинения Шман Леб на листе 44, всех действий хасиденов, особенно же цадика, есть та, чтобы способствовать небесному соитию, т. е. брачному соединению Бога с его женою, мы же во время соития нашего, обыкновенно платье свое с себя сбрасываем, следовательно, изъясняя Библию, которая есть любимица Господа Бога, должны мы ее обнажить от удобнопонятного значения слов и представить ее пред лице Бога в таинственной ее наготе.

6. Способ, коим основатель секты Бал-Шем примирил Бога с народом еврейским.

1749 года вечером, пред днем очищения, заметил цадик, что все входы к Божескому милосердию были так крепко затворены, что молитвы евреев никоим образом не могли сквозь них проникнуть. После продолжительного и усиленного старания он постиг наконец причину сего внезапного гнева Господня: она состояла в следующем: в том самом месте, где он жил, обитал и ксендз приходский всю свою жизнь так целомудренно, что Бог, радуясь чрезвычайно его добродетели, возгнущался всем народом еврейским. Тогда цадик, пораженный ужасом, спешит к ксендзу и, соблазнивши его любовными разговорами к мерзости и ... сим примиряет опять Бога с своим народом, и врата милосердия к принятию молитв внезапно отверзлись.

7. Царства не постигают, кому они одолжены своими победами.

В прошедшем столетии россияне восторжествовали над турками, и еврей Бал-Шем тщеславился перед всеми, что они сим одолжены существенно его посредничеству и силе на небесах.

Происшествие сие описано в его биографии таким образом.

В один день цадик увидел, что российские и турецкие паресклеты (духи стражи, заступающие на небе земных обитателей) жестоко на небе сражались и что российский паресклет готов уже был покориться турецкому, как раб Израель с жаром вступился за россиян, поелику был адъютантом у их фельдмаршала, и просил о них Господа Бога, который

из уважения к цадику немедленно приказал начать битву вновь и обратив победу на сторону паресклета российского.

Цадик имеет власть низвергать покровителя, какого бы ни было народа, и как скоро сие сделает, народ упадает внезапно.

В. Название книг секты хасиденов, где и когда напечатаны и с дозволения ли цензуры.

Известнейшие печатные сочинения сей секты находятся под сими названиями (время и место издания их типографшики здешние, из опасения наказания, большею частию означают ложное, а по дозволении цензуры ни одна из сих книг не напечатаны).

1. Шибхе-Бешт или Шибхе-Бал-Шем Тов. Это есть похвальное слово упомянутому Израилю Бал-Шему и содержит чудесные происшествия, случившиеся с сим основателем секты, оно написано одним из его последователей. Бедное сие творение издано в первый раз в Бердичеве 1814 г., и потом в продолжение четырех лет было издаваемо в великом количестве пять раз. Для большего же распространения оно издано в Остроге, Лещове и Копысе на жидавско-немецком языке.

Секта хасиденов, не довольствуясь, что развращает юношей, начинает уже иметь свое губительное влияние и на женский пол. Коварный цадик обещает сему прекрасному полу многочисленное потомство, если они охотно будут внимать его похвалам.

2. Сефер Гамыдот Шел Бешт, т. е. нравственная книга. Содержит в себе правила отношения к вере и людям, которые еврей Бал-Шем сам для учеников своих составил, а внук его Реб Нахман в 1811 г. посредством печати в свет издал. Под буквою Б я изложил довольно примеров сей безумной книги.

В Австрии упомянутые две книги еврей сожгли пред синагогою. Цадик грозил им за сие дуновением из своей трубки* опустошить весь свет, но сие их не устратило. Здешние, однако же, виды затрепетали бы от такой угрозы.

3. Зевуот Рыб. Заключает в себя завещание упомянутого Бал-Шема. На сочинении сем не означено ни времени, ни места его издания, впрочем, находятся разные едидии оногo.

4. Ликуте Могран. Напечатано в Остроге 1808.

5. Ликуте Могран Тынианас напечатана в Могилеве 1810 г.

6. Ликуте Могран Тмеук без означения места издания напечатана 1812 г.

7. Кнуур Ликуте Могран, 2 тома. Печатана в Могилеве 1810 г.

* Хасиды верят, что цадик сильным курением трубки может производить страшные бури в мире духов.— Прим. В. Тутендгольда.

8. Толдот Якоб Зоар. Печатана в Меджибоже. Сочинения сего есть два, одно 1801, а другое 1816 г.

9. Кесер Шем Тов, 2 тома без означения места издания, 1797 г.

10. Тыниос или Ликуте Амарим.

11. Сипуре Маевиот, т. е. история. Без означения места издания печатана 1814 г. иждивением внука Бал-Шемова.

12. Ноам Амимелех. Несколько изданий, но без означения времени и места их печатания.

13. Ор Гамайир, 1814 г.

14. Ликуте Енарым, 1794 г.

15. Дархе Цадык, т. е. деяние цадика, 1795 г.

16. Иелоах Леб, т. е. радость сердца, 1800.

17. Ноам Мегадым, т. е. приятность плодов.

18. Ор Пепес Мошех, т. е. сияние лица Мойше, 1800 г.

Г и Д. В большом ли употреблении сии книги и открыто ли их евреи имеют или тайно.

Книги сии наиболее находятся на Вольни и Подоле, и там в своей колыбели они находятся почти в всеобщем употреблении.

В губерниях Волынской и Подольской почти во всяком местечке находятся типографии еврейских сочинений. Из них знатнейшие в Славуге, Остроге, Судзилкове, Меджибоже, в сих-то типографиях, равно как и в Шкловских, Бердичевских и Полангенской, ни одна еще полезная книга не издана. Типографии сии как бы гнездилища кабалистических и мистических сочинений.

Жиды сих губерний отстали несколькими столетиями в просвещении и образовании от своих собратий, живущих в других государствах. Горе истинному Израилю, если судьба заставит его жить в сем гнездилище тьмы.

Сочинение Мегале Тemyрин, т. е. открытые тайны, вышедшие в свет в Вене 1820 г., изображает всю гнусность интриги сей секты. Место происшествий, упоминаемых в сем сочинении, суть Волынская и Подольская губернии.

Что касается до того, в большом ли употреблении сии книги и открыто ли их имеют, то, сколько мне известно, близ цензуры они редко видны, далее же на юг каждый еврей плавает, так сказать, в сем хаосе драматизма и безумства.

Е. Можно ли их уничтожить?

В Австрии тройким образом уничтожается злоупотребление вредных книг, и с успехом, именно:

1. Посредством строгого воспрещения как печатать их внутри государства, так и вывозить из-за границы. Российские типографщики

несколько раз пытались книги сии под разными названиями ввезти туда, но правительство Австрийское сие заметило и три года назад тому запретило ввоз всех без исключения еврейских книг, печатаемых в России.

2. Помощию оштемпелевания всех российских книг, как находящихся в употреблении, так и имеющих еще поступить в обращение. Посредством сего легко можно уничтожить вредные. Способ, каким образом можно произвести оштемпелевание, кажется, секретарь Дмитриев уже представил.

3. Для прекращения пагубного влияния сей секты на детей, производимого хасидами посредством словесных наставлений в школах, правительство тамошнее постановило, чтобы [в] небольших городах находился учитель-еврей, выдержавший экзамен в законе Божиим, отечественном языке (немецком), арифметике, чистописании; в больших же городах заведены училища, в которых еврейское юношество кроме означенных предметов обучается и прочим наукам.

Я уверен, что если бы сии страхи были удостоены внимания высшего начальства, то в короткое бы время воспитание еврейского юношества получило новое, лучшее образование, нежели в каком оно, к стыду Израилей, доньне находится.

Вильно: Октября 15 дня 1831 г.

Подписано: Вольф Тугендгольд

Верно: Начальник отделения [подпись]

Читал помощник начальника [подпись].

А. Миндлин

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАПАДОМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Россия вошла в XX в., столкнувшись с насущной необходимостью кредитных вливаний в свою экономику. Страна была вынуждена обращаться и за иностранными займами. Однако распространился слух, будто сто тысяч еврейских банкиров со всего мира (о чем якобы говорил крупнейший английский банкир лорд Ротшильд) обязались из-за гонений на российских евреев препятствовать русским финансовым операциям. Об этом министру финансов В. Н. Коковцову 8(21) октября 1905 г. сообщил американец Ч. Мейер, обьезжавший по его поручению европейские столицы для выяснения возможности получения Россией займов¹.

Финансовые отношения России с Западом в их взаимосвязи с политикой самодержавия по отношению к евреям были предметом внимания власти уже в конце XIX в. Этому вопросу в современной историографии уделяется все возрастающее внимание². Началом установления связи между указанными факторами российской жизни можно считать разговор Александра III с министром финансов С. Ю. Витте, который на вопрос царя: «Правда ли, что вы стоите за евреев?» — ответил, что видит единственное решение еврейской проблемы в предоставлении евреям равноправия. Царь, по словам Витте, выслушал это молча³.

Александр Васильевич Давыдов, работавший с 1912 г. чиновником особых поручений особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, а с 1913 г. — чиновником особых поручений министерства, вспоминая в эмиграции, как директор канцелярии Леонид Федорович Давыдов (видимо, однофамилец мемуариста) показал ему дело «Попытка сговора русского императорского правительства с иностранным еврейством о прекра-

щении им поддержки революционного движения в России»^{3а} (далее «Дело». — А. М.).

Из «Дела» следует, что в ходе разговора с Витте царь высказал желание любыми методами покончить с революционной деятельностью евреев. Витте заявил, что применение силы «губительно отзовется на русском государственном кредите, так как закроет для него иностранные денежные рынки, всецело находящиеся в руках евреев». Далее он сказал о необходимости выяснить, с кем за границей надо вести переговоры, так как финансовая поддержка революции идет из-за рубежа. Для этого Витте предложил назначить агентом Министерства финансов в Париже еврея А. Г. Рафаловича, специалиста по финансам и экономике, обладавшего большими средствами и обширными знакомствами среди французских банкиров-евреев⁴. Рафалович еще с конца 1889 г. «безвозмездно, по собственному желанию» исполнял там обязанности агента. А в декабре 1894 г. он получил официальное назначение на эту должность⁵. Отсюда можно заключить, что разговор Витте с царем происходил в 1894 г.

В том же году Витте разместил (преимущественно на парижской бирже) «Российский 3,5%-й золотой заем 1894 г.» на сумму 100 млн. рублей, осуществленный в основном группой Ротшильда, в том числе с участием лондонского дома Ротшильдов⁶. В 1896 г. Витте произвел через синдикат, возглавляемый парижским Ротшильдом, еще один заем на 100 млн. рублей⁷.

Программа Витте, включавшая масштабное строительство железных дорог, покровительственную систему и активную экономическую политику на Востоке, требовала выхода на новые зарубежные денежные рынки, в первую очередь английский и американский. Уже после заключения «золотого займа» Рафалович в 1894 г. беседовал в Лондоне с Ротшильдом о возможности расширения экономических и финансовых связей, но практического результата эта беседа не дала.

Неудачной оказалась и попытка вновь вступить в переговоры с лордом Ротшильдом, о чем назначенный в 1898 г. финансовым агентом в Лондоне дипломат, публицист и историк С. С. Татищев⁸ сообщал 26 мая (8 июня) того же года Витте⁹. Это было не официальное донесение, а личное письмо, написанное Татищевым в день встречи с Ротшильдом. Тот ушел в сторону от финансовых вопросов и говорил только о политических отноше-

ниях России с Великобританией. Причину расхождения этих стран в политике и торговле Ротшильд объяснял тем, что русская дипломатия отказалась действовать в согласии с английской «в армянском и критском деле», на Балканах и на «Крайнем Востоке». Татищев спросил, не является ли причиной недовольствия английских финансистов положение евреев в России. Ротшильд ответил, что «я не ставлю в зависимость от личных интересов общественное дело» и что «я хоть и еврей, а понимаю, что Англия должна выступать на Востоке как христианская страна». Заключение Ротшильд тем, что лондонская биржа будет сотрудничать с Россией только в случае политического примирения¹⁰.

В апреле 1901 г. при посредстве парижского Ротшильда был осуществлен новый 4%-й заем на сумму 424 млн. франков (159 млн. рублей)¹¹, а в марте 1902 г. синдикат, составленный из германских, голландских и русских банкирских домов и кредитных учреждений, реализовал заем на сумму 182 млн. рублей. Из них 139 млн. рублей (300 млн. германских марок) взяли на себя зарубежные банки во главе с берлинским банкирским домом «Мендельсон и К^о» (его руководителем был Э. фон Мендельсон-Бартольди), а остальные 43 млн. рублей — русские банки¹².

Пересказывая «Дело», Давыдов не упоминал о временных рамках. Поэтому неясно, в самом ли «Деле» или в его изложении Давыдовым произошло хронологическое смещение событий. По рассказу Давыдова, через несколько месяцев своего пребывания в должности финансового агента Рафалович беседовал о финансовой поддержке российских революционеров с одним из французских Ротшильдов. Тот переадресовал Рафаловича к лорду Ротшильду, который в свою очередь направил агента в Нью-Йорк к банкиру Якобу Шиффу¹³, немецкому еврею, который в 1885 г. возглавил нью-йоркскую банкирскую фирму «Кун, Леб и К^о», ставшую одним из самых крупных частных инвестиционных банков в США.

В «Деле» было указано, что финансовым агентом в Вашингтоне «немедленно» назначили еврея Г. А. Виленкина. Виленкин был зятем крупного финансиста И. Зелигмана, вместе с братом возглавлявшего несколько банкирских домов, основные из которых находились в Лондоне и Нью-Йорке; Зелигман был родственником Шиффа (нью-йоркский банкирский дом братьев Зелигман примыкал к фирме Шиффа).

Виленкину поручили переговоры с Шиффом. Тот, признавая поступление через него средств на развитие революционного движения в России, отказался пойти на такое соглашение с русским правительством, которое предполагало бы прекращение денежной поддержки революционеров. Шифф заявил, что предложение Виленкина запоздало и, кроме того, «с Романовыми мир заключен не может быть»¹⁴. Эту выдержку из «Дела» Давыдов привел в записке писателю М. Алданову в 1951 г.

В ответном письме Алданов выразил некоторые сомнения. Он писал, что в царствование Александра III революционное движение было крайне слабым, а сами революционеры жили почти в нищете. Поэтому неизвестно, кому могли идти деньги Шиффа, да и он сам был еще не очень богат (хотя уже в XX в. Шифф мог давать деньги революционерам). В заключение Алданов заметил, что вряд ли речь шла о действительно больших суммах.

В следующем письме Алданову Давыдов соглашался с его оценкой тогдашнего состояния Шиффа, подчеркивая, что тот непосредственно не финансировал революцию, но деньги на ее подготовку через него шли. Когда же революция произошла, «то, по сведениям русской политической полиции, она очень активно поддерживалась американскими финансовыми кругами, и именно через Шиффа»¹⁵. В качестве доказательства истинности «Дела» А. В. Давыдов привел довод о том, что у Л. Ф. Давыдова эти материалы были еще свежи в памяти, а он был очень близок с Витте по длительной работе в Министерстве финансов¹⁶.

Однако против фактов «Дела» (или их изложения А. В. Давыдовым) свидетельствуют, во-первых, займы 1894, 1896 и 1901 гг., осуществленные в основном Ротшильдами, во-вторых, вышеприведенное высказывание лондонского Ротшильда о своем еврействе, и, в-третьих, то, что Виленкина назначили финансовым агентом в США лишь в 1904 г., уже во время русско-японской войны, а в 1898—1904 гг. он был помощником финансового агента в Лондоне.

Война с Японией потребовала от российского правительства напряжения всех финансовых ресурсов, и оно очень рассчитывало на иностранные займы, в том числе американские. 29 апреля (12 мая) 1904 г. в Париже был подписан контракт о займе на 800 млн. франков (300 млн. рублей), о чем в тот же день российский

посол во Франции А. И. Нелидов сообщил министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу¹⁷.

Что касается американских займов, то, по мнению Виленкина, которое он высказал 1(14) августа в письме министру финансов В. Н. Коковцову, было бы преждевременным принимать меры к реальному открытию «американского рынка для русских ценностей» до наступления более благоприятного для России момента в войне¹⁸.

Для более четкого представления о русско-американских отношениях в этот период следует напомнить, что по первой статье «Трактата о торговле и мореплавании», заключенного между Россией и США 18 декабря 1832 г., подданные обоих государств могли останавливаться и проживать на территории обоих государств. Трактовка этой статьи была различной. Российское правительство приравнивало правовой статус американских евреев к статусу российских евреев и не считало первых равноправными гражданами США, на которых распространялись привилегии договора. По статье 289 «Свода уставов о паспортах и беглых», иностранные евреи для посещения России должны были получать разрешение Министерства внутренних дел. Лишь банкирам и главам крупных торговых домов такое предварительное разрешение не требовалось¹⁹. Евреи-иммигранты из России по статье 325 «Уложения о наказаниях» вообще считались преступниками²⁰.

В августе 1904 г. правительство США официально передало Ламздорфу через своего посла в Петербурге Р. Мак-Кормика ходатайство о снятии запрещения въезда в Россию американским евреям. Виленкин в письме Коковцову 15(28) августа посчитал подобное ходатайство лишь предвыборным маневром республиканской партии, которая хотела накануне президентских выборов получить поддержку избирателей самого многочисленного в стране штата Нью-Йорк²¹, 20% жителей которого составляли евреи.

7(20) июня 1904 г. царь утвердил закон «Об отмене законов о праве жительства евреев в пятидесятиверстной от западной границы полосе»²², а 11(24) августа того же года — закон «О некоторых изменениях в действующих постановлениях о правах жительства евреев в различных местностях Империи»²³, по которому расширялись права жительства некоторых категорий евреев вне черты оседлости. 28 июля (10 августа) 1906 г. в письме

директору Парижско-Нидерландского банка Э. Нейцлину Коковцов писал, что отмена этими законами некоторых ограничений прав евреев произошла по его инициативе²⁴.

В ответ на американское ходатайство российское правительство после консультации с послом в Вашингтоне графом А. П. Кассини решило дать разъяснение в американских газетах о мерах по облегчению жизни евреев в России в соответствии с упомянутыми законами. Виленкин же решил их использовать для того, чтобы побудить Шиффа «взять на себя инициативу открытия американского и английского рынка для русских ценностей», как он писал Коковцову 14(27) сентября 1904 г.²⁵ Вероятно, это была встреча Виленкина с Шиффом, описанная Давыдовым²⁶. Но Виленкин не сообщал ничего из того, о чем рассказал Давыдов.

Фрагменты приведенной выше переписки Давыдова с Алдановым в определенной степени очерчивают проблему роли Шиффа в русской революции. Эта проблема достаточно широко обсуждалась, особенно правомонархическими эмигрантскими кругами. Однако источники, которые могут убедительно либо доказать, либо опровергнуть материальную поддержку революции Шиффом, неизвестны. Таким образом, указанная проблема ожидает исследования.

Отсылка российского руководства и Виленкина к двум принятым законам в США вообще и Шиффом в частности была оценена как паллиатив и не привела к серьезным сдвигам.

Шифф продолжал выступать против антиеврейской политики самодержавия, поддерживая противников России. Так, в 1904 г. американский синдикат, организованный Шиффом в составе банкирского дома «Кун, Леб и К^о», Национального и Коммерческого банков, выпустил два англо-американских займа для Японии на общую сумму 110 млн. долларов. Половина была размещена этим синдикатом²⁷. Тогда это было огромным кредитом, который дал возможность Японии достаточно долго не думать о прекращении войны.

В то же время Шифф и его мощная банковская группа не только отказывали России в займе, но и удерживали другие банки от кредитования российского правительства.

Когда в конце 1904 г. встал вопрос о финансировании военных действий в 1905 г., российское Министерство финансов могло рассчитывать на заем лишь в Берлине или Париже. Коковцов

начал переговоры с парижским банком «Лионский кредит», но берлинский банкирский дом «Мендельсон и К^о» предложил заем на более выгодных условиях, и в феврале был выпущен «Российский 4,5%-й государственный заем 1905 г.» на сумму 231,5 млн. рублей (500 млн. германских марок). Реализация займа осуществлялась банками Германии и Голландии. С помощью Мендельсона-Бартольди займ на 70% был размещен в Германии²⁸. 24% взяли на себя русские банки.

Между российским Министерством финансов и банкирским домом Мендельсона существовали весьма тесные связи. Об этом, в частности, писал Коковцов²⁹. Мендельсон, в отличие от банкиров-евреев Англии, Франции и США, при переговорах о займах никогда не выставлял политических требований равноправия евреев в России. Это определялось то ли стремлением к получению прибылей любым путем, то ли его личными отношениями с Коковцовым и совершенно особыми отношениями с Витте. Последние подтверждались, например, фактом обращения его жены Матильды Ивановны Витте к Мендельсону в 1905 г. с письмом личного характера, о котором вспоминал германский канцлер Б. фон Бюлов³⁰.

Упомянутые выше две крупные операции, проведенные российским Министерством финансов во Франции и Германии, не могли обеспечить финансирование войны, так как, по данным Б. В. Ананьича, война пожирала около 60 млн. рублей в месяц³¹. Не решали вопроса и 5%-е краткосрочные обязательства Государственного казначейства, реализованные в Берлине на 150 млн. рублей (324 млн. германских марок) с последующим размещением через Мендельсона³².

В июле 1905 г. Витте выехал из России в США для переговоров о мире с Японией. И уже тогда он думал о новых займах во Франции и Соединенных Штатах³³, в которых крайне нуждалась Россия вследствие разорительной войны и революции. На пути в Америку Витте в Париже дважды виделся с премьер-министром М. Рувье, встречался с президентом Франции Э. Ф. Лубэ. Они обещали после заключения мира помочь в получении займа³⁴.

Когда Витте прибыл в Нью-Йорк, 22 июля (4 августа) его посетили Ф. Вандерлип, вице-директор «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», и Д. Перкинс, компаньон Дж. П. Моргана-старшего, главы банкирского дома «Дж. П. Морган и К^о». Разговор шел

о шансах размещения русского займа в США; банкиры выразили сомнение в возможности выпуска займа. Об этом писал в своем дневнике чиновник Министерства иностранных дел, переводчик и один из секретарей российской делегации на переговорах в Портсмуте И. Я. Коростовец³⁵.

1(14) августа Виленкин, возможно, используя не только свои родственные, но и иные связи, организовал свидание Витте с крупнейшими еврейскими банкирами Соединенных Штатов И. Зелигманом, А. Левинсоном, Я. Шиффом и О. Штраусом, специально приехавшими в Портсмут. На встрече также присутствовали русский посол в Вашингтоне барон Р. Р. Розен и сам Виленкин. Коростовец там не был, но со слов Виленкина писал, что речь шла о еврейском вопросе, и Витте подробно рассказал о его истории и положении российских евреев³⁶. Сам Витте в секретной телеграмме Ламздорфу 2(15) августа сообщал о просьбе банкиров содействовать отмене антиеврейских законов. Витте отвечал, что если бы имел власть, то сделал бы все возможное³⁷. В «Воспоминаниях» же Витте говорил о вреде единовременного введения равноправия для евреев. На это последовали резкие возражения Шиффа, сглаженные затем «более уравновешенными суждениями других банкиров»³⁸.

Тезис о вреде быстрого предоставления равноправия евреям Витте объяснял в своих «Воспоминаниях». Революционизирование евреев, и особенно еврейской молодежи, в ответ на ужесточение политики самодержавия по отношению к ним вызвало рост антисемитизма в стране: «...многие сочувствующие евреям или индифферентные к ним стали антисемитами... сразу данное равноправие» может привести к новым смутам³⁹.

Коростовец записал в дневнике, что газеты, обсуждавшие на следующий день прием Витте еврейских банкиров, приписывали ему «выдающуюся роль в разрешении еврейского вопроса» и сообщали, что банкиры были очень довольны беседой⁴⁰.

Б. А. Романов считал, что описанная встреча входила в программу подготовки изоляции Японии⁴¹. Действительно, в телеграмме Ламздорфу Витте оценивал приехавших к нему финансистов как людей, существенно влияющих на американское общественное мнение, владеющих громадными капиталами и оказывающих финансовую помощь Японии. В заключение Витте писал, что, по мнению Розена, беседа «не может не

тревожить японцев, так как бывшие у меня лица являются банкирами Японии»⁴².

Давыдов считал, что попытка Витте договориться с Шиффом обусловила отказ американцев в новом займе Японии, исчерпавшей к этому времени все свои средства, что отчасти обеспечило успех мирных переговоров⁴³. Уместно привести оценку заключения мирного договора известным немецким финансистом К. Т. Гельферихом в его книге «Деньги в русско-японской войне» как блестящей победы Витте, «которой тщетно добивалась Россия на полях сражений»⁴⁴.

Несмотря на якобы положительную оценку группой Шиффа беседы с Витте, ее реальные результаты были незначительны. Так, финансовый агент в Лондоне, путейский инженер М. В. Рутковский в телеграмме Коковцову 1(14) сентября сообщал, что Шифф советовал английским банкирам-евреям принять участие в займе только при условии предоставления равноправия российским евреям. Глава еврейского финансового мира в Англии лорд Ротшильд «держится, по-видимому, того же мнения...»⁴⁵.

В отличие от группы Шиффа, соперничающие с ней банки иначе относились к кредитованию России. При этом инициативу проявляла американская сторона. 18(31) августа к Витте уже в Портсмут вновь приехал Вандерлип. Витте в тот же день в телеграмме Коковцову писал, что Вандерлип говорил о займе после заключения мира с Японией. И далее Витте предлагал: «Если считаете желательным, могу заняться главными основаниями»⁴⁶, на что Коковцов на следующий день попросил Витте «обсудить общие и главные основания займа в Америке»⁴⁷. Однако результаты разговора Витте с Вандерлипом остались неизвестными.

23 августа (5 сентября) мир был заключен, и на следующий день российская делегация на Портсмутской конференции выехала в Нью-Йорк на поезде, предоставленном Морганом. 25 августа (7 сентября) он встретился с Витте на официальном обеде и пригласил его к себе на яхту, стоявшую в нью-йоркском порту. Встреча состоялась 27 августа (9 сентября). На ней были четверо: Витте и Морган говорили, Коростовец и Перкинс слушали. Морган сразу же спросил о сумме займа. Витте запросил 400 млн. долларов (миллиард рублей). Морган сказал, что американцы сначала должны привыкнуть к «русским бумагам», а пока заем

должен быть международным; сам Морган возьмет на свою долю 50—100 млн. долларов. Основная мысль Моргана была такой: «при первой операции нужно дать специальные выгоды американскому рынку»⁴⁸.

Окончание беседы в различных источниках передано по-разному.

В телеграмме Витте Коковцову от 27 августа (9 сентября) указано, что Морган заявил: «...если пожелаем его участия, то он в отношении Америки никаких других банкиров не допускает»⁴⁹.

В «Воспоминаниях» Витте пишет, что Морган «настаивал, чтобы я не вел переговоры с другой группой, еврейской, во главе которой стоял Шифф. Я их и не вел»⁵⁰.

По описанию Коростовца, Морган не претендовал, чтобы переговоры о займе велись только через него, так как «в Нью-Йорке есть много больших банкирских домов». Витте возразил, что в России желают иметь дело именно с ним⁵¹.

В упомянутой телеграмме Витте, оценивая Моргана, писал, что тот общепризнанная «самая солидная денежная сила в Америке, таковой признается в высших финансовых сферах Европы». Как достоинство Витте отметил неучастие Моргана в предоставлении займов Японии во время войны⁵².

Независимо от действительного окончания беседы, основным условием участия Моргана в займе оказались выгоды для американского рынка. Они были детализированы в письме П. Моргана-младшего и Перкинса Коковцову от 13(26) октября как предоставление американцам промышленных заказов. Коковцов 18(31) октября ответил Моргану вежливым отказом, заявив: «промышленность России достаточно развита, чтобы... удовлетворять все наши потребности дома...»⁵³.

Президент Т. Рузвельт при последней встрече с Витте 28 августа (9 сентября) вручил ему письмо к царю, в котором снова поднял вопрос о предоставлении американским евреям тех же прав для поездок в Россию, что и остальным гражданам США. Продолжая описание этого эпизода в «Воспоминаниях», Витте отмечал, что передал письмо царю, а тот — министру внутренних дел. Далее Витте указывал, что в его бытность председателем Совета Министров «по этому предмету» была создана комиссия, закончившая работу только при Столыпине. Комиссия в заключении записала о неправильности постановки вопроса о разре-

шении «въезжать в Россию в зависимости от принципа вероисповедного. Но... решению комиссии не было дано никакого хода»⁵⁴.

Завершая рассказ о пребывании российской делегации в Америке, Коростовец отмечал в дневнике, что в день отъезда, 30 августа (12 сентября), Витте опять принимал депутацию еврейских банкиров — Штрауса, Зелигмана и др. (кто были другие, Коростовец не уточнял). По словам Виленкина, разговор имел общий характер, без упоминания о займе⁵⁵.

На пути в Россию Витте посетил Париж и по указанию Николая II — Берлин для встречи с императором Вильгельмом, инициатива которой исходила от германской стороны. В Париже Витте пробыл с 6(19) по 10(23) сентября. Он дважды виделся с Рувье, и тот пообещал поддержать французских банкиров, которые «будут делать русский заем», но что организовать его возможно лишь после разрешения Марокканского конфликта и соглашения с Германией⁵⁶.

Пребывание Витте в Германии с 10(23) по 14(27) сентября также описывается по-разному. Прежде всего сам Витте одну из рубрик главы 47-й «Роминтен» своих «Воспоминаний» назвал «Свидание с Бюловом...», а в тексте главы писал, что Бюлова не было в Берлине, и о встречах с ним не упоминал⁵⁷. Сам Бюлов вспоминал, что Витте просил у него конфиденциального свидания, и оно состоялось в ресторане, «где с 8 часов до полуночи мы основательно переговорили обо всех интересующих нас вопросах». Дату встречи Бюлов не назвал⁵⁸. Коростовец же в дневнике упоминал о трех встречах Витте с Бюловом: 11(24) сентября Витте нанес визит Бюлову, прибывшему из Баден-Бадена, где он лечился, специально для свидания с Витте; 12(25) сентября утром они оба и еще ряд других лиц присутствовали на завтраке у германского министра иностранных дел О. фон Рихтгофена, а днем Бюлов был с визитом у Витте и «просидел... около часу»⁵⁹. В тот же день вечером Витте поехал в охотничий замок Вильгельма Роминтен неподалеку от тогдашней границы с Россией. Приехал он туда утром 13(26) сентября, а 14(27) сентября днем на станции около Роминтена сел на поезд, идущий из Берлина в Петербург. За сутки нахождения в замке Витте несколько раз беседовал с императором. Главной темой их разговоров были франко-германские отношения и Марокканский кризис. Витте

утверждал, что именно он убедил Вильгельма в необходимости вынести марокканский вопрос на международную конференцию⁶⁰.

Однако самый неожиданный факт, якобы имевший место во время нахождения Витте в Германии, приведен в «Воспоминаниях» Коковцова. Он писал, что когда в 1931 г. вышли из печати мемуары Бюлова, в их составе был небольшой томик, содержащий секретную переписку с Вильгельмом. Там была выдержка из письма Бюлова кайзеру от 25 сентября 1905 г., в которой Бюлов говорил о беседе с Витте утром этого дня. Витте сказал, что «ему удалось в последнюю минуту помешать заключению русского займа во Франции и Англии» при встречах с Рувье и Лубэ в Париже⁶¹.

Известна взаимная неприязнь Коковцова и Витте⁶². Однако, оценивая описанный разговор (если он состоялся в действительности), Коковцов старался быть объективным. С одной стороны, он отмечал, что мемуары Бюлова вызвали «многочисленные указания на величайшие неточности, допущенные им умышленно или невольно,— это безразлично». С другой стороны, Коковцов утверждал, что выдумать такое невозможно, ибо в то время никто, кроме Витте, не знал, что Россия предполагала получить новый заем во Франции, а о займе в Англии вообще не было речи. Исходя из мнения о личных качествах Витте, Коковцов был склонен верить Бюлову и обвинил Витте в нарушении «его долга по отношению к своей родине», а также в том, что тот говорил Бюлову и через него Вильгельму «сознательную неправду» с целью представить себя другом Германии⁶³.

Дополнительным доказательством существования указанного письма является ссылка на него в монографии о Бюлове при упоминании о встрече Бюлова с Витте, но содержание письма не раскрывается⁶⁴.

Окончание войны не улучшило финансовое положение страны, которое еще усугублялось революцией. Поэтому острота вопроса о зарубежных кредитах России не спадала.

Витте, назначенный председателем Совета Министров, думал о «громдном» займе. Его можно было получить «лишь при главенстве Франции». В то время во Франции были две основные группы банков, известные как группа еврейская (во главе с домом Ротшильда) и группа христианская (с основным Парижско-Нидерландским банком)⁶⁵. Еще со времени Кишиневского погрома

группа парижского Ротшильда отказывалась от участия в русских займах⁶⁶. Об этом же писал 2(15) декабря 1905 г. российский посол в Париже граф А. К. Бенкендорф, откликаясь на поездку в Петербург лорда Ревельстока (барона Д. Бэринга), главы лондонского банкирского дома «Братья Бэринг», директора Английского банка. Бенкендорф отмечал, что эта поездка поссорила банк Ревельстока с Ротшильдами и всеми еврейскими банкирскими домами в Англии и США. Далее, по словам Бенкендорфа, Ротшильды утверждали, что «русский кредит стоит очень низко, но будет восстановлен немедленно по разрешении еврейского вопроса, каковое неминуемо...»⁶⁷.

По поручению Николая II Коковцов направился в Париж для переговоров о займе. 26 декабря 1905 г. (8 января 1906 г.) он телеграфировал Витте о том, что Рувье дважды разговаривал с Джемсом Ротшильдом об участии его банка в займе, но тот ответил «решительным отказом, мотивируя его чисто еврейским вопросом»⁶⁸. Банкиры группы Нейцлина также отказывали в займе, ссылаясь на Декабрьское восстание в Москве. А правительство в лице Рувье откладывало решение вопроса о займе до окончания Марокканского кризиса.

После того как Коковцов заверил Рувье в поддержке Россией позиции Франции на предстоящей Альхесирасской конференции, премьер-министр изменил позицию и настоял на заключении группой Нейцлина контракта на небольшую сумму в 267 млн. франков (100 млн. руб.), которая рассматривалась как аванс будущего большого займа⁶⁹. Контракт был подписан 29 декабря 1905 г. (11 января 1906 г.).

30 января (12 февраля) 1906 г. Витте телеграммой поручил Рафаловичу выяснить позицию лорда Ротшильда в отношении участия в займе⁷⁰. Рафалович передал отказ Ротшильда от такого участия, пока не будут приняты законы, облегчающие положение российских евреев⁷¹.

Судьба основного займа зависела от решений Альхесирасской конференции, начавшейся 2(15) января 1906 г. По этому поводу Витте вспоминал, как Николай II передал ему и Ламздорфу содержание письма Вильгельма, согласно которому заем не удастся не из-за Альхесираса, а потому что «все еврейские денежные короли не желают принимать участия в операции»⁷². Витте же заметил, что еврейские банкиры не примут официального участия

в займе, но станут «подписываться на заем в качестве частных лиц», если он будет для них выгоден⁷³.

Вслед за этим Ламздорф телеграфировал российскому послу в Берлине графу Н. Д. фон дер Остен-Сакену о том, что препятствием к получению займа не является «еврейская агитация»; «по нашим данным, лишь неизвестность исхода Альхесирасской конференции побуждает французских банкиров воздерживаться от... финансовых сделок»⁷⁴.

Витте в телеграмме попросил Рафаловича узнать мнение Рувье по этому вопросу⁷⁵; на это Рафалович передал следующие слова Рувье: «...не только евреи... считают сделку невозможной... пока... не будут приняты на конференции решения, намечающие гарантированный европейский мир»⁷⁶.

Остен-Сакен в ответной телеграмме Ламздорфу передал высказывание Бюлова о том, что заем не увязан с конференцией, а не может быть заключен «вследствие революционного движения в России»⁷⁷. Однако переговоры о займе шли своим чередом. В них участвовали Нейцлин, Ревельсток, А. Фишель (германский банкир, представитель и доверенное лицо Мендельсона) и Морган. Таким образом, заем подготавливался как международный.

22 марта (4 апреля) 1906 г. Нейцлин в телеграмме из Лондона сообщил Витте, что Морган охладел к займу, как только «приманка промышленных заказов отпала»⁷⁸. На следующий день Нейцлин передал, что, по сообщению Фишеля, германское правительство запретило своим банкам участвовать в займе⁷⁹.

В ночь с 23 на 24 марта (с 5 на 6 апреля) Витте телеграфировал Рафаловичу, что германское правительство мстит за Альхесирас, объединение с Францией и начавшееся сближение с Англией⁸⁰. Об этом же он сообщал Нейцлину 24 марта (6 апреля)⁸¹.

Все же, несмотря ни на что, уже после окончания 25 марта (7 апреля) Альхесирасской конференции, 3(16) апреля в Париже был подписан контракт на заем, а 9(22) апреля царь утвердил указ о выпуске «Российского государственного 5%-го займа 1906 г.» на сумму 844 млн. рублей (2250 млн. франков). Из них на долю Франции приходилось 1200 млн. франков, Англии — 330, Австрии — 165, Голландии — 55 млн. франков; российские банки приняли на себя 500 млн. франков. Немецкие, американские (группа Моргана), швейцарские и итальянские банки отказались от участия. Отказ Италии был обусловлен «чисто финансовыми

соображениями»⁸². По оценке Витте, это был самый большой заем, который когда-либо заключался в истории⁸³.

После реализации займа на Западе продолжали интересоваться положением российских евреев, в том числе проявляли определенную озабоченность и французские банкиры-неевреи. 28 июля 1906 г. Нейцлин писал Коковцову, что уравнивание евреев в правах превратило бы их из революционеров в консерваторов⁸⁴. Коковцов 28 июля (10 августа) отвечал, что в ближайшее время представит в Совет Министров предложения об отмене ограничений для евреев по торговле, промыслам, их участию в акционерных предприятиях и об отмене Временных правил о евреях от 3(16) мая 1882 г.⁸⁵, а также о предоставлении евреям права повсеместного жительства⁸⁶. В декабре 1906 г. царь вернул журнал Совета Министров с решением по еврейскому вопросу неутвержденным⁸⁷. Витте также подтвердил этот факт⁸⁸.

Совет Министров принял большую часть предложений Коковцова, но высказался за сохранение Временных правил и черты оседлости, правда, расширив ее и предоставив евреям право повсеместного жительства в границах Черты. Что касается отношения царя, то в журнале имеется такая резолюция: «Собственной Его Величества рукой начертано: «Внести на рассмотрение Государственной Думы». 15 декабря 1906 г. в Царском Селе. Председатель Совета Министров Столыпин»⁸⁹. В это время Дума 1-го созыва уже не функционировала, а Дума 2-го созыва начала работу лишь через три месяца, просуществовав всего менее трех месяцев. Еще почти через полгода открылись заседания Думы 3-го созыва. Ее правое большинство, естественно, и не помышляло об облегчении участи евреев.

Правительство пошло на принятие упомянутого решения, оглядываясь на либеральную Думу 1-го созыва. Но при Думе 3-го созыва «правительство Столыпина объявило войну русскому еврейству»⁹⁰, и Совет Министров принял положение «Об установлении процентных норм для приема в учебные заведения лиц иудейского исповедания», утвержденное царем 16(29) сентября 1908 г.⁹¹.

В августе 1908 г. министр финансов Коковцов встретился в Гамбурге с Нейцлиным для обсуждения нового займа. Коковцов утверждал, что внутреннее, в том числе финансовое, и внешнее положение России существенно улучшилось. Нейцлин согласился с ним. В январе Николай II утвердил этот «4¹/₂ %-ный госу-

дарственный заем 1909 г.» на сумму 525 млн. рублей (1400 млн. франков). Реализовал заем синдикат французских (1220 млн. франков), английских (150 млн.) и голландских (30 млн. франков) банков⁹².

Перед самой отставкой Коковцов, уже на посту председателя Совета Министров, который он занял после убийства Столыпина, организовал с банкирским синдикатом соглашение о выпуске «Объединенного железнодорожного займа 1914 г.»; оно было подписано 17(30) января 1914 г. на сумму 665 млн. франков (250 млн. рублей). Заем был размещен почти целиком в Париже и предназначен для строительства стратегических железных дорог в России⁹³.

В 1913 г. истек срок русско-американского «Трактата о торговле и мореплавании» 1832 г., поэтому заблаговременно, еще с 1908 г., начались переговоры о его пересмотре; вскоре они были прерваны и возобновились лишь в 1911 г. В это время в США началась пропагандистская кампания за расторжение договора, в которой активное участие принимал Шифф. Для нового договора выдвигалось требование дать право американским евреям на въезд и деловую деятельность в России наравне со всеми гражданами США. Российский посол в Вашингтоне князь Н. А. Кудашев в донесении министру иностранных дел С. Д. Сазонову писал, что пренебрежение России к своим договорным обязательствам по отношению к паспортам евреев, о чем постоянно появлялись высказывания в газетах, оскорбительно для американцев⁹⁴. Вопрос о договоре был предметом обсуждения в законодательных собраниях штатов и в конгрессе. Поскольку российское правительство не шло навстречу американской стороне, то в подобной обстановке переговоры закончились безрезультатно, и президент В. Х. Тафт 17 декабря 1911 г. денонсировал договор. По мнению Витте, этот акт был вызван нежеланием американцев примириться с произволом и несоответствующим духу времени толкованием первой статьи договора⁹⁵.

В конце 1914 г. вопрос о непризнании в России паспортов американских евреев был одним из аргументов для нейтраллистов Соединенных Штатов против предоставления займа русскому правительству. Но все же в октябре 1914 г. в США был послан Виленкин. Р. Ш. Ганелин указывал на две цели его поездки. Первая — ведение предварительных переговоров о займе, ибо,

как считал министр финансов П. Л. Барк, Виленкин, не занимавший в то время официального положения в министерстве, при переговорах не нарушал американский нейтралитет. Возможно, что вторая, негласная цель поездки заключалась в том, чтобы воспрепятствовать получению Германией займов от американских банков⁹⁶. Так, российский посол в Вашингтоне Г. П. Бахметев в течение сентября 1914 г. трижды сообщал об активности германских финансовых представителей в США⁹⁷.

Еще до официального поручения Виленкин в Лондоне вел переговоры о займе с Шиффом, после чего он с удовлетворением отмечал, что русофобская кампания среди многих американских финансистов сменилась благожелательным отношением к России⁹⁸. Однако оптимизм Виленкина был преждевременным — Шифф и его группа оставались на прежних позициях, требуя до предоставления займа изменения антиеврейской политики. А правительство США отказывало в государственных кредитах под предлогом ненарушения нейтралитета. В то же время оно заявляло, что не будет препятствовать частным займам у негосударственных банков, имея в виду банкиров — конкурентов Шиффа.

С началом войны в России началась бешеная кампания антисемитизма, инициатором которой было военное командование. В Западном крае, особенно в прифронтной полосе, начались репрессии против евреев, их принудительно выселяли. Это выселение сопровождалось особой жестокостью, издевательствами и истреблением людей. На фронте начали усиленно говорить, что солдаты-евреи — трусы и дезертиры, жители-евреи — шпионы и предатели. Во время «великого отступления» летом 1915 г. в неудачах фронт, Ставка, военный министр, Верховный главнокомандующий обвиняли друг друга, а все вместе — евреев⁹⁹.

В мире поднялось возмущение против бесчеловечного обращения российских властей с евреями. В результате возросли препятствия в получении кредитов, особенно иностранных, и главным образом в США, которые к тому времени стали основным банкиром воюющей Европы.

На секретном заседании Совета Министров 4(17) августа 1915 г. министр внутренних дел князь Н. Б. Щербатов заявил, что «Россия не найдет ни копейки кредита», и предложил временно приостановить действие правил о черте оседлости¹⁰⁰. На это главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кри-

вошеин сказал, что если это предложение реализуется, евреи должны оказать России поддержку на русском и иностранных рынках и воздействовать на зависимую от еврейского капитала печать в отношении прекращения ее революционного тона¹⁰¹.

9(22) августа 1915 г. Совет Министров уполномочил министра внутренних дел издать циркуляр, предоставляющий евреям на время войны право жить в любых городских поселениях, кроме столиц¹⁰². Щербатов 27 сентября 1917 г. на допросе в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства заявил, что бывший император не сопротивлялся такому решению и что фактически это было не расширение, а уничтожение Черты¹⁰³.

Хотя крупный заем в США не удавалось получить, ряд американских банков предоставил в период с 1915 г. до Февральской революции несколько мелких краткосрочных кредитов на общую сумму 150 млн. долларов (450 млн. рублей)¹⁰⁴, но она была ничтожной для воюющей России. В докладе на заседании Государственной думы в преддверии войны министр финансов П. Л. Барк заявил, что на военные нужды предоставлена вся свободная наличность, составлявшая 500 млн. рублей¹⁰⁵. По оценке Б. А. Романова, за первые пять месяцев войны было израсходовано более 2500 млн. рублей, поэтому указанной свободной наличности хватило только на один месяц¹⁰⁶.

Именно поэтому поиски источников кредитов продолжались. В мае-июне 1916 г. делегация в составе 10 депутатов Государственной думы, в том числе П. Н. Милюкова и А. И. Шингарева, и 6 членов Государственного совета посетила Англию, Францию и Италию. Главная цель поездки заключалась в том, чтобы добиться увеличения военной и финансовой помощи союзников. По возвращении в Россию на закрытых заседаниях комиссии по военным и морским делам Думы 19 июня (2 июля) доклад об итогах поездки сделал Милюков, а 20 июня (3 июля) — председатель комиссии Шингарев. Доклады по преимуществу вновь касались вопроса предоставления займов России в связи с положением евреев.

Милюков, в частности, указал на пристальное внимание европейской прессы к митингам в США в защиту русских евреев, а также о том, что президент Т. В. Вильсон назначил по всей стране день для сбора им помощи. Кроме того, Милюков опять повторил условие, выдвинутое Шиффом для предоставления займа, — облегчение жизни евреев¹⁰⁷.

Шингарев рассказал о посещении им, Милюковым и руководителем делегации А. Д. Протопоповым в Лондоне лорда Ротшильда, который заявил, что российская антиеврейская политика мешает английскому кредиту в США. То же сказал Шингареву парижский Ротшильд в отношении и французского и английского кредита, ибо Франция и Англия во время войны истощили все средства¹⁰⁸.

Милюков огласил заключительную часть доклада правительству Франции депутата французского парламента В. Баша после его поездки в США. Баш в Америке пытался доказать, что либеральный Прогрессивный блок Думы решил потребовать после войны предоставления евреям всех гражданских прав. Но американские евреи не хотели верить обещаниям, а требовали немедленных действий. В конце доклада Баш повторил высказывание Шиффа¹⁰⁹.

Интересно, что принятое почти за год до поездки делегации решение российского правительства о фактической ликвидации черты оседлости прошло как бы незамеченным для Запада.

Депутат Н. Е. Марков 2-й, говоря о позиции Шиффа, заявил, что «создалось международное еврейское правительство, которое приказывает России, Англии и Франции...». Марков оценил выступления Милюкова и Шингарева в поддержку евреев как только желание получить заем. Заключил Марков следующими словами: «...без... миллиардов... Шиффа Россия... обойдется с помощью Англии и Франции...»¹¹⁰.

Создается впечатление, что Марков не слушал либо не хотел слышать Шингарева, когда тот говорил о позиции союзников.

Депутаты-либералы выразили свою точку зрения. Так, Ф. И. Родичев утверждал, что на путь признания прав за евреями «мы давно... звали не ради денег, а ради правды...». А. Ф. Керенский, давая отповедь Маркову, сказал: «мы... стояли за еврейское равноправие». П. Н. Милюков в завершение своего выступления подчеркнул, что решение еврейского вопроса не должно быть связано с угрозами Шиффа, «которые нужны только для сторонников... Маркова, потому что другие аргументы, кроме этого аргумента кулака, им недоступны». Председатель комиссии, кадет А. И. Шингарев, напомнил, что в программе кадетской партии 1906 г. уже стоял вопрос о еврейском равноправии¹¹¹.

Как уже говорилось, во время войны американские банки все

же давали России небольшие кредиты. В июне 1916 г. синдикат банков, возглавляемый Вандерлипом и образованный под эгидой рокфеллеровского «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», предоставил кредит на 50 млн. долларов (150 млн. рублей). Это привело к оживлению кампании за привлечение американского капитала в Россию.

Дума предполагала обсудить акционерное законодательство и ограничения предпринимательской деятельности в связи с вопросом о привлечении иностранного капитала. П. Л. Барк и министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской хотя и заявляли в печати, что отменить разрешительную систему учреждения акционерных обществ не представляется возможным, но давали понять, что правительство постарается минимально ограничивать иностранные инвестиции. Барк даже говорил в печати о том, что затруднения для иностранного и еврейского капитала препятствуют росту российской промышленности¹¹².

После Февральской революции, когда был принят декрет об отмене ограничений для всех вероисповеданий и национальностей¹¹³, давший гражданские права евреям, обстоятельства коренным образом изменились.

Можно утверждать, что одной из основных причин неудачных попыток получения царским правительством западных кредитов были антиеврейские законы и оголтелый антисемитизм.

¹ См.: *Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892—1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 526.

² *Энгель В. В.* «Паспортный конфликт» // США: Экономика, политика, идеология. 1990. № 4. С. 36—41; *Энгель В. В.* Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX — начала XX века // Вест. Евр. ун-та в Москве. 1994. № 3(7). С. 49—63.

³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Таллин; М., 1994. Т. II. С. 199.

^{3а} *Давыдов А. В.* Воспоминания. 1881—1955. Париж. 1982. С. 223.

⁴ Там же. С. 224—225.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 40, оп. 1, д. 46, л. 195.

⁶ Там же, ф. 563, оп. 2, д. 335, лл. 37—44.

⁷ См.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал: 1897—1914. Л., 1970. С. 16.

⁸ РГИА, ф. 40, оп. 1, д. 45, лл. 152—153.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 597, оп. 1, д. 691, л. 25 об.

¹⁰ Там же, лл. 24—28.

- ¹¹РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 406, лл. 1—7.
- ¹²Там же, оп. 1, д. 20, лл. 1—13.
- ¹³*Давыдов А. В.* Указ. соч. С. 225.
- ¹⁴Там же.
- ¹⁵Там же. С. 227—229.
- ¹⁶Там же. С. 229.
- ¹⁷Архив внешней политики России, фонд «Секретный архив», 1904 г., д. 224/225, л. 60.
- ¹⁸РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, лл. 1—2 об.
- ¹⁹Сборник действующих узаконений о праве евреев на жительство и производство торговли в Российской империи с сенатскими и министерскими разъяснениями. СПб., 1897. С. 44.
- ²⁰Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Пг., 1916. С. 79—80.
- ²¹РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, лл. 5—8 об.
- ²²Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е (ПСЗ). Т. XXIV (1904). Отделение I. СПб., 1907. № 24736.
- ²³Там же. № 25016.
- ²⁴Красный архив. 1923. № 4. С. 134.
- ²⁵РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, лл. 16—19.
- ²⁶*Давыдов А. В.* Указ. соч. С. 225.
- ²⁷*Heffferich K. T.* Das Geld im russische-japanischen Kriege. Berlin, 1906. S. 149; *Ogawa G.* Expenditures of the Russo-Japanese War. N.Y., 1923. P. 65, 94.
- ²⁸*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 67, 430.
- ²⁹Там же. С. 67.
- ³⁰*Vülow B., furst.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1930. Bd. 2. S. 174—175; см. также: *Бюлов Б.* Воспоминания. М.—Л., 1935. С. 312.
- ³¹*Ананьич Б. В.* Указ. соч. С. 127.
- ³²Там же. С. 141.
- ³³*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 208.
- ³⁴*Витте С. Ю.* Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший финансовое положение России. СПб., 1913. С. 5.
- ³⁵Былое. 1918. № 1(29). С. 204.
- ³⁶Там же. № 2(30). С. 132.
- ³⁷Красный архив. 1924. № 6. С. 33.
- ³⁸*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 420.
- ³⁹Там же. С. 201—203.
- ⁴⁰Былое. 1918. № 2(30). С. 137.
- ⁴¹*Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. М.—Л., 1955. С. 525.
- ⁴²Красный архив. 1924. № 6. С. 33.
- ⁴³*Давыдов А. В.* Указ. соч. С. 230.
- ⁴⁴*Heffferich K. T.* Op. cit. S. 240.
- ⁴⁵Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. М.—Л., 1926. С. 231—214.

- ⁴⁶Красный архив. 1924. № 6. С. 42.
- ⁴⁷Там же. С. 43.
- ⁴⁸Там же. С. 46; Былое. 1918. № 12. Кн. 6. С. 161, 167—168.
- ⁴⁹Красный архив. 1924. № 6. С. 46.
- ⁵⁰*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 423.
- ⁵¹Былое. 1918. № 12. Кн. 6. С. 168.
- ⁵²Красный архив. 1924. № 6. С. 46.
- ⁵³Русские финансы... С. 227.
- ⁵⁴*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 426—427.
- ⁵⁵Былое. 1918. № 12. Кн. 6. С. 173.
- ⁵⁶*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 431, 436.
- ⁵⁷Там же. С. 437—446, 572.
- ⁵⁸*Вйлов В.* Ор. cit. S. 170—171; *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 310—311.
- ⁵⁹Былое. 1918. № 12. Кн. 6. С. 182.
- ⁶⁰*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 437—443.
- ⁶¹*Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 87—88.
- ⁶²См., напр.: Там же. С. 89; *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 382.
- ⁶³*Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 87—89.
- ⁶⁴*Vogel B.* Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900—1906. Diisseldorf, 1973. S. 225—226, 307.
- ⁶⁵*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 209.
- ⁶⁶Там же. Т. II С. 434.
- ⁶⁷Русские финансы... С. 229.
- ⁶⁸Красный архив. 1925. № 3(10). С. 17—18.
- ⁶⁹*Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 113—118.
- ⁷⁰Русские финансы... С. 271.
- ⁷¹*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 210.
- ⁷²Там же. С. 222.
- ⁷³Там же. С. 231.
- ⁷⁴Там же. С. 222.
- ⁷⁵Там же.
- ⁷⁶Там же. С. 223.
- ⁷⁷Там же.
- ⁷⁸Русские финансы... С. 294.
- ⁷⁹*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 230.
- ⁸⁰Русские финансы... С. 296.
- ⁸¹Там же. С. 297.
- ⁸²*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 233.
- ⁸³Там же. С. 273.
- ⁸⁴Красный архив. 1923. № 4. С. 132.
- ⁸⁵ПСЗ. Т. II (1882). СПб., 1886. № 834.
- ⁸⁶Красный архив. 1923. № 4. С. 135.
- ⁸⁷*Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 206—209.
- ⁸⁸*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 468.

⁸⁹ О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев // Особые журналы Совета министров царской России: 1906 год. Вып. IV. М., 1982. С. 741.

⁹⁰ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 468.

⁹¹ ПСЗ. Т. XXVIII (1908). СПб., 1911. № 31008.

⁹² *Кокцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 303—304, 437.

⁹³ Там же. Кн. 2. С. 152—153, 429.

⁹⁴ Архив внешней политики России, фонд «Канцелярия», 1911 г., д. 133, л. 117 об.

⁹⁵ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. II. С. 427.

⁹⁶ *Ганелин Р. III.* Россия и США: 1914—1917 гг.: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 17.

⁹⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. Серия III. Т. VI. Ч. I. М.—Л., 1935. С. 274.

⁹⁸ РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 1385, л. 4.

⁹⁹ *Аронсон Г. Я.* Россия накануне революции: Исторические этюды: Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962. С. 76; *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. I. С. 271; *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 18. С. 9, 32, 42, 43; Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. С. 246, 248, 249, 257.

¹⁰⁰ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 44.

¹⁰¹ Там же. С. 45.

¹⁰² Там же. С. 50.

¹⁰³ Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной Комиссии Временного Правительства. М.—Л., 1927. Т. VII. С. 228.

¹⁰⁴ Торгово-промышленная газета. 1917. 18 мая.

¹⁰⁵ Государственная дума. Созыв 4-й: Стенографический отчет заседания 26 июля (8 августа) 1914 г. СПб., 1914. Стлб. 13.

¹⁰⁶ Красный архив. 1927. № 6(25). С. 4.

¹⁰⁷ РГИА, ф. 1278, оп. 5, ед. хр. 446, лл. 264—265.

¹⁰⁸ Там же, лл. 356, 360.

¹⁰⁹ Там же, лл. 368—369.

¹¹⁰ Там же, лл. 369, 381.

¹¹¹ Там же, лл. 370, 382—383, 394.

¹¹² Вестник Русско-Американской торговой палаты. 1916. № 6. С. 173—174.

¹¹³ Декрет о гражданском равенстве. Постановление Временного правительства от отмене вероисповедальных и национальных ограничений. Пг., 1917.

В. Гусев (Киев)

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ БУНДОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Новые архивные материалы

В современных условиях развития общества значительно возрос интерес к истории еврейского народа, в том числе его части, проживающей в пределах бывшей Российской империи. Но сразу же отметим, что среди появившихся публикаций крайне мало работ о еврейских политических партиях различного толка, появившихся в конце XIX — начале XX в., их составе, программных положениях, организационной структуре, взаимоотношениях между ними. Необходимо восполнить этот пробел, к тому же все, что было написано ранее по данной проблеме, носит фрагментарный характер, дает лишь поверхностное и, главное, неверное представление о ней.

Высказанное выше полностью относится к исследованию истории «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» (Бунда). Имеющиеся архивные источники, газетные материалы, воспоминания, работы первых бундовских авторов дореволюционной поры и первых лет советской власти позволяют дать полную, объективную картину его деятельности. В данной статье внимание читателей акцентируется на зарождении организаций этой партии в Украине в обозначенный выше период.

Первые социалистические еврейские кружки в ряде пунктов Украины появились в 80—90-е гг. XIX в. В их становлении немалую роль сыграли социал-демократы из городов Северо-Западного края России, прежде всего Вильны, своеобразного «литовского Иерусалима»¹. Созданные здесь группы вели соответствующую работу на русском языке. «Еврейской массы тогда для нас не существовало,— вспоминает один из их руководителей.— Мы старались отобрать лучших, наиболее способных

еврейских рабочих и сделать из них агитаторов для русского пролетариата»².

О том, что еврейские рабочие усиленно занимались агитационной подготовкой, чтобы затем уехать в Россию (в том числе и в Украину) и там пропагандировать социализм, свидетельствуют Т. Копельзон³, С. Гожинский⁴ (в будущем — видные деятели Бунда), конечно, Ю. Мартов (Цедербаум). В его известной речи 1 мая 1895 г., изданной затем под названием «Поворотный пункт в еврейском движении», отмечалось, что «в первые годы нашего движения мы всего ожидали от русского рабочего класса и на самих [себя] смотрели как на придаток к общерусскому рабочему движению. Поставив движение еврейского рабочего класса на второй план, мы пренебрежительно относились к его фактическому состоянию, что выразилось в том, что наша работа велась на русском языке: желая сохранить свою связь с русским движением, что, конечно, необходимо, мы позабыли удержать связь с еврейской массой, не знающей русского языка»⁵.

В Вильну неоднократно приезжали, чтобы посоветоваться по принципиальным и тактическим вопросам, представители из разных городов Юга России, в том числе из Киева — Я. Ляховский и В. Спажеко⁶, из Харькова — Л. Фейнберг, Е. Левин, А. Лурье⁷, которые импонировали Ю. Мартову своей «марксистской подготовкой и глубиной теоретических интересов»⁸. Как заявляли последние, у них с виленчанами сложились довольно живые связи. Более того, когда в Вильне возникли разногласия с появившейся «рабочей оппозицией», то для исполнения посреднической миссии виленчане обратились именно к харьковчанам⁹. А в Екатеринославе не только стала известна, но и распространялась виленская газета «Голос рабочего», одна из первых печатных социал-демократических газет на еврейском языке¹⁰.

Виленские социал-демократы оказывали существенную помощь руководителям местных еврейских кружков и групп в переходе от узкой кружковой пропаганды к массовой агитации (на первых порах экономического характера) в рабочей среде. Советы более опытных товарищей вначале воспринимались ими скептически, о чем свидетельствуют беседы на эту тему Ю. Мартова с представителями Юга России (см. выше)¹¹. Но вскоре на основе собственной практики, как, скажем, в Одессе, в Екатери-

нославе, местные социал-демократы приходили к убеждению в необходимости изменения деятельности в новых условиях¹².

В тот период в еврейском рабочем движении в России популярной была брошюра А. Кремера «Об агитации»¹³, а также письмо С. Гожинского к агитаторам. В последнем акцентировалось внимание социал-демократов на необходимости улучшения жизни еврейской массы, развития у нее потребности образования, понимания экономических интересов, выработки политического сознания, что «в конце концов приведет массы к классовому сознанию, политической борьбе за освобождение от ига капитализма»¹⁴. В данном обращении недвусмысленно заявлено об интернациональном характере выступлений пролетариата различных национальностей России.

Кстати сказать, эти же мысли звучали в «Четырех речах еврейских рабочих», произнесенных в Вильне в 1892 г. Говоря о важности образования кружков, организации стачек и собраний, один из ораторов заявлял, что в будущем эти формы «дадут нам полную возможность объединиться и стать членами великой всемирной борющейся армии пролетариата, которая, действуя единодушно, добьется своих человеческих прав»¹⁵.

Впервые об организованном еврейском рабочем движении международный пролетариат узнал из доклада Г. В. Плеханова как представителя русской социал-демократии на Лондонском (1896 г.) конгрессе II Интернационала. В нем, используя специально для этого подготовленный отчет Виленской социал-демократической группы, отмечалась успешная борьба еврейского пролетариата как «авангарда рабочей армии России»¹⁶, подчеркивался его высокий уровень классового и политического сознания.

Содействие единомышленников из Северо-Западного края России заключалось и в том, что часть из них, особенно социалисты-интеллигенты, высылаемые на Юг страны, сами выступали инициаторами образования кружков и групп среди еврейского населения по новому месту жительства. Так, в 1880 г. кружки и группы были созданы в Одессе под руководством В. Горштейна, в 1882 г. в Кременчуге под руководством Х. Спиваковского, в этом же году в Рогачеве Харьковской губернии (руководитель А. Марголин), в 1883 г. — в Полтаве, в 1887 г. — в Нежине и других городах и местечках¹⁷. Они имели нелегальные библиотеки на

средства от ежемесячных сборов, предпринимали попытки наладить подпольную типографию для выпуска газеты (Харьков), распространять прокламации (Кременчуг — «№ 1. Свободное слово революционной молодежи»).

В состав этих кружков в основном входили еврейские ремесленники, умевшие говорить на русском языке. В кружках занимались историей, географией, математикой, политической экономией и другими общеобразовательными дисциплинами, преподавали основы революционного учения. Пропаганда велась вокруг удовлетворения экономических требований слушателей. На проводимой работе сказывалось влияние народнических идей, которому были подвержены многие руководители групп¹⁸.

В этот период еврейские социал-демократы пытались налаживать связи с рабочими промышленных предприятий. Эту цель поставил перед собой Э. Абрамович, врач по образованию, прибывший в 1888 г. из Минска в Киев. Он поступил на работу слесарем в железнодорожные мастерские, вошел в контакт с наборщиками типографии, через некоторое время организовал тайную библиотеку и приступил к социал-демократической пропаганде. Обладая незаурядными данными оратора, он умел в доступной форме излагать идеи К. Маркса, Г. Плеханова членам своей группы — евреям, русским, украинцам, полякам, которые относились к нему с глубоким уважением. Но в 1889 г., несмотря на строжайшую конспирацию, этот кружок из тридцати человек был выслежен полицией, его руководитель отправлен в тюрьму, а затем в ссылку в Восточную Сибирь¹⁹.

Заметно активизируется еврейское рабочее движение в Украине в начале 90-х гг. Образовываются новые кружки и группы, расширяется круг участников, намечаются более эффективные формы деятельности. Пропаганду среди представителей различных профессий вели в Одессе такие руководители, как Г. Цыперович и Ю. Нахамкес. Особым успехом они пользовались у сапожников, строителей, слесарей. В конце 1893 г. у этих руководителей возникла мысль о переходе от кружковой работы к массовой агитации. Задумывалось даже проведение общей стачки пролетариата города, празднование 1 Мая (и в связи с ним выпуск листовки). Но в январе 1894 г. последовал крупный провал, властями были проведены массовые аресты и облавы²⁰. Из лиде-

ров уцелел лишь прибывший незадолго до этих событий из Вильны И. Айзенштадт²¹.

Летом этого же года в Одессу прибыл еще один виленчанин — Т. Копельзон, а через некоторое время для работы здесь оставлена П. Гордон. Им удалось организовать новую группу, в состав которой входили супруги Розенблюм, И. Айзенштадт, Н. Кульчицкий (приехавший из Киева) и др.²². В 1895 г. к ним присоединился М. Койген, образовавший кружок евреев-слесарей, который просуществовал до 1896 г.²³. В 1897 г. местной полиции удалось выследить и эти кружки, «занимающиеся противоправительственной агитацией среди рабочих-евреев с целью возбуждения у них недовольства экономическим и государственным строем»²⁴. Дознание, проводимое по этому тайному сообществу, было признано одним из главнейших того периода²⁵.

В первой половине 90-х гг. XIX в. социал-демократической пропагандой среди евреев в Киеве занималось несколько кружков, состоявших преимущественно из ремесленников — ювелиров, заготовщиков, обойщиков, портных и слесарей²⁶. Здесь же в 1899 г. начала действовать еврейская студенческая организация, довольно известная в кругах студенческой молодежи, в состав которой входили И. Дикштейн, Н. Файнштейн, Л. Фейнберг, С. Фруммин, А. Эрлихман и др.²⁷.

О том, как проходило разъяснение социал-демократических идей среди еврейской бедноты, восприятие ею основ нового учения, свидетельствуют воспоминания И. Дибровы, работавшего в 1899 г. в Киеве. Кружок, в котором он должен был вести занятия, в основном состоял из выходцев Северо-Западного края России. Они удивили его своим политическим развитием, у них были прочные связи с рабочими различных профессий, продумана система привлечения новых членов в свою группу, выросшую до нескольких сот человек.

Организация называлась Ремесленным комитетом. И на первых порах она скептически относилась к работе с русскими братьями, в частности с булочниками. Считалось, что не следует входить в контакт с ними из-за их несознательности, неразвитости. Но все же И. Диброве и нескольким членам комитета удалось убедить остальных в ошибочности этих взглядов и даже провести совместную стачку рабочих хлебопекарен²⁸.

Во второй половине 90-х гг. XIX в. в Кременчуге располага-

лось большое количество ремесленных заведений, а также лесопильных заводов и табачных фабрик, на которых преимущественно были заняты еврейские рабочие, активно включившиеся в революционное движение и быстро усваивавшие социалистические идеи. Среди них был организован кружок марксистского направления под руководством А. Соркина²⁹. В Житомире в тот же период сформировалась аналогичная группа И. Мицкуна, прибывшего из Вильны³⁰.

Имеются сведения, что о создании Бунда в Украине стало известно только в 1898 г. И. Виленский, бывший тогда в Екатеринославе, вспоминает, что «осенью прошлого года [1897 г.], как известно, состоялось совещание социал-демократов в Западной области и был образован Бунд. На совещание в качестве гостя поехал М. Душкан. Он меня посвятил в это, и по возвращении мы с ним обсуждали вопрос об организации нелегальной типографии для русской работы»³¹.

Даже Департаменту полиции МВД Российской империи не было известно о прошедшем 25—27 сентября 1897 г. I съезде Бунда. Более того, его сотрудники докладывали в столицу об этом событии как о состоявшемся в 1898 г.³². Неточными были и их сведения о количестве групп созданной партии, их представителях на съезде. Так, сотрудники полиции включали в их состав и киевских единомышленников³³. Хотя достоверно известно, что в данном городе в тот период бундовской организации еще не существовало. Вообще первые сведения о существовании Бунда полиция получила из донесений филеров летучего отряда Московского охранного отделения, установивших связи Б. Эйдельмана (киевского делегата I съезда РСДРП) с социал-демократами Минска. Проследив действия последних в других городах Северо-Западного края страны и получив подкрепление из центра, полиция 26 июля 1898 г. провела ликвидацию Минской подпольной организации³⁴. Так что можно согласиться с А. Кремером, что именно киевляне «завезли в Минск шпиков» и «помогли» охране совершить первый арест в бундовских коллективах.

В результате проведенной операции в нескольких городах было арестовано около 70 человек, в том числе почти все руководители Бунда, и захвачено четыре типографии³⁵. Все арестованные были доставлены в Москву с тем, чтобы предотвратить их контакты с родственниками и единомышленниками, оставши-

мися на свободе³⁶. Уже первое знакомство следователей с задержанными показало, насколько хорошо организован Бунд, что заставило охранку тщательно заняться изучением еврейского рабочего движения. «При следствии обнаружилась беспрецедентная озлобленность, недоверчивость и упрямство привлеченных, при которых у следователей и прокуратуры опускались руки,— констатировал начальник Московского охранного отделения С. Зубатов.— Еврейское движение производило впечатление чего-то грандиозного, недоступного воздействию»³⁷.

И все же охранка считала, что этим арестом она нанесла сокрушительный удар бундовскому движению, которое вряд ли сможет вновь заявить о себе. Но надежды жандармов не оправдались. Уже в декабре 1898 г. состоялся II съезд Бунда, восстановлена деятельность на местах. Значительно активизировалось стачечное движение, организована новая типография, издавалась нелегальная литература, а число ее читателей возросло в два-три раза³⁸.

Судя по архивным источникам, первая бундовская группа в Украине появилась в 1898 г. в Кременчуге. Она активно действовала и предпринимала попытки совместной работы с местными русскими социал-демократами³⁹. Создание подобной группы в Одессе было предпринято в 1899 г. кружками Ю. Нахамкеса и И. Миркина, имевшими склад нелегальной литературы и подпольную библиотеку. Позже из Вильны сюда прибыла опытная активистка Н. Якоби, которая оказала помощь местным кружкам в хранении и распространении запрещенных изданий среди еврейского населения города⁴⁰. Но, судя по донесениям, в тот период одесситы не доставляли особых хлопот охранному отделению.

То же самое можно сказать и о бундовцах Киева. Упомянутая выше еврейская студенческая организация после некоторых колебаний и бурных обсуждений вопроса о своем политическом лице в 1900 г. выпустила две прокламации от имени «интеллигентов-евреев». Во второй из них указано на Бунд как на ту силу, которая совместно с русским революционным движением завоюет равноправие евреев⁴¹.

Но приведенные случаи все же были единичными. Становление Бунда в Украине нужно отнести к первым годам XX в. Во многом это связано с тем, что значительные массы еврейской

бедноты, не имея возможности найти должное применение своим силам в Северо-Западном крае, в поисках заработка и лучшей жизни стали переезжать на Юг России. Многие из них уже принимали участие в социал-демократических кружках, имели опыт экономической борьбы и переносили его на те предприятия, куда им удавалось устроиться на работу.

«Еврейское рабочее движение, руководимое Бундом, проходит широкой полосой по Юго-Западу России,— отмечается в отчете Бунда, подготовленном к II съезду РСДРП,— возникают бундовские комитеты в Житомире и Бердичеве, бундовская организация в Одессе, образуются примыкающие к Бунду группы и кружки в Киеве и Киевской, Черниговской, Вольнской, Подольской и Полтавской губерниях»⁴².

Нарастающее бундовское движение на Юге страны не могло оставаться незамеченным охранкой. В донесениях ее сотрудников в Департамент полиции отмечалась заметная активность членов ЦК Бунда, их частое посещение местных комитетов этого региона, умение последних конспирироваться, расставлять политические кадры, восстанавливать после разгромов типографии, явки, кружки и т. д. Среди пунктов, вызывающих особую тревогу у жандармов, назывались Киев, Харьков, Екатеринослав, Кременчуг, Полтава, Одесса. Предполагалась разработка целой системы по проведению слежки за организациями Бунда в этих городах с тем, чтобы своевременно пресекать их деятельность⁴³.

Вопрос о деятельности новых организаций обсуждался на IV съезде Бунда, состоявшемся в апреле 1901 г. В принятой им резолюции было подчеркнуто, что ввиду «растущих потребностей еврейского рабочего движения на Юге России» в городах, где существуют еврейские рабочие организации, создавать с их согласия комитеты Бунда. Там же, где эти организации входят в состав комитетов партии (РСДРП), а «выделение их может вредно отразиться на успехах рабочего движения, отдельных комитетов Бунда не устраивать»⁴⁴.

Наиболее авторитетными из упомянутых в отчете Бунда II съезду РСДРП организаций, действующих в Украине, были две. Первая — созданная в 1900 г. в Бердичеве. В 1902 г. в городе был организован комитет Бунда⁴⁵. В докладе комитета V съезду Бунда (июль 1903 г.) отмечалось, что за два года революционное движение, возглавляемое им, стало заметным явлением в обще-

ственной жизни города. Комитету удалось наладить работу центральной сходки активистов, агитаторских сходов по отдельным ремеслам, организовать дискуссии по волнующим все население вопросам (об отношении к другим политическим партиям, к сионизму, к правительству), издавать собственную литературу, изыскивая для этого материальные средства⁴⁶.

«В общем, наше движение окрепло,— говорится в докладе,— и более или менее стало на свои ноги»⁴⁷. В движении принимала участие практически вся интеллигенция города, которая создала сходку пропагандистов для работы в кружках, выделила из своей среды учителей грамоты в связи с большим желанием рабочих и ремесленников читать литературу на русском языке. Подчеркивалось, что идут нарасхват такие издания, как «Искра», «Последние известия». Для занятий с «христианскими» пролетариями, которых в Бердичеве 2—3 тысячи, была образована специальная социал-демократическая группа. Для этих рабочих выпускались и распространялись прокламации, листовки и другие издания⁴⁸.

В целом влияние местного бундовского комитета на рабочих — евреев, русских, украинцев, поляков и других национальностей было настолько весомо, что, как отмечается в документе, «вчерашний пьяница, картежник-«галант» (местное обозначение босяка.— В. Г.) превратился в человека, и нередко в человека культурного, мыслящего. Иной бердичевский портной в умственном и нравственном отношении стоит куда выше среднего буржуазного интеллигента, его горизонт выше, его мировоззрение богаче»⁴⁹.

Второй, отличающейся заметной деятельностью, являлась организация Бунда в Житомире. Возникнув в 1901 г. из существовавшей здесь ранее социал-демократической группы, в состав которой входили М. Фридман, С. Шнейдер, И. Мицкун, М. Сохис, Я. Кравецкий и др.⁵⁰, приняв бундовскую программу и тактику, она сразу же включилась в пропаганду среди еврейской бедноты. Вначале ей пришлось преодолевать скептическое отношение к себе со стороны рабочих и ремесленников, предрекавших своим лидерам «мертвую зыбь» в революционном движении. Потребовалось некоторое время, чтобы рабочие в них поверили, пошли за ними и даже потребовали создания в этом городе комитета Бунда. Вскоре он был организован и занял достойное место среди других, существовавших в черте оседлости⁵¹. Более

того, как и бердичевский, он имел своих представителей на IV съезде своей партии.

Возвращаясь к деятельности Бунда в Одессе, следует отметить, что оживление его работы относится к весне — осени 1900 г. Вследствие этого ЦК Бунда решил временно разместить в городе свою передвижную типографию, которой в Лодзи грозила опасность провала. Прибывшие сюда Е. Кац, Л. Гольдман, М. Бернадин, М. Хаим, М. Гинзбург и другие «мобилизовали местные радикальные силы», определили основные направления их деятельности, после чего уехали в другие места⁵². Но данная организация просуществовала недолго, так как в ноябре 1900 г. полиции удалось напасть на ее след и разгромить руководящее ядро, арестовав девятнадцать наиболее видных функционеров⁵³.

В 1902 г. заявил о себе коллектив Бунда в Киеве. Несмотря на противодействие местного социал-демократического комитета, он установил отношения с еврейскими рабочими и ремесленниками, прежде всего на Подоле⁵⁴. Осенью этого года организация уже имела связи с единомышленниками в Варшаве и получала оттуда пропагандистскую литературу⁵⁵. В этот же период ее руководителям удалось организовать вокруг себя группу сочувствующих (о существовании которой можно судить по отправленному ею в Вену в декабре 1902 г. приветствию Бунду ко дню его пятилетия)⁵⁶.

В 1902—1904 гг. группы и кружки Бунда начали возникать в местечках ряда губерний Украины. Так, в этот период они действовали в Новоград-Волынском, Староконстантинове, Белой Церкви, Радомышле, Прилуках, Балте, Новозыбкове, Бахмуте и др. Еврейские социал-демократы, работавшие в них, устанавливали связи с аналогичными организациями в близлежащих пунктах, а также с такими центрами, как Житомир, Бердичев, Кременчуг⁵⁷.

Одна из известных провинциальных бундовских организаций была создана в Черкассах. Ее организовала к лету 1904 г. местная группа интеллигентов-евреев (после напряженных стычек с искировскими сторонниками). Успех к ней пришел не сразу. Оказалось, что работать с ремесленниками умели лишь два человека — М. Рабинович (М. Равич-Черкасский) и Р. Слуцкий, которые и задали тон всей пропагандистской работе. По их инициативе был сформирован центр из нескольких лиц, а затем более многочис-

ленный коллектив, который и занялся устройством массовок, дискуссий, кружков. К концу 1904 г. группа уже насчитывала около 100 человек, регулярно посещающих собрания, получающих нелегальную литературу из созданной библиотеки. Характерно, что удалось установить «дружественный нейтралитет» с искровцами, которые занимались в основном с русскими пролетариями на сахарном заводе⁵⁸.

Отношения между бундовскими организациями и комитетами РСДРП в Украине складывались на основе уже упомянутых решений IV съезда Бунда, решившего для усиления пропаганды среди христианских рабочих создавать отдельные социалистические группы⁵⁹. Бундовцы охотно откликнулись на просьбы искровцев предоставлять им литературу на еврейском языке, взамен получая печатную продукцию партии, как это имело место в Киеве и Одессе⁶⁰. В ряде городов еврейские рабочие охотно читали русские подпольные газеты, возмущались навязыванием им позиции Заграничного комитета Бунда в межпартийной дискуссии⁶¹.

Имеются отдельные примеры того, как, исходя из собственного опыта, бундовцы даже пытались оказывать помощь некоторым социал-демократическим комитетам в объединении в крупные областные организации⁶². Есть много фактов участия рабочих-евреев, а также рабочих других национальностей в забастовках и демонстрациях, совместно проводимых коллективами Бунда и РСДРП⁶³. Частыми были выпуски совместных прокламаций на русском и еврейском языках, призывающих к единству действий в борьбе за свои экономические и политические права⁶⁴.

Да и связи Бунда с «Искрой» вначале были довольно тесными. В первом номере газеты в декабре 1900 г., в статье «Новые друзья русского пролетариата», тепло говорилось об этой политической организации, быстро восстановившей свои ряды после известного провала 1898 г., о сплочении ее групп и комитетов вокруг ЦК.

Не остался без внимания и выпуск 25-го номера бундовской газеты «Голос рабочего». В «Искре» по этому поводу высказывалось товарищеское пожелание в деле развития классового самосознания еврейского пролетариата⁶⁵. Однако по мере подготовки II съезда РСДРП, определения позиции по принципиальным вопросам строительства партии между «Искрой» и Бундом развернулась острая полемика. Взаимные обвинения, порой необъ-

ективные с обеих сторон, не оставляли места для примирения⁶⁶, что не способствовало их совместной работе на местах, создавало обстановку острого противоборства между ними. Как это было в Бердичеве, когда местные сторонники «Искры», получив номер газеты с обвинением Бунда в буржуазном национализме, «носились с ним по городу и не давали нормально работать среди еврейского населения»⁶⁷, или в Кременчуге, где деятельность бундовцев встречалась искровским комитетом в штывки. Бундовцам высказывались претензии в переманивании масс, в приезде на готовое, отлаженное дело, чего, как оказалось, по мнению последних, обнаружить не удалось⁶⁸.

Имели место перепалки по незначительным, но, как оказывалось, принципиальным вопросам для одной и другой сторон. Так, корреспондент «Искры», сообщая в марте 1903 г. о начавшейся деятельности бундовской организации в Одессе, назвал ее членов (приказчиков) «вчерашними сионистами», что вызвало их гневный протест против подобных измышлений, компрометирующих Бунд и подрывающих к нему доверие. Естественно, «Искра» взяла своего автора под защиту, отвергла высказанные обвинения, что не удовлетворило бундовцев⁶⁹.

О сложных отношениях между РСДРП и Бундом свидетельствовала реакция последнего на обращение Екатеринославского социал-демократического комитета к еврейским рабочим города в конце 1902 г.⁷⁰. В статье «По поводу одной прокламации», помещенной в январе 1903 г. в «Последних известиях», представители Екатеринославского социал-демократического комитета обвинялись в отсутствии у них политического смысла, выразившемся в непонимании необходимости отдельной организации еврейского пролетариата, желании отделаться от Бунда.

Как известно, В. И. Ленин, отвечая на эту публикацию, в работе «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату» посчитал этот шаг Бунда «выходкой» против Екатеринославского комитета РСДРП, «верхом неразумия», не содействующего единению пролетариата России в борьбе против самодержавия, что также не способствовало нормализации отношений двух организаций.

В таких сложных условиях молодым бундовским коллективам приходилось работать среди еврейских трудящихся Украины, которые остро воспринимали революционные идеи и включались

в освободительное движение. Весьма интересны в этом плане откровенные признания, сделанные сотрудником охраны в 1901 г., о том, что «в данное время евреи повсеместно составляют преобладающий элемент в революционной среде, причем контингент их почти всецело состоит из недоучившихся молодых людей без определенного социального положения»⁷¹.

Эта категория участников революционного движения, в основном вышедших из среды ремесленников и мелких торговцев, сдавала экстерном экзамены за 4, 6 и 8-й класс гимназии, а затем пыталась поступать на акушерские, зубоврачебные, фармацевтические и иные курсы, а также в университеты. Постоянно испытывая нужду, они по духу были близки к рабочим массам и охотно вели пропаганду социалистических идей среди них. Но, как отмечал один из авторов, преданность революции у них совмещалась с несколько ограниченным политическим и теоретическим кругозором и порой с фантастическим сектантством, обостряемым у многих из них сильно развитым национально-еврейским чувством⁷².

Из этих революционеров формировались кадры активных бундовских деятелей Украины, таких, как С. Нюренберг в Житомире⁷³, С. Каплан в Одессе⁷⁴, Х. Рожанский в Киеве⁷⁵, Р. Лифшиц в Новозыбкове Черниговской губернии⁷⁶. Им исполнилось по 17—18 лет, но они уже достаточно проявили себя на подпольной работе и пользовались авторитетом в рабочей среде. Конечно, среди революционеров были люди и более старшего возраста, как, скажем, И. Палишко в Бердичеве, уже выдержавший экзамен на звание учителя (32 года)⁷⁷, или М. Гродецкий, сотрудник редакции газеты «Вольнь» (33 года)⁷⁸. Но таких было значительно меньше.

Именно эти группы молодых бундовцев занимались поиском наиболее популярных форм работы в бундовских организациях. Одной из них являлось использование бирж. Так назывались места на особо людных улицах города, хорошо известных местным жителям, где в вечернее время гуляло много публики. Сюда в назначенное время приходили и бундовцы, которые, прохаживаясь по известному им маршруту, более или менее спокойно могли обсуждать волновавшие их проблемы. Скажем, когда организовать сходку, начинать выступление против зарвавшихся предпринимателей, с кем вступать в союз, чтобы выиграть стачку,

вообще получить «кусоч агитации», необходимую нелегальную литературу и незаметно ее унести с собой⁷⁹.

Биржа была удобна тем, что давала возможность встречаться с рабочими, ремесленниками, кого уже заранее намечали привлечь в свою организацию. С ними беседовали, осторожно узнавали об их реакции на различные политические события, а затем приглашали на сходку. Собирали немного, по 8—10 человек, соблюдая правила конспирации, в укромных местах: в лесу, на квартире у надежного товарища. Здесь местные интеллигенты-бундовцы давали слушателям литературу, советовали, как приступить к ее чтению. Часто на такие встречи приезжали пропагандисты из других городов. Происходили дискуссии, обмен опытом, обсуждение заранее подготовленных рефератов⁸⁰.

Важным направлением работы являлся выпуск прокламаций, используемых для популяризации деятельности местных бундовских организаций. Характерно в этом отношении обращение Житомирского комитета «Ко всем рабочим и работницам» в январе 1903 г., в котором кратко сообщалось об истории партии, ее городского коллектива, а также прослеживался процесс политического воспитания сврейских рабочих и ремесленников, осознания ими единства действий в революционных выступлениях⁸¹. Этот же комитет в декабре 1903 г. в обращении «Ко всем», информируя об аресте 130 активных бундовцев, заверил, что восстановить утраченные позиции можно, но при условии вовлечения в движение ремесленников, учащейся молодежи, всех, кому не безразличны идеи борьбы с самодержавием⁸².

Проявляя заботу о вовлечении в освободительное движение все большие массы населения, Бунд обращался к его различным группам. Так, одесских бундовцев беспокоило пренебрежительное отношение фармацевтов к остальной части еврейских трудящихся, их пассивное участие в стачечных выступлениях. В начале 1902 г. в специально изданной для них прокламации на конкретных примерах доказывалось, что они такие же эксплуатируемые, как и портные, сапожники, кровельщики, столяры, слесари, и их разобщение с этими группами населения только вредит общему делу. Тут же предлагалась помощь в выработке конкретных требований к хозяевам аптек⁸³. Кстати говоря, одесситы в начале 1903 г. намеревались подготовить к выпуску целую серию воззва-

ний ко всем группам ремесленников города и к апрелю этого года напечатали листовку к водопроводчикам⁸⁴.

В августе 1902 г. Бердичевский комитет Бунда в обращении «К бердичевским рабочим и работницам» разъяснял, что достигнуть успехов в борьбе за свои права трудящиеся могут, используя такое эффективное средство, как стачки, которые вынуждают капиталистов увеличивать заработную плату, сокращать рабочий день, вообще заставляют их уважать людей труда⁸⁵. А в сентябре этого года он же напомнил интеллигенции города, что успех таких выступлений во многом зависит от их участия. Поэтому высказывался совет «ученым мужам» обсуждать проблемы улучшения жизни народа не за «чашкой чая», а в рабочих аудиториях, на биржах, где и следует проявлять политическую активность⁸⁶.

Прокламации, листовки, обращения и другие издания распространялись среди населения различными способами: раздавались на рабочих местах, на сходках, на биржах, во время стачки или демонстрации. Были и другие формы, применяемые Бундом, как и другими революционными организациями.

Так, в октябре 1903 г. один из служащих Одесского отделения товарищества чайной торговли Высоцкого получил из Варшавы посылку от незнакомого ему человека в 16 фунтов, в которой кроме «Новостей», «Биржевой газеты» находились 1700 экземпляров воззвания ЦК Бунда «Погром в Гомеле»⁸⁷. В январе 1903 г. на улице Нестеровской в Киеве был обнаружен конверт с прокламациями «К еврейским рабочим»⁸⁸. В Бердичеве в декабре 1902 — январе 1903 г. жители находили бундовские материалы в своих почтовых ящиках⁸⁹.

Издавания получали из ЦК, печатали в местных типографиях. Одна из них, бердичевская, в августе 1902 г. обеспечила не только свой комитет, но и одесских соратников воззванием «По поводу суда над ростовскими рабочими»⁹⁰, а в 1903 г. снабдила житомирских коллег листовками на русском и еврейском языках «Ко всем Бердичевским и Житомирским работникам и работницам»⁹¹.

Существенную помощь в распространении литературы оказывали транспорты, приходившие из-за рубежа — Берлина, Вены, Ниццы. Иногда возникали отдельные недоразумения по поводу недостаточного количества доставляемой продукции и денежных средств, посылаемых из России на оплату транспортов⁹².

Довольно часто под руководством бундовских активистов проходили экономические стачки на предприятиях и в мастерских, на которых были заняты еврейские рабочие. Стачки, как правило, проходили недолго, но отмечались упорством в отстаивании своих требований, несмотря на то, что приходилось бороться против «своих» хозяев. Именно такими являлись в 1902 г. выступления кожевников Коропца и Новоград-Волынского Волынской губернии⁹³, рабочих табачных фабрик Прилук, Кременчуга⁹⁴ и Херсона⁹⁵, портных Нежина⁹⁶. Не стояла в стороне беднота Житомира. Здесь в 1902 г. состоялась трехдневная забастовка на конфетной фабрике, а затем к ней присоединились почти одновременно приказчики всех магазинов города⁹⁷. Летом 1903 г. много беспокойства доставили предпринимателям заготовщики и кровельщики Радомышля Киевской губернии⁹⁸. В целом основное количество стачек с требованием улучшения материального положения трудящиеся выигрывали.

Хорошо зарекомендовали себя устраиваемые Бундом политические собрания на местах, к подготовке которых привлекалось значительное количество людей. Как правило, они посвящались каким-либо событиям. В конце 1902 г. бундовский комитет Бердичева решил провести такое мероприятие, приурочив его к дате 14 декабря 1825 г. Но выступающие перед 500 ремесленниками и рабочими говорили не столько о далеком прошлом, а обращались к настоящему, недавним событиям в Ростове, к пролетариям, выступавшим против царизма. Именно им было послано приветствие, а затем по главным улицам города организовано шествие с красными знаменами⁹⁹.

Еврейские рабочие активно откликнулись на развернувшуюся летом 1903 г. всеобщую забастовку во многих городах Юга страны. В Прилуках Полтавской губернии под руководством бундовцев проведено собрание ремесленников, выразивших солидарность с выступившими товарищами¹⁰⁰. В Киеве среди железнодорожников, пытавшихся в те дни воспрепятствовать движению поездов на Юг, были и еврейские рабочие¹⁰¹. По призыву бундовских лидеров в Бердичеве в августе 1903 г. была устроена однодневная забастовка, в которой участвовало 3 тыс. человек разных национальностей¹⁰². Этой интернациональной стачкой люди труда заявили свой протест против насилия правительства по отношению к рабочему классу России.

В работе по привлечению масс на свою сторону использовались синагоги. Так, в марте 1903 г. в трех одесских синагогах местные бундовцы сорвали проходившее там моление провозглашением лозунгов типа «Долой самодержавие!», чем вызвали негодование присутствующих благочестивых евреев. Кроме того, собравшимся раздавали революционные листовки на русском и еврейских языках. Вызванному наряду полиции удалось схватить лишь нескольких смутьянов, а остальных удалось отбить. О Бунде заговорили как об организации, долго молчавшей, но наконец-то заявившей о себе во весь голос¹⁰³. Под впечатлением успеха было решено провести подобную акцию и в следующем месяце, заранее уведомив ЦК о доставке необходимой пропагандистской литературы, пользующейся у населения большим спросом¹⁰⁴.

Весной 1902 г. в Вильне произошли события, о которых стало известно не только на Северо-Западе, но и в других районах России. За участие в первомайской демонстрации по приказу генерал-губернатора фон Валя выпороли 30 молодых людей, евреев и поляков¹⁰⁵. «Секли казаки, секли изо всех сил, после первых десяти ударов от каждой розги оставался только обнаженный стебель,— сообщала подробности прокламация ЦК Бунда,— когда один палач уставал, то его место занимал другой. Чтобы увеличить мучения, велели пороть медленно»¹⁰⁶. Казалось, что унижению подвергли не только группу молодежи, а все население черты оседлости, в очередной раз доказывая незыблемость устоявшихся там порядков.

Известие об этой экзекуции дошло и до Украины. Бундовское воззвание «К русским товарищам-рабочим» распространялось в Киеве и Харькове¹⁰⁷, о нем было известно в Екатеринославе¹⁰⁸.

«Мы никогда не сомневались в братских чувствах к нам, как и ко всем пролетариям, выступающим под общим нашим красным знаменем,— говорилось в этом обращении к русским пролетариям.— Больше, чем когда-либо, нам необходимо солидарно и сплоченно выступать теперь, когда правительство начинает против нас принимать такие необычные меры»¹⁰⁹. Выражалась уверенность в организации акций протеста против гнусных насилий, совершаемых против еврейских трудящихся.

Через некоторое время о Вильне вновь заговорила революционная Россия. На этот раз в связи с казнью сапожника Г. Леккерта, покушавшегося на жизнь фон Валя. О данном событии

рассказала жителям города Житомирская социал-демократическая группа в прокламации, отпечатанной на русском и еврейском языках¹¹⁰. По ее призыву здесь состоялась демонстрация протеста против расстрела молодого бунтаря, в которой принимало участие несколько сот человек. Она показалась властям настолько грозной, что полиция не решилась никого арестовать¹¹¹.

Прокламации, выражающие солидарность с виленскими рабочими, печатала и распространяла группа социал-демократов Новозыбкова Черниговской губернии¹¹². По всему Киеву находили обращение местного комитета РСДРП «Ко всем Киевским рабочим и работницам», в котором выражалось восхищение подвигом Г. Леккерта, осуждение действий царских властей, обagrивших свои руки кровью борца за человеческое достоинство. Листовка призывала вспомнить расправу самодержавия над обуховскими рабочими, засеченных крестьян Полтавской и Харьковской губерний, захвативших от отчаяния хлеб у помещиков¹¹³.

Одной из крупных акций Бунда в Украине, проведенной в 1903 г. совместно с комитетами РСДРП, эсерами и другими революционными организациями, было празднование 1 Мая. Подготовкой обширной демонстрации в Киеве и Бердичеве стали заниматься с марта этого года. А в апреле провели по две сходки, на которых детально обсудили все вопросы данного мероприятия¹¹⁴. Аналогичные действия были проведены в Житомире¹¹⁵.

В то же время готовились к демонстрации бундовцы Одессы. Они настойчиво предлагали своим партнерам, социал-демократам, выйти на улицы города «с толстыми палками, ножами и даже револьверами, чтобы иметь возможность не только сопротивляться полиции, но и самим нападать на нее». Высказывались предложения для проведения будущей манифестации — выступить 19 февраля и 1 марта 1903 г., чтобы показать свою силу. Но этого не произошло, так как против выступил комитет РСДРП, посчитавший, что данная акция преждевременна и может вызвать столкновения с войсками.

Аресты, проведенные властями в Одессе 27 и 30 апреля 1903 г.^{115-a}, не смогли помешать многолюдной демонстрации, прошедшей с красными знаменами, пением революционных песен и антиправительственными лозунгами. Такие мероприятия с участием бундовцев были организованы в Чернигове, Полтаве. А в Николаеве манифестантам, вышедшим на улицу в первоймай-

ский день, пришлось выдержать настоящее противоборство полиции¹¹⁵⁻⁶.

В Киеве назначенное на 20 апреля выступление не состоялось. Оно было отменено бундовцами и российскими социал-демократами в связи с распространившимися слухами о возможном погроме евреев в этот день. Созданный ими комитет самообороны издал воззвание «Погромы и правительство», в котором объяснял населению создавшуюся ситуацию в городе. Трудящиеся вышли на улицу 4 мая, и в их рядах были и еврейские рабочие¹¹⁶.

Грозным предостережением против разобщения людей труда по национальному признаку послужил погром в Кишиневе в апреле 1903 г. В выпущенной по горячим следам Киевским комитетом РСДРП листовке подчеркивалось, что правительство пользуется погромами как «громоотводом в надвигающейся грозе народного восстания»¹¹⁷, а в прокламации одесских социал-демократов «К обществу» провозглашалась не обособленность национальностей, а дружба народов, не игра в прятки с самодержавием, а открытая борьба с ним¹¹⁸. Собрание екатеринославских рабочих в начале июля 1903 г., посчитав этот погром следствием сознательного со стороны правительства разжигания племенной ненависти и религиозного фанатизма, «темноты и невежества масс», заявило, что это «позорное кровавое пятно можно смыть только уничтожением самодержавия»¹¹⁹.

Кстати, только благодаря решительным действиям николаевских рабочих удалось заставить полицию отказаться от такого же еврейского погрома и сделать 1 Мая 1903 г. праздником для большинства пролетариата города¹²⁰. А группе трудящихся местечка Смелы Киевской губернии удалось сдержать разъяренную толпу в 1000 человек, пожелавшую в сентябре 1904 г. посчитаться с еврейским населением местечка¹²¹. Как с удовлетворением отмечала «Искра», в Одессе во время июльских событий 1903 г. не закрывались еврейские магазины, ибо рабочие заявляли: «Не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев... мы все рабочие, всем нам одинаково тяжело»¹²².

В целом 1903 г. для Бунда был годом принятия ответственных решений. В июне его V съезд отменил пункт резолюции предыдущего съезда о целесообразности работы в единых социал-демократических комитетах в ряде городов Юга, так как «нужды еврейского движения никогда не могут быть вполне удовлетво-

рены вне организаций Бунда»¹²³. Необъективной ему показалась оценка «сепаратистской» деятельности его представителей по созданию бундовских организаций в Киеве, Екатеринославе, Одессе¹²⁴, что также сыграло определенную роль в уходе бундовцев из РСДРП.

Рядовым членам Бунда нужно было разъяснить, почему «та организация, которая в протяжении 5 лет подряд считалась одним из активных боевых отрядов Российской партии, которая имела такой блестящий успех среди еврейского пролетариата и приложила столько усилий, чтобы революционные силы России скорее объединились... теперь осталась за пределами партии»¹²⁵. Это необходимо сделать как можно быстрее, с тем, «чтобы весть о разрыве [с] РСДРП дошла до наших людей не со стороны наших противников, а от нас самих»¹²⁶, — считали лидеры Бунда.

С этой целью ЦК Бунда в ноябре 1903 г. издал отдельной брошюрой отчет своей делегации на II съезде РСДРП¹²⁷, а затем листовку, в которой обращал внимание на невозможность оставаться в партии на условиях, поддержанных большинством делегатов съезда¹²⁸. Как отмечено в докладе Бунда Конгрессу II Интернационала в Амстердаме в 1904 г., в его местных организациях состоялось 42 собрания по этому поводу (в том числе и в украинских), в 40 из них приняло участие более 2,5 тыс. человек, которые одобрили выход из партии¹²⁹.

Одновременно у Бунда были крайне напряженные отношения с сионистами. Ни о каких компромиссах между двумя претендентами на лидерство в еврейской среде не могло быть и речи. В резолюции V съезда Бунда «О сионизме» отмечалось, что данное направление затушевывает классовые противоречия во имя якобы общенациональных интересов, отрицательно относится к революционному движению еврейского пролетариата, проповедует угодничество перед самодержавием, тормозит развитие гражданских чувств у евреев, воспитывает у них психологию гетто. Исходя из этого было решено бороться против всех течений и оттенков этого движения¹³⁰. В июле 1903 г. постановление съезда было изложено в брошюре «Сионизм и интересы еврейского пролетариата», которую бундовские организации использовали в практической работе.

Им, еще недостаточно окрепшим, не имеющим необходимого количества пропагандистских кадров, приходилось в 1902—

1903 г. сталкиваться с сионистами на демонстрациях в Бердичеве¹³¹ (где дело доходило до столкновений), враждовать с ними в Киеве и Житомире на рабочих сходках, выяснять отношения и выслушивать упреки в отсутствии у Бунда теоретической подготовки на бирже в Черкассах¹³². Местом противоборства бундовцев и сионистов в разных городах Украины были синагоги¹³³.

Острыми были столкновения бундовцев и сионистов в Одессе летом 1903 г., когда здесь заявила о себе Еврейская независимая рабочая партия (ЕНРП), к которой присоединились последние. Начав с собраний по 40—50 человек, к апрелю этого года независимцы имели уже около 2 тыс. своих сторонников¹³⁴. Руководитель их местного комитета Е. Шаевич, «верный товарищ», «досель борец за освобождение еврейской нации», а теперь «пылкий космополит»¹³⁵, как охарактеризовали его политические противники, подумывал о расширении сферы влияния в Киеве, Харькове, Екатеринославе¹³⁶.

Местным бундовцам пришлось приложить немало усилий, чтобы на равных вести борьбу с ЕНРП. Рабочие — русские, украинцы, евреи, поляки, решившись летом 1903 г. на забастовку, вначале поддержали не социал-демократические требования, а предложенные комитетом этой партии¹³⁷. Победить влияние ЕНРП помогли два обстоятельства. Прежде всего то, что войска правительства подавили выступление, когда волнения стали разрастаться и появились политические лозунги, а ЕНРП потеряла контроль над массой. И к тому же в деле разоблачения ЕНРП сыграли роль прокламации, выпущенные комитетами РСДРП, не поддержавшими эту партию. Можно сказать, что исчезновение ЕНРП с арены революционной борьбы являлось итогом совместных усилий организаций российских социал-демократов и бундовских (в том числе в Украине).

В условиях разрыва с РСДРП, противостояния с сионистами действовал Бунд и в последующий период. Увеличивалось количество групп, появились новые типографии, распространялась литература во многих пунктах черты оседлости, что отмечалось в полицейских донесениях.

Скажем, в январе 1904 г. в Екатеринославе начинает работать бундовская организация, созданная с помощью нескольких приехавших сюда активистов из Вильны. При этом они воспользовались неудовлетворенностью еврейских рабочих местным

социал-демократическим комитетом и уже в апреле стали готовить к 1 Мая общую забастовку и демонстрацию¹³⁸. К августу этого года группа насчитывала до 100 человек своих приверженцев, в число которых входило несколько интеллигентов (Б. Симковтер, А. Древников, М. Шварц и др.), игравших в ней руководящую роль¹³⁹.

Вызывают удивление данные об этой организации, приводимые в докладе делегации РСДРП Амстердамскому конгрессу II Интернационала летом 1904 г. В нем, в частности, говорится, что если в Киеве и Одессе Бунду отчасти удалось создать свои группы, то «в Екатеринославе его попытки окончились полной неудачей»¹⁴⁰. Как видно из приведенных выше фактов, взятых из донесений секретных сотрудников охраны, это не соответствует действительности.

Филеры губернских охранных отделений с тревогой докладывали, что уже созданные и только что появившиеся организации Бунда проводят постоянную работу среди ремесленников и рабочих. Так, в Киеве к 1 Мая 1904 г. в лесу в курортном районе Пуще-Водица им удалось провести первую бундовскую маевку, собравшую 80 человек¹⁴¹. В декабре этого года бундовцы Киева на одной из своих конспиративных квартир провели сходку единомышленников из других мест для подготовки демонстрации в дни ожидаемой мобилизации в армию запасных нижних чинов¹⁴². А когда мобилизация все же произошла, то оказавшийся на военной службе в Ровно М. Старус сразу же занялся пропагандой среди солдат, предварительно установив связь с тамошними единомышленниками¹⁴³. «Последние известия» сообщали, что в марте 1904 г. бердичевские бундовцы воспользовались похоронами еврея-рабочего, скончавшегося от чахотки, для проведения мощной демонстрации (1000 человек), в которой участвовали и русские рабочие¹⁴⁴.

Полицейские осведомители удивлялись, что при весьма напряженных отношениях руководителей РСДРП и Бунда их организации на местах устанавливали контакты и проводили совместные мероприятия, как это имело место в Ровно, Житомире, Одессе¹⁴⁵, и не только с социал-демократами, а и с представителями других революционных партий (скажем, с эсерами — в период подготовки первомайских демонстраций в различных пунктах Украины)¹⁴⁶.

Бунд занял пораженческую позицию в начавшейся в январе 1904 г. русско-японской войне. В выпущенной ЦК листовке «Война войне» разъяснялось, что со стороны самодержавия она носит захватнический характер и направлена прежде всего на завоевание рынков сбыта для капиталистов. В мае 1904 г. бердичевские и одесские бундовцы в своих воззваниях обращали внимание на предстоящее в ближайшее время ухудшение экономического положения еврейских ремесленников и рабочих, появление среди них безработных, а их киевские товарищи в прокламации «Победы русского царя» предсказывали будущее поражение царизма^{146-а}.

Оживление деятельности Бунда не оставалось без внимания полиции. Используя малейшие оплошности, допускаемые его организациями на местах, полиции удавалось выслеживать явочные квартиры, типографии, сходки и собрания, наиболее активных работников, наносить ощутимые удары бундовским организациям. Так, казалось бы, ничто не предвещало беды житомирским бундовцам, на протяжении 1902—1903 гг. содержащим подпольную библиотеку. Пока не было решено в апреле 1903 г., во избежание возможного провала, книги, розданные читателям, собрать в специальном складе и поручить его охрану надежному человеку. Затем в мае этого года, посчитав, что опасность миновала, решено было вернуть литературу посетителям.

Но местные бундовцы не учли одной детали. На бирже, где все это происходило, постоянно находились полицейские осведомители, обратившие внимание на заметное оживление среди части гуляющих. Не составляло труда установить наблюдение за А. Ческисом, оказавшимся хозяином склада, его квартирой и посетителями библиотеки. И когда 10 мая 1903 г. он направился для очередной раздачи литературы, его арестовали, а дома нашли книги, брошюры, прокламации антиправительственного содержания. Затем последовало задержание и других активистов¹⁴⁷.

Комитет Бунда в Житомире практически перестал существовать. Некоторые из его членов, такие, как Р. Либерфарб, С. Нюренберг, Ф. Розенблат, у которых полиция не обнаружила компрометирующих материалов, уехали из города¹⁴⁸. Оставшиеся на свободе занялись поиском и разоблачением провокаторов и выяснением лиц, служащих в Волынском охранном отделении¹⁴⁹.

«Рабочая масса стала заметно остывать и входить в норму»¹⁵⁰, — с удовлетворением докладывали его секретные сотрудники.

Известие о случившемся дошло до ЦК Бунда. Из Вильны в Бердичев прибыл его представитель и 18 мая провел совещание с местными бундовцами и прибывшими сюда уцелевшими жиитомирцами¹⁵¹. После обсуждения причин провала решили на месяц прекратить всякую деятельность в Житомире и направить полицию по ложному следу. За это время найти помещение для библиотеки, в которую будут доставляться транспорты с литературой. На это отводилось не много времени, и к концу июля она уже должна была работать. Кроме того, предприняли меры к обеспечению безопасности подпольной типографии в Бердичеве.

На этом совещании договорились, что из разных пунктов в Житомир придут опытные работники, которые начнут воссоздавать бундовскую организацию¹⁵². И в самом деле, благодаря их усилиям уже в июне 1903 г. организация заявила о себе, в ее работе участвовало около 400 еврейских рабочих и ремесленников, учащейся молодежи¹⁵³. В этом месяце руководители Бунда Житомира обсуждали вопросы активизации пропаганды среди населения, принимали транспорты с литературой и распространяли ее¹⁵⁴. А если учесть, что в августе в городе образовалась Волынская группа социал-демократов, в которой были и представители Бунда¹⁵⁵, то можно сказать, что революционная деятельность данной организации быстро возобновилась.

В июле 1904 г. в Одессе полиция арестовала большую группу бундовцев. Последние решили провести сходку на одном из возвышенных мест за городом, куда к вечеру 25 июля прибыло свыше 300 человек. Организаторы посчитали, что такое количество людей на виду у всех не вызовет подозрения у полиции. Но ошиблись: прибывший отряд полиции схватил 138 человек, остальные разбежались. Многие после короткого разбирательства были высланы на различные сроки¹⁵⁶. 15 августа охранка «ликвидировала» еще одно крупное собрание бундовцев (132 человека), организованное под видом свадьбы некоего Б. Портного¹⁵⁷.

В общем, к лету 1904 г. в работе Бунда в Одессе наступило некоторое затишье. Пропаганда в еврейской среде велась от случая к случаю, лишь отдельными энтузиастами-интеллигентами. Не функционировали кружки по цехам, недоставало необходимой литературы. Отсутствовал организующий центр, который

мог бы взять в свои руки всю работу в городе¹⁵⁸. Предпринятые после августовского провала попытки провести массовые сходки, на которых предполагалось обсудить назревшие проблемы, опять закончились арестами всех участников¹⁵⁹.

Немалые потери понесли бундовцы и в Киеве. В этом городе только в 1904 г. (апрель — дважды, май, август, декабрь) полицией было проведено пять «ликвидаций» сходок, собраний, кружков ремесленников и рабочих¹⁶⁰. Причем арестовывались руководители, пропагандисты, в том числе прибывшие из других мест.

Но приведенные выше примеры не свидетельствовали об исчезновении Бунда с арены революционной борьбы, в том числе и в Украине. Как отмечал один из его руководителей — В. Юдин, их политическая организация «развернулась широко и импозантно»¹⁶¹, не погибла и не стала политическим банкротом, не превратилась в буржуазную националистическую партию, как ей предрекали противники. Практически во всех отчетах ЦК Бунда II съезду РСДРП, Амстердамскому конгрессу II Интернационала, собственным съездам подчеркивалось расширение его деятельности на Юге страны. Назывались такие пункты, как Житомир, Бсрдичев, Одесса, Киев, Винница, Белая Церковь, Нежин, Тульчин, Брацлав, Немиров, Луцк, поступала информация об организованных Бундом крупных выступлениях, изданной и распространенной литературе, работе подпольных типографий, поступлениях взносов в партийную кассу.

«Сколько городов в Польше и особенно на Юге... ждут не дождутся, пока устроят в них группы и организации, — подчеркивалось на VI съезде Бунда в 1905 г., — пока Бунд не начнет работать в них не периодически, не налетом, а основательно и систематически, как ведется в наших старых коллективах»¹⁶². К началу 1905 г. эта авторитетная организация готова была сотрудничать со всеми революционными партиями, в том числе с РСДРП, во имя общей борьбы с царским самодержавием. Но это уже тема другого сюжета.

¹ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 225.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 271, оп. 1, д. 9, л. 2.

³ *Революционное движение среди евреев.* М., 1930. С. 206, 208.

⁴ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 310, л. 5.

- ⁵ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». М., 1923. С. 32.
- ⁶ *Мартов Ю.* Указ. соч. С. 203, 252.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 252.
- ⁹ *Николаева Л. В., Левин Е. Л., Марков В. И.* Начальный период Харьковской социал-демократической организации // Летопись революции. 1924. № 1. С. 84.
- ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 310, л. 14.
- ¹¹ *Мартов Ю.* Указ. соч. С. 252.
- ¹² История Екатеринославской социал-демократической организации в 1889—1903 гг.: Воспоминания, документы, литературные и художественные материалы. Екатеринослав, 1923. С. 98.
- ¹³ *Лядов М.* История Российской социал-демократической рабочей партии. СПб., 1906. С. 86.
- ¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 11, л. 11.
- ¹⁵ Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже в 1900 году: История рабочего движения в России и Польше. Женева. 1901. С. 46.
- ¹⁶ Там же. С. 41.
- ¹⁷ *Бухбиндер Н. А.* История еврейского рабочего движения в России: По неизданным архивным материалам. Л., 1925. С. 44, 48, 49, 51.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Паразич С. В.* К истории социал-демократического движения в Киевской губернии // Красная летопись. 1923. № 7. С. 262—264.
- ²⁰ Из истории революционного движения в Одессе и Николаеве: Издание Союза русских социал-демократов. Женева, 1900. С. 7.
- ²¹ *Мартов Ю.* Указ. соч. С. 225.
- ²² Там же. С. 254.
- ²³ Еврейская летопись: Сб. 3. М., 1924. С. 225.
- ²⁴ Революционное движение в России в 1894—1905 годах в докладах Министра юстиции Муравьева с предисловием Л. Мартова. СПб., 1907. С. 19—20.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Эйдезьман Б.* К истории возникновения Российской социал-демократической рабочей партии // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 25.
- ²⁷ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее — ЦГАОО Украины). ф. 41. оп. 1, д. 40, л. 25.
- ²⁸ *Диброва И.* К истории рабочего движения на Юге России (Из записок социал-демократа) // Былое. 1907. № 8. С. 173—177.
- ²⁹ *Коротенко О.* З історії Кременчуцької організації РСДРП // Літопис революції. 1931. № 4. С. 59.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 274, оп. 1, д. 544, л. 89.
- ³¹ История Екатеринославской социал-демократической организации... С. 87.
- ³² РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 544, л. 96.

- ³³ Революционное движение в России в 1894—1905 годах в докладах Министерства юстиции Муравьева... С. 76.
- ³⁴ *Кремер А.* Основание Бунда // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 56.
- ³⁵ Еврейская независимая рабочая партия (По неизданным архивным материалам) // Красная летопись. 1922. № 2-3. С. 208.
- ³⁶ Жизнь: литературный, научный и политический журнал. Лондон, 1902. № 2. С. 102—103.
- ³⁷ Красный архив. 1922. Т. 1. С. 292.
- ³⁸ *Бухбиндер Н. А.* Указ. соч. С. 83.
- ³⁹ Центральный государственный исторический архив Украины (далее — ЦГИА Украины), ф. 320, оп. 1, д. 1146, л. 2об.; д. 912, л. 55.
- ⁴⁰ ГАРФ, ф. 102, оп. 226, д. 5, ч. 48(2), л. 150.
- ⁴¹ *Рафес М.* Указ. соч. С. 135—137.
- ⁴² ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 5120, л. 3.
- ⁴³ ГАРФ, ф. 102, оп. 226, д. 5, ч. 48(1), лл. 7—8.
- ⁴⁴ Материалы к истории еврейского рабочего движения. СПб., 1906. Вып. 1. С. 75.
- ⁴⁵ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 147, л. 4.
- ⁴⁶ Там же, лл. 5, 6, 7.
- ⁴⁷ Там же, л. 7.
- ⁴⁸ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 147, л. 8.
- ⁴⁹ Там же, л. 7.
- ⁵⁰ ЦГИА Украины, ф. 442, оп. 851, д. 184, л. 3.
- ⁵¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 1700, т. 2(2), л. 167.
- ⁵² ЦГИА Украины, ф. 385, оп. 1, д. 697, л. 40.
- ⁵³ ГАРФ, ф. 102, оп. 226, д. 5, ч. 48(2), л. 263.
- ⁵⁴ ЦГИА Украины, ф. 275, оп. 1, д. 9, л. 3.
- ⁵⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 1, л. 4.
- ⁵⁶ Там же, л. 55а.
- ⁵⁷ ЦГИА Украины, ф. 816, оп. 1, д. 73, л. 26; ф. 275, оп. 1, д. 177, л. 5; ф. 816, оп. 1, д. 29, л. 45; ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 1, л. 24; т. 2(3), лл. 324—324об., 375 и др.
- ⁵⁸ *Юдицкий А.* Бунд в Черкасском районе в 1904—1905 гг. // Летопись революции. 1923. № 5. С. 71.
- ⁵⁹ *Рафес М.* Указ. соч. С. 68.
- ⁶⁰ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(1), л. 206; т. 3(1), л. 134; т. 2(3), лл. 207, 283.
- ⁶¹ Там же, т. 2(3), л. 283.
- ⁶² История Екатеринославской социал-демократической организации... С. 130.
- ⁶³ *Косошко Ст.* Більшовики у Києві і за революції 1905—1907 рр. // Пролетар.-Держвидавництво. Харків, 1930. С. 16; *Перельман М.* Катеринославська соціал-демократична організація в демонстраціях 1901—1902 рр. / Літопис революції. 1930. № 3-4. С. 530.

- ⁶⁴ ЦГИА Украины, ф. 517, оп. 1, д. 2142, лл. 17, 80, 165; д. 1930, лл. 272, 274, 351.
- ⁶⁵ Искра. 1902. 15 янв.
- ⁶⁶ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 89, лл. 1—2; д. 102, лл. 1—9; д. 144, лл. 1—4; Искра. 1901. 10 сент.; 1902. 1 нояб., 15 дек.; 1903. 1, 15 февр., 15 марта, 1 апр. и др.
- ⁶⁷ Последние известия (издание Заграничного комитета Бунда). 1903. 18 окт.
- ⁶⁸ Там же. 1905. 9 июля.
- ⁶⁹ Искра. 1903. 15 апр.
- ⁷⁰ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. Киев, 1963. С. 295.
- ⁷¹ *Гурвич И.* Первые еврейские рабочие кружки // Былое. 1907. № 6. С. 65—77.
- ⁷² *Цедербаум В.* (Левицкий В.). За четверть века. Революционные воспоминания. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 128.
- ⁷³ ЦГИА Украины, ф. 275, оп. 1, д. 177, л. 55.
- ⁷⁴ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(3), л. 378.
- ⁷⁵ ЦГИА Украины, ф. 275, оп. 1, д. 537, л. 29.
- ⁷⁶ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(3), л. 375.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же, т. 2(2), л. 165.
- ⁷⁹ *Рафес М.* Указ. соч. С. 122—123.
- ⁸⁰ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(2), лл. 165—165 об.
- ⁸¹ Там же, л. 167.
- ⁸² ЦГИА Украины, ф. 816, оп. 1, д. 12, л. 79.
- ⁸³ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, литер. Д, л. 29.
- ⁸⁴ Там же, д. 1700, т. 3(1), л. 35.
- ⁸⁵ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 1930, лл. 343—345об.
- ⁸⁶ Там же, л. 363.
- ⁸⁷ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, литер. Д, л. 32.
- ⁸⁸ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 2142, л. 17.
- ⁸⁹ Там же, лл. 21, 24.
- ⁹⁰ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, литер. Д, л. 1.
- ⁹¹ Там же, т. 3(3), л. 293.
- ⁹² Там же, т. 2(2), лл. 84, 149, 157; т. 2(3), лл. 207, 243, 283, 382.
- ⁹³ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 1930, л. 264.
- ⁹⁴ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Киев, 1955. Т. 1. С. 56, 61, 89.
- ⁹⁵ Там же. С. 66.
- ⁹⁶ Там же. С. 79.
- ⁹⁷ Жизнь. 1902. № 5. С. 259.
- ⁹⁸ Последние известия. 1904. 5 июня.
- ⁹⁹ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 2142, л. 25.

- ¹⁰⁰ Последние известия. 1903. 25 окт.
¹⁰¹ Там же. 22 авг.
¹⁰² Там же.
¹⁰³ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(3), л. 301.
¹⁰⁴ Там же, л. 283.
¹⁰⁵ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины... С. 228.
¹⁰⁶ Рафес М. Указ. соч. С. 343.
¹⁰⁷ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 1930, л. 258.
¹⁰⁸ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины... С. 227—229.
¹⁰⁹ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 1930, л. 301об.
¹¹⁰ Там же, л. 272.
¹¹¹ Последние известия. 1902. 10 авг.; Жизнь. 1902. № 5. С. 262.
¹¹² Последние известия. 1902. 10 авг.
¹¹³ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 1930, лл. 276, 278, 279.
¹¹⁴ Там же, ф. 1597, оп. 1, д. 25, лл. 34, 43, 44.
¹¹⁵ Там же, л. 32.
^{115-а} Там же, ф. 386, оп. 1, д. 117, лл. 13, 14, 95, 97.
^{115-б} Там же, ф. 1597, оп. 1, д. 25, лл. 6, 7, 18.
¹¹⁶ Там же, ф. 317, оп. 1, д. 2142, лл. 107, 110; Искра. 1903. 15 мая.
¹¹⁷ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины... С. 398.
¹¹⁸ Там же, л. 424.
¹¹⁹ Искра. 1903. 15 июля.
¹²⁰ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 2142, л. 110.
¹²¹ Там же, ф. 442, оп. 854, д. 4, л. 124.
¹²² Искра. 1903. 1 авг.
¹²³ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 5120, л. 5.
¹²⁴ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 63, 64, 66—67, 71.
¹²⁵ Рафес М. Указ. соч. С. 352.
¹²⁶ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 164, л. 12.
¹²⁷ ЦГИА Украины, ф. 385, оп. 1, д. 1003, лл. 7—17.
¹²⁸ Рафес М. Указ. соч. С. 354.
¹²⁹ ЦГИА Украины, ф. 317, оп. 1, д. 5120, л. 9.
¹³⁰ Там же, л. 5.
¹³¹ Там же, д. 243, лл. 40—41.
¹³² Там же.
¹³³ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(3), лл. 283, 301, 302.
¹³⁴ Красная летопись. 1922. № 2-3. С. 281.
¹³⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(3), л. 339об.
¹³⁶ Красная летопись. 1922. № 2-3. С. 281.

- ¹³⁷ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 2(3), лл. 339—339об.
- ¹³⁸ ЦГИА Украины, ф. 1597, оп. 1, д. 56, лл. 1, 3.
- ¹³⁹ Там же, л. 15.
- ¹⁴⁰ Доклад делегации Российской социал-демократической рабочей партии Амстердамскому международному социалистическому Конгрессу 14—20 августа 1904 г. Женева, 1904. С. 89.
- ¹⁴¹ ЦГАОО Украины, ф. 41, оп. 1, д. 40, л. 27.
- ¹⁴² ЦГИА Украины, ф. 442, оп. 854, д. 420, л. 1.
- ¹⁴³ Там же, ф. 816, оп. 1, д. 30, л. 18.
- ¹⁴⁴ Последние известия. 1904. 3 апр.
- ¹⁴⁵ ЦГИА Украины, ф. 816, оп. 1, д. 30, л. 18; ф. 275, оп. 1, д. 2, л. 374; ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, литер. Д (2), л. 129.
- ¹⁴⁶ ЦГИА Украины, ф. 1597, оп. 1, д. 25, л. 18.
- ^{146-а} Там же, ф. 442, оп. 854, д. 4, л. 196; ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, литер. Д (2), л. 127.
- ¹⁴⁷ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 1700, т. 3(3), л. 292.
- ¹⁴⁸ Там же, л. 326.
- ¹⁴⁹ Там же, л. 299.
- ¹⁵⁰ Там же, л. 41.
- ¹⁵¹ Там же, л. 326.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ ЦГИА Украины. ф. 816, оп. 1, д. 12, л. 43.
- ¹⁵⁴ Там же, л. 41.
- ¹⁵⁵ Там же, ф. 275, оп. 1, д. 2, л. 374.
- ¹⁵⁶ Там же, ф. 386, оп. 1, д. 582, л. 43.
- ¹⁵⁷ Там же, д. 583, л. 48.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же. д. 582, л. 43; д. 583, л. 48.
- ¹⁶⁰ Там же. ф. 275, оп. 1, д. 537, л. 29; д. 538, л. 12; д. 539, л. 14; ф. 274, оп. 1, д. 935, л. 35; ф. 442, оп. 854, д. 4, л. 162.
- ¹⁶¹ РЦХИДНИ, ф. 271, оп. 1, д. 210, л. 23.
- ¹⁶² Там же, л. 24.

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «АГРО-ДЖОЙНТА» В СССР

*(По материалам Государственного архива
Российской Федерации)*

Долгие годы в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР) — ныне Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) — находился документальный фонд Американский еврейской агрономической корпорации («Агро-Джойнт»)¹.

Наряду с другими фондами еврейских общественных деятелей и организаций, хранящимися в ГАРФ, документы «Агро-Джойнта» представляют огромный интерес для историков. Это малоизвестная источниковая база для изучения истории советского еврейства в 20—30-е гг.

Деятельность «Агро-Джойнта» в СССР можно разделить на несколько этапов, каждый из которых имел свои характерные особенности.

Точками отсчета являются основные договоры, заключенные с Советским правительством, — 1924, 1927, 1933 гг.².

Первый этап работы «Агро-Джойнта» в СССР — 1924—1927 гг. — период интенсивного развертывания программы землеустройства евреев

«Агро-Джойнт» был организован по постановлению исполкома «Джойнта» от 21 июля 1924 г. Задачей, поставленной перед Корпорацией, было поселение на Юге России нескольких сот еврейских семейств для выяснения возможности массовой еврейской колонизации в СССР³.

В докладе доктора Джозефа Розена, директора «Агро-Джойнта» в СССР, прозвучавшем в Филадельфии в сентябре 1925 г., имеются сведения о положении евреев в СССР и обосновывается необходимость конструктивной помощи в деле землеустройства

евреев. Доктор Розен указывает, что из 3 млн. евреев, живущих в России, сельским хозяйством занимаются лишь 5%. Он подчеркивает, что именно сейчас, когда есть поддержка Советского правительства, экономические предпосылки, возможно привлечение евреев к производительному труду⁴. В 1924 г. «Агро-Джойнту» было выделено 400 тыс. долларов для землеустройства 1000 семей. В 1925 г., получив дополнительно такую же сумму, «Агро-Джойнт» содействовал переселению более 4000 семей⁵.

Осенью 1924 г. Корпорация заключила договор с Советским правительством, от имени которого выступал Комитет землеустройства еврейских трудящихся (КОМЗЕТ)⁶. КОМЗЕТ при ЦИК СССР был образован в августе 1924 г. «для оказания содействия еврейскому населению в использовании возможности устраиваться на земле наравне с другими национальностями»⁷. Председателем КОМЗЕТА был назначен П. Г. Смидович, заместитель председателя ЦИК СССР⁸.

Договор 1924 г. заложил основы деятельности «Агро-Джойнта» в СССР:

1. «Агро-Джойнт» проводил работу через собственный аппарат; взаимодействовал с колонистами и пользовался абсолютным правом по своему усмотрению распоряжаться своими средствами.

2. После утверждения КОМЗЕТОМ плана работ «Агро-Джойнт» становился единственным и не зависящим от государственных структур исполнителем.

3. «Агро-Джойнт» обладал правами юридического лица.

4. «Агро-Джойнт» освобождался от всех существовавших налогов. Советские служащие Корпорации в отношении налогов, жилищных условий и т. д. пользовались всеми правами служащих государственных учреждений.

5. Колонисты, устраиваемые «Агро-Джойнтом», пользовались всеми правами и льготами, установленными для новопоселенцев: освобождались от налогов в течение первых трех лет, от воинской повинности на три года, пользовались пониженным тарифом для переезда людей и перевозки грузов.

Земли для еврейской колонизации отводились правительством и отдавались поселенцам в постоянное трудовое пользование.

Следует отметить, что заложенные в договоре 1924 г. принципы практически остались неизменными до завершения работы «Агро-Джойнта» в 1938 г.

Основными регионами деятельности «Агро-Джойнта» до 1931 г. были районы Херсонской области, Кривого Рога, Екатеринославской области, Полтавской области, районы Белоруссии, Крым. Сведения, поступавшие в Москву от местных представителей Корпорации, статистические данные, сводки, протоколы совещаний Главной конторы и местных филиалов дают представление об огромной работе, проводимой «Агро-Джойнтом» в СССР в этот период.

Деятельность «Агро-Джойнта» определялась масштабом поставленных задач и складывалась из многих компонентов:

1. Выбор и подготовка земельных участков для переселенцев (в докладах специалистов, поступавших в Московскую контору, имеются сведения о климатических условиях района, особенностях рельефа местности, почвы)⁹.

2. Водоснабжение переселенческих поселков (особенно остро стоял вопрос в Крыму, где приходилось прорывать глубокие шахтные колодцы, — имеются переписка и отчеты о финансировании этих работ)¹⁰.

3. Обслуживание тракторами, организация тракторно-ремонтных станций, курсов трактористов (в отчете за 1931 г. говорится о ввозе в СССР 721 трактора)¹¹.

4. Обеспечение переселенцев семенными ссудами (выделение семенных ссуд шло и по линии КОМЗЕТА, — в финансовых годовых отчетах «Агро-Джойнта» прослеживаются объемы и затраты по этому направлению работы)¹².

5. Устройство виноградников и фруктовых садов.

6. Обеспечение переселенцев ссудами на покупку скота, птицы, сельскохозяйственного инвентаря.

7. Строительство переселенческих поселков.

8. Оказание агрономической, инструкторской, медицинской помощи.

Все виды помощи (кроме последних) рассматривались «Агро-Джойнтом» как ссуды и покрывались векселями на разные сроки с начислением 3% годовых¹³. Это являлось принципиальной особенностью работы «Агро-Джойнта», который стремился уйти от традиционных филантропических пожертвований «Джойнта» прошлых лет.

Как правило, ссуды выдавались переселенческим коллективам и только в исключительных случаях отдельным колонистам.

«Агро-Джойнт» вступал во взаимоотношения с переселенческими группами только после того, как они получали землю и прибывали на место проживания. Формирование переселенческих групп проходило по инициативе самих переселенцев.

Переезд и устройство на месте обходились одной семье в 300—400 руб.¹⁴. «Агро-Джойнт» был вынужден требовать вложения в переселение личных денег, чтобы остановить поток желающих. В упоминавшемся докладе доктора Розена есть сведения, что из 6836 семей, зарегистрировавшихся для переселения в 1925 г., только половина имела собственные средства¹⁵.

В отчете «Агро-Джойнта» за 1925 г. указывается, что в среднем на устройство семьи уходило 1000 руб. Из них 300—400 руб. вкладывались колонистами, 200—300 руб. Советским правительством, 400—500 руб. — «Агро-Джойнтом»¹⁶.

Доктор Розен дает яркую характеристику евреям-переселенцам южной России: «Колонисты поразительно сильны духом, несмотря на очень тяжелые условия, в которых им приходилось жить без каких бы то ни было удобств, в жалких землянках или лачугах, часто даже под открытым небом, выполняя работу, к которой многие не привыкли, — они бодро переносят все трудности и верят, что будущее с ними»¹⁷.

Второй этап работы «Агро-Джойнта» в СССР — 1927—1933 гг. — период стабильной активной деятельности

31 января 1927 г. «Агро-Джойнт» подписывает новый договор с КОМЗЕТОМ об увеличении объемов работы Корпорации в СССР¹⁸. За последующие пять лет работа «Агро-Джойнта» достигла высокого стабильного уровня.

С 1924 по 1937 г. сохранились годовые планы и отчеты, которые велись с особой тщательностью. По ним можно проследить динамику работы Корпорации. Помимо общего финансового отчета составлялись отчеты по затратам «Агро-Джойнта» (указывались и суммы, вносимые КОМЗЕТОМ), составлялись таблицы движения переселенцев и суммы, затраченные на землеустройство семей, указывались районы деятельности, заселение районов, освоение пашни, урожайность, метеорологические характеристики, вклад в индустриализацию и строительство переселенческих поселков¹⁹.

13 августа 1928 г. постановлением Президиума ВЦИК для дальнейшего земельного устройства евреев были выделены новые

земли для дополнительного заселения 15 000 еврейских семей²⁰. Этим постановлением был обусловлен новый договор «Агро-Джойнта» с Советским правительством, подписанный 15 февраля 1929 г. «Агро-Джойнт» предоставлял СССР заем в сумме 9 млн. долларов сроком на 10 лет²¹.

Отчет «Агро-Джойнта» за 1931 г. подводит итоги работы Корпорации за семь лет: образовано 170 переселенческих поселков на Украине и в Крыму, принята 20231 семья, для которых построено 7380 домов²².

За счет безвозвратных ассигнований «Агро-Джойнта» проводилась большая работа по подготовке кадров. Сельскохозяйственные учебные заведения функционировали за счет средств Корпорации. Ново-Полтавский сельскохозяйственный техникум был преобразован в институт. Свыше 1000 детей обучалось в сельскохозяйственных школах.

К началу 1931 г. устройство евреев-переселенцев на Украине в основном было завершено, и «Агро-Джойнт» сосредоточил свою деятельность в Крыму. В то же время делались первые шаги по изучению возможности еврейской колонизации в Хабаровском крае.

Деятельность Корпорации в Крыму имела свою специфику. Особое внимание здесь уделялось развитию виноградарства, садоводства, птицеводства в переселенческих колхозах и их электрификации. Новые поселки не создавались, а шел процесс укрупнения старых колоний.

Третий этап работы «Агро-Джойнта» в СССР — 1933—1938 гг.— период спада и ликвидации деятельности

С 1933 г. «Агро-Джойнт» сталкивается с серьезными трудностями. Великая экономическая депрессия 30-х гг., политическая ситуация в мире не могли не сказаться и на финансировании работы «Агро-Джойнта» в СССР. 13 ноября 1932 г. директор Корпорации доктор Джозеф Розен обратился с меморандумом к Советскому правительству об изменении порядка расчета по платежам²³, и по дополнительному соглашению с КОМЗЕТОм, подписанному 22 марта 1933 г., сумма займа была уменьшена²⁴.

Об осложнениях в деятельности «Агро-Джойнта» свидетельствует переписка доктора Розена со своим заместителем в Москве С. Е. Любарским.

Из письма доктора Розена от 20 сентября 1933 г. в Москву: «При настоящем положении в Америке, при тревожном настроении, созданном «экспериментом Рузвельта», при катастрофическом падении доллара, при положении в Германии и пр. и пр. нет абсолютно никакой возможности дополнительного ассигнования на нашу работу, несмотря на то, что мы все понимаем исключительную важность и необходимость снабжения переселенцев коровами...»

Из письма С. Е. Любарского доктору Розену в Нью-Йорк: «Падение курса доллара уменьшает поступления как по договору о займе, так и по старым активам... Обращение в Правительство доассигновать разницу в курсе осталось неудовлетворенным»²⁵.

С 1933 г. начинается процесс сокращения финансирования деятельности «Агро-Джойнта», происходит снижение темпов работы.

Одной из самых драматических страниц истории деятельности «Агро-Джойнта» является трагическая судьба иностранных специалистов, привлеченных для работы в СССР, в годы сталинских репрессий 1937—1938 гг.

В фонде «Агро-Джойнта» хранится более 20 дел, раскрывающих историю приезда и устройства на работу иностранных специалистов в СССР по линии «Агро-Джойнта»²⁶. Переписка с наркоматами иностранных дел, здравоохранения, списки и характеристики специалистов (в основном врачей) евреев-беженцев из нацистской Германии отмечены в описи красным карандашом. Возможно, эти дела внимательно изучались органами НКВД, когда в 1937 г. начались массовые аресты и высылка из СССР иностранных специалистов, работавших по линии «Агро-Джойнта».

В 1934 г. в «Агро-Джойнт» стали поступать письма от Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), в которых описывалось ужасное положение еврейских врачей в Германии. Многим пришлось эмигрировать в другие страны, некоторые изъявили желание приехать в СССР и устроиться на работу по своей специальности.

По согласованию с наркоматами иностранных дел, здравоохранения «Агро-Джойнт» принял на себя обязательства по устройству врачей и их семей в СССР. В Москве «Агро-Джойнт» открыл общежитие для прибывающих специалистов, пока решался воп-

рос об их месте работы. В переписке Главной конторы «Агро-Джойнта» с местными представителями органов здравоохранения уполномоченными «Агро-Джойнта» обсуждаются условия работы врачей в больницах, медицинских пунктах переселенческих поселков.

По линии «Агро-Джойнта» на работу в СССР приезжали не только врачи, но и ученые, инженеры, представители творческой интеллигенции. В письме И. А. Гроера, одного из заместителей доктора Розена, С. М. Михоэлсу (29 июня 1935 г.) об устройстве на работу немецкого режиссера-эмигранта Рихарда Тейтлера²⁷ содержится просьба о помощи.

Политическая ситуация в СССР, сложившаяся к 1936—1937 гг., не могла не сказаться и на деятельности «Агро-Джойнта». Усиление административно-репрессивных мер, массовые аресты среди евреев-колонистов, целенаправленное преследование иностранных специалистов делали работу Корпорации невозможной. Однако официальная версия Советского правительства была замаскирована пропагандистскими лозунгами: государственные органы в состоянии самостоятельно завершить программу землеустройства евреев.

В октябре 1937 г. доктор Розен предложил проект о передаче оперативной работы Обществу землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТу) с сохранением ячейки «Агро-Джойнта» в Москве. Проект был отклонен²⁸. В декабре 1937 г. доктор Розен вновь обращается с письмом в Московскую контору: «В случае удовлетворительного решения с КОМЗЕТОМ о планомерном свертывании работы в 1938 г. и целесообразного использования активов «Агро-Джойнта» в СССР мы можем рассчитывать на ассигнование дополнительно от 75—100 тыс. долларов»²⁹.

Все проблемы, связанные с ликвидацией работы «Агро-Джойнта», легли на заместителя доктора Розена С. Е. Любарского. Он обращается 9 января 1938 г. к председателю КОМЗЕТА С. Е. Чуцкаеву и предлагает свои варианты порядка передачи оперативной работы по обслуживанию еврейских переселенческих колхозов ОЗЕТу. Любарский указывает, что «Агро-Джойнт» готов предоставить запасы оборудования, материалов, денежные ссуды для завершения работы³⁰.

Короткое письмо доктора Розена, отправленное 22 февраля 1938 г., поставило официальную точку в переговорах с КОМЗЕ-

Том. Он сообщил о решении правления «Джойнта» ликвидировать работу «Агро-Джойнта» в СССР³¹.

Письмо доктора Розена в НКВД СССР дает представление о нем не только как о человеке принципиальном и преданном своим идеалам, но и в целом о ситуации в СССР в 1937 г.

Из письма доктора Розена в НКВД от 16 декабря 1937 г., Париж: «Через высланных из СССР жен немецких врачей-евреев, получивших в свое время возможность поехать в Советский Союз на работу по своей специальности при содействии нашей организации, мне стало известно, что органами НКВД арестовано несколько наших сотрудников. Как директор «Агро-Джойнта» я считаю своим долгом заявить, что если в работе нашей организации в СССР обнаружены какие-либо незаконные действия, то ответственным за них являюсь я лично, а не наши сотрудники или мои заместители. Настоящим прошу предоставить возможность лично дать показания соответствующим органам советской власти по всем вопросам, имеющим отношение к деятельности нашей организации в СССР, причем я заранее выражаю согласие не прибегать к защите каких-либо дипломатических источников, поскольку дело касается меня лично...»³²

Говоря о докторе Розене, нельзя не сказать о тех людях, с которыми он проработал 13 лет.

Необходимо особо выделить двух заместителей доктора Розена — Самуила Ефимовича Любарского и Иезекииля Абрамовича Гроера.

С. Е. Любарский — крупнейший специалист-агроном. Более 10 лет был директором Ново-Полтавского сельскохозяйственного техникума. Долгие годы возглавлял плановую комиссию Украинского комиссариата земледелия. 1 сентября 1938 г. постановлением Военной коллегии по статье 58 части 6, 7, 8, 11 Уголовного кодекса РСФСР приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Ему инкриминировались антисоветская, контрреволюционная деятельность, шпионаж, экономическое вредительство, организация террористических актов. Реабилитирован посмертно в 1959 г.³³

И. А. Гроер — известный юрист. Он был арестован 27 ноября 1937 г., еще до закрытия «Агро-Джойнта» в СССР. 15 марта 1938 г. постановлением Военной коллегии был приговорен к расстрелу

по той же статье 58 части 1а, 8, 9, 11. Помимо традиционных обвинений ему инкриминировались шпионаж в пользу Германии и измена родине. Реабилитирован посмертно в 1957 г.³⁴.

¹ К сожалению, нет полной ясности в истории поступления фонда в ЦГАОР СССР. Известно, что документы «Агро-Джойнта» были обработаны архивистами в феврале 1945 г. в Куйбышеве, куда они были эвакуированы из Москвы в годы Великой Отечественной войны в составе Центрального государственного архива Октябрьской революции. После разделения архива на два самостоятельных — ЦГАОР и ЦГАНХ (Центральный государственный архив народного хозяйства) документы «Агро-Джойнта», поступившие первоначально на хранение по своему профилю в ЦГАНХ, приказом Главного архивного управления МВД СССР 14 декабря 1961 г. были переданы в ЦГАОР СССР, где и находились на секретном хранении до 1991 г.

² ГАРФ, ф. 7746, оп. 1, д. 19, лл. 1—6; д. 236, лл. 4—9; д. 394, лл. 1—2; д. 395, л. 6.

³ Там же, д. 31, л. 2.

⁴ Там же, д. 39, л. 5 об.

⁵ Там же, л. 6 об.

⁶ Там же, д. 19, лл. 1—6.

⁷ Там же, ф. 3316, оп. 13, д. 212, лл. 2—5.

⁸ Там же, л. 8.

⁹ Там же, ф. 7746, оп. 1, д. 49, 56, 57, 59, 61, 97—99, 150—162; оп. 3, д. 17, 18; оп. 4, д. 7, 8.

¹⁰ Там же, д. 62, лл. 12—14.

¹¹ Там же, д. 346, л. 28.

¹² Там же, д. 30, 73, 294, 368, 369, 421, 422, 481—484.

¹³ Там же, д. 39, л. 6.

¹⁴ Там же, д. 34, л. 29.

¹⁵ Там же, д. 39, л. 8.

¹⁶ Там же, д. 30, л. 42.

¹⁷ Там же, д. 39, л. 11.

¹⁸ Там же, д. 122, лл. 1—4; д. 123, лл. 2—4.

¹⁹ Там же, д. 13, 30, 73, 294, 368, 369, 423, 442, 481—484, 538.

²⁰ Там же, ф. 1235, оп. 93, д. 287, лл. 39—41.

²¹ Там же, ф. 5446, оп. 1, д. 2118, лл. 54, 55.

²² Там же, ф. 7746, оп. 1, д. 346, лл. 6—14.

²³ Там же, д. 375, лл. 8—10.

²⁴ Там же, д. 375, л. 18.

²⁵ Там же, д. 411, лл. 9 об., 30, 31.

²⁶ Там же, д. 436—439, 462—470, 495—498, 501, 504.

²⁷ Там же, д. 462, л. 16.

²⁸ Там же, д. 541, лл. 12—18.

²⁹ Там же, лл. 29—30.

³⁰ Там же, д. 543, лл. 62 об.

³¹ Там же, д. 540, л. 14.

³² Там же, лл. 7, 8.

³³ Картотека Архива Военной коллегии Верховного суда РФ.

³⁴ Там же.

И. Герасимова (Минск)

К ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИНБЕЛКУЛЬТА) И ЕВРЕЙСКОГО СЕКТОРА БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 20—30-х ГОДАХ

Становление иудаики в Белоруссии связано прежде всего с деятельностью еврейского отдела Инбелкульта, образованного в 1924 г. До этого Минск не был известен как центр еврейских исследований. «Работа в белорусской столице преобразовала безрадостную картину (иудаики в СССР в начале 20-х гг.— *И. Г.*) и фактически привела к тому, что Советский Союз в целом занял полагающееся ему место на всемирной карте еврейской науки»¹. Это цитата из монографии «Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе» израильского историка А. Гринбаума — единственной на сегодняшний день серьезной работы, дающей представление о развитии иудаики в СССР.

В данной статье на основе новых архивных источников и публикаций 20—30-х гг. делается попытка проследить основные этапы истории еврейского отдела Инбелкульта и еврейского сектора БАН с момента образования в 1924 г. до 1932 г., когда на базе еврейского сектора БАН был создан Институт пролетарской еврейской культуры².

По данным на 1923 г., национальный состав Белорусской ССР выглядел следующим образом: белорусов — 75,4%, евреев — 13,9%, поляков — 5,3%, русских — 4,4% и других — около 1%³. Языки четырех основных национальностей (белорусский, еврейский (идиш), польский и русский) были признаны государственными языками Белорусской ССР. При ЦК КП(б)Б были созданы четыре национальных бюро. Соответствующие секции работали при ЦИК БССР, Совнарком, Наркомпросе и других ведомствах.

Совнарком БССР, придавая большое значение развитию советской еврейской культуры, был инициатором создания научного учреждения, перед которым была поставлена задача изучения и популяризации еврейской истории и культуры.

«Белорусская и еврейская культуры, которые до настоящего времени подвергались пренебрежению и насмешкам, теперь получили право на независимое существование и дальнейшее развитие. Как культуры, которыми ранее пренебрегали, они по-прежнему требуют постоянного и особого внимания со стороны государства для обеспечения их роста и развития»⁴.

Симптоматично, что тогда же (1924 г.) ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», которое положило начало периоду политики белорусизации. Провозглашенной целью белорусизации было возрождение белорусской нации, ее культуры, как и культур всех народов, живших в Белорусской ССР. Именно поэтому многие государственные решения, направленные на развитие белорусской науки, сразу же вызывали аналогичные усилия по развитию иудаики.

Наиболее важным в этом направлении было решение о создании Института белорусской и еврейской культуры. Еще в начале 1921 г. в Минске были созданы две комиссии, разрабатывавшие положение об Институте. Одна под руководством известного белорусского писателя и общественного деятеля Д. Жилуновича, представлявшая Институт как культурно-общественное учреждение, и вторая комиссия под руководством В. Пичеты — ректора создаваемого Белорусского государственного университета, которая вырабатывала проект Инбелкульты как научно-исследовательского центра при БГУ. Именно в объявлении, данном правлением БГУ в Москве в марте 1921 г., где велась основная работа по формированию преподавательских кадров для университета, впервые среди открывавшихся факультетов был назван и «Институт белорусской и еврейской культуры»⁵.

Тогда же при Наркомпросе республики были созданы белорусская научно-терминологическая комиссия и чуть позже еврейская историческая комиссия. Целью последней был «сбор рукописных материалов, имеющих как историческую, так и этнографическую ценность для еврейской истории»⁶. Сотрудникам комиссии удалось собрать значительную коллекцию рукописей, однако недостаток средств не давал возможности опубликовать эти материалы и расширить деятельность комиссии. К сожалению, пока не удалось установить, кто входил в ее

состав. Можно лишь предположить, что сотрудником или консультантом, несомненно, должен был быть крупный историк-востоковед Н. Никольский. Не исключено участие в этой работе видного еврейского историка С. Лозинского, выходца из Белоруссии, петроградского ученого, согласившегося принять в БГУ кафедру истории еврейского народа. Следует, впрочем, отметить, что документов, подтверждающих, что он работал здесь, нет. Его личное дело, начатое 17.03.21 г. и законченное 23.10.21 г., содержит просьбу профессора Н. Никольского к петроградским коллегам дать отзыв о С. Лозинском. Есть также телеграмма на имя С. Лозинского и А. Вольфсона в Бобруйск (оба они оттуда родом и, видимо, тогда там находились) с просьбой приехать к открытию университета в конце ноября для начала работы. Однако С. Лозинский к работе не приступил; его личное дело закрыто еще до открытия университета, в октябре 1921 г.⁷ Возможно, позже, в конце 20-х — начале 30-х гг., он и читал лекции в БГУ, но не в 1921—1922 гг., как указано не только в белорусских изданиях, но и в «Краткой еврейской энциклопедии»⁸.

Обе комиссии — под председательством Д. Жилуновича и В. Пичеты — просуществовали ровно год, и в начале 1922 г. было принято решение об объединении и создании при Наркомате просвещения Института белорусской культуры, в составе которого на базе еврейской исторической комиссии и возник еврейский отдел. Недостаток материальных средств и отсутствие достаточно квалифицированных научных кадров оставили эту идею без воплощения, и лишь «к концу 1921 г., получив значительные государственные средства, Инбелкульт смог широко развернуть свою работу»⁹. Через год, в феврале 1922 г., «учитывая важность работ Института белорусской, еврейской и польской культур», белорусское правительство постановило вывести Инбелкульт из состава Наркомата просвещения, утвердив его как самостоятельную структуру при Совете народных комиссаров¹⁰.

В новом Положении о направлениях деятельности Института отмечалось: «Для исследования еврейского языка, истории и археологии учреждается еврейский отдел, каковой в свою очередь может разделяться по мере надобности на соответствующие секции и комиссии» (пункт 5). Далее указывалось: «Еврейский отдел печатает свои труды на еврейском языке», и в примечании к пункту 33 Положения сообщалось: «В состав 5 членов Прези-

диума обязательно входит один представитель еврейского отдела Инбелкульта»¹¹. Руководство еврейским отделом осуществлял партийно-государственный деятель, драматург Б. Оршанский. В соответствии с Уставом, отдел в 1925—1926 гг. имел три секции: историческую, лингвистическую и литературно-искусствоведческую. Секции эти включали следующие комиссии: а) словарную — еврейского академического словаря, б) языковедческую, в) фольклорную, г) литературную, д) экономическую, е) по изучению истории революционного движения, ж) историческую, з) по театральному искусству. Кроме того, в отделе велась краеведческая работа, которой руководил член Центрального бюро краеведения Инбелкульта Г. Александров. Историческую комиссию возглавлял известный историк, приехавший из Петрограда, И. Сосис; лингвистическую — молодой, но уже имевший серьезный научный авторитет М. Вейнгер; литературную — исследователь еврейской литературы Н. Ойслендер.

В течение всего периода своего существования Инбелкульт теснейшим образом был связан с еврейским отделением педфака БГУ, созданного в 1921 г. Именно сюда в 1922—1923 гг. были приглашены ученые из Москвы и Петрограда, которые преподавали в университете, а научной работой занимались в еврейском отделе Инбелкульта. Особенно тесная связь у БГУ была с северной столицей, где до революции сложилась ведущая в России петербургская еврейская научная школа. Именно оттуда приехал известный ученый-гебраист Исаак Маркон.

Выходец из Белоруссии (он родился в семье купца 1-й гильдии в 1875 г. в Молодечно Виленской губернии¹², а не в Рыбинске, как ошибочно указывают некоторые публикации о нем¹³), после окончания гимназии в Рыбинске И. Маркон поступает в Петербургский университет на факультет восточных языков, который заканчивает блестяще. Еще будучи студентом, издает свои научные работы по семитологии. Постепенно становится крупным востоковедом, историком, одним из издателей петербургского научного ивритоязычного журнала по семитологии «Гакедем», преподает еврейскую литературу и историю в университетах Москвы и Петербурга. Его перу принадлежит «около 40 научных трудов, кроме мелких журнальных статей», как писал сам И. Маркон в служебном списке сотрудника БГУ¹⁴. В 1922 г. его приглашают в БГУ на секцию педагогического факультета, где

избирают профессором по кафедре еврейской литературы. В 1923 г. он читает здесь два курса — «Историю средневековой еврейской литературы» и «Введение в семитологию». Ученый продолжает в Минске и исследовательскую работу. В сборнике «Труды БГУ» (1922, № 2-3) публикуется его статья «Страна «Шабат» в «Хождении за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг.». В этой статье среди прочего И. Маркон, рассматривая значение гебраистики для изучения славянской культуры, подчеркивает: «Настоящее время представляет широкое поле для русских гебраистов с серьезной научной подготовкой, которых, хочу надеяться, выпустит еврейская секция БГУ и которые, будем верить, посвятят свои силы на освещение многих вопросов истории, литературы, фольклора и этнографии как русской вообще, так и белорусской в частности культуры. Этим они окажут несомненную услугу той народности, с которой судьба свела евреев к дружному и мирному сожительству в течение многих столетий»¹⁵. Другой работой минского периода была его статья «Город Ямболи», помещенная в «Трудах БГУ» (1923, № 4-5). Исследование было посвящено анализу эпиграфики как источника по истории поселения евреев на Балканах.

В феврале 1924 г. И. Маркон пишет заявление на имя ректора БГУ с просьбой об освобождении его от должности профессора. Основными причинами он указывает: необходимость научной работы в Рукописном отделе Российской научной библиотеки и азиатского отдела АН, а также ухудшение здоровья (воспаление легких, вызванное постоянными поездками в Петроград, где оставалась его семья из-за неимения квартиры в Минске). Правление БГУ удовлетворило его просьбу.

Столь краткое пребывание И. Маркона в Минске можно объяснить несколькими причинами. Первое: видимо, он вовсе не стремился здесь работать (Минск, конечно же, был для него научной провинцией), доказательством этому может служить выдержка из письма Евсекции ЦК КП(б)Б в ЦИК СССР о положении дел на еврейском отделении БГУ, где, упоминая И. Маркона среди преподавателей университета, уточняется: «которого БГУ удалось убедить приехать из Петрограда в Минск»¹⁶. Кроме того, из личного дела ученого следует, что, будучи утвержденным профессором кафедры еврейской литературы еще в августе 1922 г., он неоднократно вызывался в Минск, но приступил к

работе лишь через год, в сентябре 1923 г. Но основной причиной, по которой он уехал из Минска, видимо, являлось его желание эмигрировать из СССР. Действительно, вскоре после отъезда из Минска он уезжает в Германию. Свои впечатления от работы в Минске И. Маркон высказал в письме в Правление БГУ, где отмечал: «Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность БГУ в лице Правления и всех моих уважаемых коллег за их радушный прием и неизменную заботу за все время совместной работы. Где бы я ни был, куда бы судьба меня ни забросила, я всегда с умилением буду вспоминать о БГУ и буду очень рад, если и на расстоянии сумею чем-нибудь быть ему полезным»¹⁷. И хотя период пребывания И. Маркона в Минске был краток, но, несомненно, его высокий научный авторитет оказал влияние на дальнейшее развитие еврейских исследований в Белоруссии.

Рядом с И. Марконом на еврейском отделении педфака БГУ работали еще несколько известных ученых, которые позже стали сотрудниками еврейского отдела Инбелкульта. Так, председатель исторической комиссии Израиль Сосис¹⁸ приехал в Минск в конце 1923 г. по приглашению университета для работы на кафедре еврейской истории. Имя его было хорошо известно в еврейском научном мире по его деятельности в Петербургском еврейском историко-этнографическом обществе, где он был секретарем, и по работе в Институте еврейских знаний, где он читал курс «История общественных течений среди евреев России». В 1914—1919 гг.¹⁹ он опубликовал несколько работ, среди которых выделялись «Очерки истории общественных течений среди евреев России...» и «Социально-экономическое положение евреев в России первой половины XIX века». По приезду в Минск И. Сосис избирается профессором по кафедре общей истории евреев.

Одновременно с И. Сосисом в университет приезжает из Туркестана языковед Михаил Вейнгер²⁰. Выпускник историко-филологического факультета Варшавского университета, он еще в студенческие годы в 1913 г. написал работу о реформе алфавита и орфографии идиша. Тогда же им была издана работа по синтаксису языка идиш. Одновременно М. Вейнгер занимался описанием диалектов идиша. Во время первой мировой войны, находясь в действующей армии, он попадает в Ташкент, где получает известность как общественно-политический деятель. Являясь членом Бунда, а затем большевиком, М. Вейнгер работал

ответственным секретарем Туркестанского объединенного профсоюза работников просвещения, заведующим отделом просвещения национальных меньшинств. В 1921—1922 гг. М. Вейнгер преподавал в Туркестанском коммунистическом университете, затем переехал в Минск по приглашению БГУ для работы на кафедре еврейской филологии. В университете он читал два курса — «Введение в еврейскую филологию» и «Введение в еврейские языки». В Инбелкульте М. Вейнгер выполнял обязанности председателя одной из основных комиссий — литературно-лингвистической.

Руководителем третьей комиссии — литературно-искусствоведческой был в эти годы Наум Ойслендер²¹. Он был одним из немногих, кого пригласили работать именно в еврейский отдел Инбелкульта, а не в университет (хотя позже он преподавал и там). С апреля 1925 г. Ойслендер вступает в должность ученого секретаря литературной комиссии.

Родился Н. Ойслендер в Ходоркове Киевской губернии в 1893 г. в семье купца. Закончив гимназию, поступил в Берлинский университет, где изучал медицину и одновременно слушал курс философии. В начале первой мировой войны он перевелся в Киевский университет и оттуда ушел врачом в действующую армию. С 1921 г. до начала 1925 г. работал в Москве преподавателем еврейского педтехникума. Публиковаться он начал в Киеве как литературовед и поэт. В 1919 г. вышла его монография «Основные черты еврейского реализма», а в 1924 — книга статей о новой советской литературе «Пути литературы». Являлся членом Центрального комитета «Культур-Лиги». К моменту приезда в Минск Н. Ойслендер занимался изучением творчества крупного еврейского писателя конца XIX — начала XX в. Иццока-Лейбуша Переца.

Исследованиями в области демографии и экономики руководил Гилель Александров²², который с момента образования Инбелкульта заведовал в отделе экономико-демографической комиссией. Позднее ее упразднили, а научные темы включили в программу исследований Центрального бюро краеведения, членом которого также состоял Г. Александров. Родился он в 1890 г. в г. Бобруйске в семье известного талмудиста Шмуэля Александрова²³. Блестяще окончив гимназию, Гилель поступил на юридический факультет Петербургского университета, а после его

окончания продолжил обучение на филологическом отделении. Одновременно посещал Высшие курсы востоковедения барона Д. Гинцбурга, специализируясь в области истории восточноевропейского еврейства²⁴. По окончании университета в связи с началом первой мировой войны Г. Александров работал в Комитете по оказанию помощи еврейским беженцам (ЕКОПО). После октябрьских событий 1917 г. возвратился в Белоруссию и преподавал в еврейских школах, техникумах, на учительских курсах Минска, Гомеля, Бобруйска. В то же время, как он писал в своей биографии, «ни на один момент не прерывал научных занятий»²⁵. В 1924 г. Г. Александров пришел на кафедру еврейской истории БГУ, а в начале 1925 г. — в еврейский сектор Инбелкульта.

Как уже отмечалось, заведующим отделом был Берл Оршанский²⁶. В 1919—1923 гг. он занимал посты наркома труда БССР, заместителя заведующего агитационным отделом ЦК КП(б)Б, редактора газеты на идише «Октябрь». Увлекался драматургией, был автором нескольких пьес, шедших на сцене Государственного еврейского театра БССР, писал статьи по проблемам еврейской литературы. Его заместитель Виктор Фришман²⁷ получил юридическое образование в Варшавском и Виленском университетах. В начале 20-х гг. преподавал общественные дисциплины — философию, всеобщую историю в гимназиях Минска. В 1924 г. стал завучем польского, а позже — еврейского педтехникумов.

С первых дней образования в еврейском отделе работала молодежь. В основном это были студенты еврейского отделения педфака БГУ. Так, секретарем литературной комиссии была выпускница этого факультета Дина Руманова²⁸, секретарем издательского отдела — аспирант БГУ Яков Бронштейн²⁹, техническую работу в секторе выполнял студент Леонид Душман³⁰.

Работа велась энергично. Историческая комиссия собирала и изучала материалы по средневековой истории евреев Польши и Литвы. Для этого использовался богатый архив Еврейского историко-этнографического общества в Петрограде, из которого были переведены с древнееврейского пинкосы еврейских ремесленных братств XVII и начала XIX в., материалы Несвижского кагала. Велась систематическая работа по извлечению из раввинских респонсов сведений о еврейском быте XVI—XVIII вв. В этой работе очень помогали петроградские исследователи И. Равребе и Б. Шульман, копировавшие в Петрограде архивные и

библиотечные материалы. Комиссия также изучала местные архивные источники по истории Минского кагала первой половины XIX в.³¹. Результаты этих исследований были опубликованы на идише в первом томе журнала «Цайтшрифт» в 1926 г. Это статьи: И. Сосиса «Социальная история евреев Литвы и Белоруссии», Г. Александрова «Материалы по истории Минского кагала». Кроме того, в журнале были опубликованы работы Н. Никольского и И. Лурье.

Секция истории революционного движения в середине 20-х гг. не была столь активна, хотя в других научных центрах страны исследования по этой тематике уже проводились.

Литературная комиссия изучала творческое наследие классиков литературы на идише — Переца, Шолом-Алейхема. Творчество Переца до 1905 г. изучал Н. Ойслендер; А. Гурштейн³² занимался биографией Переца. Творчество Шолом-Алейхема анализировалось в статье И. Добрушина «Драматургия Шолом-Алейхема (Опыт исследования)», а Менделе Мойхер-Сфорима — в статьях И. Нусинова «От книги к книге (Из истории вариантов у Менделе)» и А. Гурштейна «Итоги исследования творчества Менделе».

В связи с 50-летием еврейского театра была создана специальная комиссия по истории еврейской драмы и театра. Н. Ойслендер и В. Финкель написали статью «Биография А. Гольдфадена», а В. Финкель «Социальные образы в ранних произведениях Гольдфадена».

Фольклорная комиссия проводила большую работу по сбору еврейского фольклора. Корреспондентами ее были специалисты из Москвы, Ленинграда, еврейского отделения педфака БГУ, студенты педтехникумов. Были собраны коллекции произведений различных фольклорных жанров, в том числе частью уже опубликованных. Кроме собрания поговорок и сказок (около 500) З. Храповицкого интерес представляли коллекции анекдотов, собранные Фридманом из Минска и Ш. Бейлиным из Иркутска; народных песен, собранных Шимановичем (Минск), Берейниным (Гомель); еврейских прозвищ и кличек — Салашинского и Финкеля.

Работа комиссии языкознания шла в основном в двух направлениях — создание академического еврейского словаря (идиш) и составление терминологических справочников и двуязычных сло-

варей. По академическому словарю уже к 1 октября 1926 г. было подготовлено 100300 карточек-слов (с цитатами и источниками из сочинений Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема, И.-Л. Переца, С. Ан-ского, Д. Бергельсона. Составлены практические еврейско-белорусские и белорусско-еврейские словари, русско-еврейско-белорусские словари терминов (математических — 1400 наименований, юридических — 540, канцелярско-административных — 1200, физических — 400, химических — 500, агрономических — 2 500). Было положено начало осуществлению идеи М. Вейнгера, задумавшего составить лингвистический атлас диалектов идиша. Программу своей деятельности в этом направлении М. Вейнгер опубликовал в «Трудах БГУ» (1925, № 6-7) в статье под названием «Исследуйте еврейские диалекты».

Социально-экономическая комиссия в эти годы детально обследовала местечки в Белоруссии — Наровлю Мозырского и Лапичи Осиповичского районов. Результаты исследований были опубликованы в научных изданиях Инбелкульта и БГУ. Это несколько статей Г. Александрова, а также статьи А. Попольшко «Материалы по изучению бюджета еврейского крестьянства на Беларуси» и Д. Энгорна «Материалы по экономико-статистическому изучению м. Лапичи».

Важнейшим фактором, давшим возможность ученым еврейского сектора плодотворно заниматься исследованиями в эти годы, была политика белорусизации, которая именно в 1925—1928 гг. достигла своего расцвета. Это подтверждает уровень публикаций в журнале «Цайтшрифт» (1928, № 2-3). Все исследования и сообщения, помещенные в нем, были размещены по разделам — история, литература, фольклор, языкознание, социально-экономический. Это давало возможность показать основные направления исследований и их тематику.

Центральные материалы в историческом разделе журнала — статьи И. Сосиса «Еврейский сейм в Литве и Беларуси и его законодательная деятельность (1623—1761)» и «Первый опыт привлечения белорусских евреев к земледелию». Г. Александров опубликовал исследование «Еврейское население в городах и местечках Белоруссии». М. Вейнгер свою комиссию представил статьями: «О еврейских диалектах» и «Лингвистическая картография и еврейский диалектологический атлас». Показателем авторитета «Цайтшрифт» явилось участие в нем и известных ученых

из-за границы и из других городов СССР. Здесь опубликовали свои работы М. Вайнрайх — основатель и организатор ИВО (Вильно) — «О немецких элементах в еврейском языке», М. Эрик, тогда еще живший в Польше, — «О репертуаре еврейских народных странствующих певцов в позднем средневековье». Известные ленинградские ученые С. Цинберг и С. Гинзбург поместили интересные статьи о еврейской песне и о возникновении еврейской рекрутчины. Статьи молодых сотрудников еврейского отдела Л. Душмана, И. Добрушина, Л. Виленкина и других дополняли общую картину.

В этом томе «Цайтшрифт» были помещены статья и сообщение И. Равребе, чьи работы всегда привлекали внимание семитологов и гебраистов. А о пребывании ученого в Минске до сих пор известно не много.

В Белоруссию И. Равребе приехал из Ленинграда в феврале 1926 г. по приглашению БГУ для работы на кафедре семитологии, хотя он и не имел «законченного высшего образования» (были приняты «к сведению его 10-летний учительский стаж по семитологии, научные работы по этому вопросу и отзыв преподавателя И. Сосиса»³³). Несмотря на то, что Равребе и представил свидетельство об окончании Курсов востоковедения³⁴, для Наркомпроса, который должен был утвердить его в должности преподавателя, это не являлось документом, подтверждающим наличие у него высшего образования. Начался сбор различных документов. И. Равребе представил несколько справок, удостоверений за подписями профессоров из Ленинграда И. Крачковского, П. Коковцева и других о том, что он прослушал курсы определенных учебных дисциплин³⁵. Наркомпрос принял решение назначить его ассистентом по кафедре семитологии, и только вмешательство ректора БГУ В. Пичеты помогло восстановить справедливость. В письме в Главпросвет БССР в мае 1926 г. В. Пичета требовал утвердить И. Равребе доцентом, отмечая большую научную ценность его трудов. Приведенный ректором в письме довод объясняет положение в республике с научными кадрами: «Равребе является чуть не единственным семитологом, привлечение которого в Минск возможно в настоящее время. Принимая во внимание все вышеуказанное, Правление БГУ во второй раз просит утвердить Равребе доцентом кафедры семитологии»³⁶. Наконец в июне 1926 г. Наркомпрос утвердил его

доцентом. В БГУ на евоотделении педфака он читал курс «Введение в семитологию» и преподавал иврит.

Положение ученого в еврейском секторе Инбелкульта и позднее в еврейском секторе БАН было более прочным. Назначение его руководителем фольклорной комиссии не вызвало никаких возражений. Здесь он продолжает свои научные исследования, некоторые из них он публикует в «Цайтшрифт», «Трудах БГУ», других сборниках. Интерес у специалистов вызвала его статья в «Цайтшрифт» «Вокализация в семитских языках и древнем идише», где рассматривается влияние талмудических идиом на развитие средневекового идиша, а также сообщение «К истории языка евреев в последние столетия до нашей эры» — об арамейском языке Талмуда, помещенное в «Трудах БГУ». В 1927 г. И. Равребе опубликовал статью «Абрам Кунки — еврей—путешественник по Беларуси в конце XVII столетия»³⁷, в которой анализируются материалы, связанные с путешествием в 90-х гг. XVII в. посланника из Хеврона (Палестина) рабби А. Кунки по Беларуси и другим местам. Обращение ученого к этой проблеме показывает его интерес к Белоруссии, тем более что здесь, в Минске, поначалу все складывалось для него неплохо. Но это продолжалось недолго, и с 1929 г. начинаются изменения не только в судьбе И. Равребе.

Одним из важнейших этапов политики белорусизации явилась реорганизация в 1928 г. Инбелкульта в Белорусскую Академию наук. Принимается новый устав БАН, где подтверждается, что «для исследования языка, литературы, истории, этнографии и быта еврейской и польской национальностей в составе Академии наук существуют еврейский и польский национальные сектора»³⁸. Кроме того, указывалось, что в составе ее будут также действовать комиссии по изучению культуры литовцев и латышей, проживающих на территории БССР.

Задачи, стоящие перед еврейским сектором Академии, были сформулированы в отчетном докладе ЦИК на IX Всебелорусском съезде Советов: «Еврейский сектор собирает материалы для академического словаря еврейского языка, а также составляет практические словари еврейской терминологии, собирает и разрабатывает материалы для диалектологического атласа еврейских говоров; разрабатывает историю еврейского рабочего движения и историю евреев в Беларуси, используя раввинские респонсы

XVI века, хроники, протоколы еврейских цехов XVII—XIX веков, и результаты исследований еврейского сектора публикуются в органе еврейского сектора научном журнале «Цайтшрифт», который выходит не периодическим журналом, а издается издательством Белорусской Академии наук»³⁹.

Такая заинтересованность властей в развитии еврейских исследований может быть объяснена в том числе и опасениями в широком распространении русскоязычной культуры в Белоруссии на фоне стремления к белорусизации. К тому же руководство республики понимало, что активная деятельность еводдела Инбелкульта давала возможность не вкладывать больших дополнительных материальных средств в осуществление тех задач, которые были представлены ЦИК СССР по развитию культуры национальных меньшинств.

С момента образования еврейского сектора в рамках Белорусской Академии наук в его состав входило семь комиссий: историческая, литературная, лингвистическая, социально-экономическая, фольклорная, краеведения и по составлению атласа диалектов и терминов⁴⁰. Но уже в конце 1929 г. в связи с реорганизацией в системе БАН и образованием Института исторических наук, куда вошли «исторические комиссии еврейского и польского секторов, кафедра истории Литвы и латышская комиссия», историческая и краеведческая комиссии еврейского сектора были упразднены⁴¹. И хотя формально эти комиссии подчинялись другой структуре БАН, Институту истории, они продолжали работать по прежнему плану, занимаясь исследованиями по еврейской тематике.

Заведующим сектором оставался Б. Оршанский, а в 1931 г. его сменил на этом посту М. Огульник⁴². Исторической комиссией продолжал руководить И. Сосис. В ее состав входили также Г. Александров, молодые ученые — А. Волобринский, Л. Гольмшток, Я. Рубин⁴³.

В литературной комиссии происходит смена руководства. Ее возглавил известный литературовед Макс Эрик, приехавший из Польши⁴⁴. Он сменил Б. Оршанского, который руководил литературной комиссией после отъезда Н. Ойслендера в Киев в 1926 г. Б. Оршанский входил в состав комиссии наряду с Х. Гольмшток⁴⁵, У. Финкелем⁴⁶, Х. Каганом⁴⁷, Я. Бронштейном.

В работу лингвистической комиссии, возглавляемой, как и прежде, М. Вейнгером, включается И. Равребе, приехавший из

Ленинграда⁴⁸. Ему же поручают руководить фольклорной комиссией⁴⁹. Секретарем академического словаря языка идиш стал Л. Виленкин⁵⁰.

Социально-экономическая комиссия в эти годы работает в составе: А. Волобринский (заведующий), И. Сосис, Л. Вагер, И. Угорский, А. Шейнин, Г. Александров (научные сотрудники)⁵¹. Последний возглавил также и комиссию краеведения. Фактически обе эти комиссии работали совместно, и, как отмечал в одной из своих статей Г. Александров, «краеведческая направленность была положена в основу деятельности социально-экономической комиссии еврейского отдела»⁵².

Краеведение было связано с широко развернувшимся изучением прошлого Белоруссии. Всей деятельностью в этом направлении руководило Центральное бюро краеведения Белорусской АН через свои отделения в городах и местечках. Научная работа по изучению истории, этнографии и фольклора могла быть успешно осуществлена лишь под лозунгом «краеведения», поскольку таким образом удалось убедить власти финансировать разработки научных тем, связанных с историей Белоруссии. Особый упор Центральное бюро краеведения делало на краеведческие исследования среди нацменьшинств. В печатном органе ЦБ краеведения журнале «Наш край» регулярно печатались статьи, сообщения, отчеты краеведческой и социально-экономической комиссий еврейского сектора БАН.

1929 г. стал поворотным для еврейского сектора — начинают проявляться тенденции полного подчинения тематики исследований идеологии заметно усилившегося сталинского тоталитарного режима. Впрочем, первые признаки этого ощущались уже на начальном этапе существования еврейского отдела Инбелкульта в 1925—1926 гг. В 1925 г. был задержан находившийся в печати сборник «Ройте блетер» («Красные листья»). Цензура посчитала, что в ряде статей сборника «воспевалась революционная история Бунда». Недовольство партийных органов вызвало стремление ряда авторов представить Бунд «неоформленной большевистской организацией», а его местные комитеты «революционно-большевистскими»⁵³.

К концу же 20-х гг. разоблачение «бундизма и сионизма, которые проявлялись в оживлении националистических настроений в рядах еврейской интеллигенции»⁵⁴, стало повседневностью. В многочисленных постановлениях, решениях и

резолуциях ЦК КП(б)Б и местных партийных органов подчеркивалось, что еврейский национализм активизировал свою деятельность в условиях политики белорусизации⁵⁵.

Самым отрицательным образом на уровень и тематику исследований еврейского сектора БАН повлияли решения Всесоюзной конференции работников еврейской культуры, проведенной в 1928 г. в Харькове. В них, в частности, отмечалось, что еврейские исследования в Советском Союзе «не часть науки в мировом масштабе, с упором на язык идиш и литературу на нем, а скорее ветвь советской науки с особыми задачами»⁵⁶. Отсюда, естественно, следовало, что как часть советской науки иудайка должна выполнять партийно-государственный социальный заказ — отстаивать большевистские принципы «классовой борьбы рабочих с буржуазией»⁵⁷.

Критика в адрес евсектора БАН исходила прежде всего от Евсекции при ЦК КП(б)Б. Так, в процессе подготовки евсектора к конференции по еврейскому языку и орфографии (идиш) его руководству указывалось: «Признать совершенно ненормальным, что комиссия руководства конференцией создается без согласования с ЦК и Евбюро»⁵⁸. В 1928 г. в резолюции совещания по работе среди еврейского населения давались указания: «В работе еводела Инбелкульта продолжить выполнение директив Евбюро в смысле усиления марксистского метода в исследовательской работе и популяризации работы в массах»⁵⁹.

В этот же период в Белоруссии разворачивается кампания по разоблачению так называемого «национал-демократизма», который характеризовался как контрреволюционное националистическое течение, ставившее своей целью реставрацию капитализма. В первую очередь это коснулось известных белорусских писателей, ученых, общественных деятелей — идеологов политики белорусизации В. Игнатовского, Д. Жилуновича, М. Балицкого и других. Деятельность еврейского отдела начинает рассматриваться партийными органами во взаимодействии с деятельностью «нацдемов». В 1929 г. газета «Звезда» отмечает, что «национальная ограниченность в работах евсектора БАН прячется под лозунгом интернационализма»⁶⁰. Эта формулировка была, вероятно, весьма мягкой по сравнению с последующими.

Наиболее сложным оказалось положение И. Сосиса, вызванное его позицией, высказанной, в частности, в статье «К истории

антиеврейского движения в царской России»⁶¹. После ее выхода ученого обвинили в том, что он, пользуясь определением «антиеврейское движение», считал, что оно шире, чем «погромное движение». На основании высказываний И. Сосиса в Обществе историков-марксистов о том, что «еврейский историк по существу своему является националистом»⁶², ему инкриминировалась попытка убедить всех в том, что корни еврейского национализма кроются в антисемитизме и еврейский национализм в условиях БССР является всего лишь защитной реакцией. И даже в середине 80-х гг. в книге, посвященной развитию исторической науки в БССР, мы вновь встречаем знакомые по 1929 г. суждения: «Таким образом, националист И. Сосис, которому источником истории евреев служила Библия, превращался в «признанного марксиста». И чтобы дезавуировать националиста и резко осудить его антинаучные измышления, понадобился авторитет партийного совещания, состоявшегося в конце 1929 г. в ЦК КП(б)Б»⁶³, после этого совещания секретарем исторической комиссии назначается И. Чернявский⁶⁴; И. Сосис уезжает из Минска⁶⁵.

4 февраля 1929 г. кончает жизнь самоубийством председатель лингвистической комиссии Михаил Вейнгер. Сегодня сложно выяснить, что на самом деле явилось причиной этого. Если верить современникам, то это скорее всего была «глубоко личная трагедия, которая достигла апогея в последние месяцы, исчерпала его силы и сломала его волю к жизни», — писал И. Сосис в статье, посвященной творчеству ученого⁶⁶. Статья заканчивается словами: «Продолжить еврейский академический словарь и издать языковой атлас — лучший памятник нашему товарищу»⁶⁷. В дальнейшей деятельности евсектора некоторые начинания М. Вейнгера осуществились⁶⁸.

Осенью 1929 г. увольняют И. Равребе. В протоколе заседания Президиума Академии записано: «Научного работника фольклорной комиссии И. Равребе снять с работы как политически общественно скомпрометировавшего себя. Он не может вести работу на пользу социалистическому строительству»⁶⁹. Оказавшись в Минске не у дел, И. Равребе возвращается в Ленинград⁷⁰.

В этом же году вводится жесткий контроль цензуры за научными трудами, в особенности издаваемыми в БГУ и БАН. Формулировалось это следующим образом: «...там имеются политические ошибки. До этого политредакторы относились нехо-

рошо к делу, пропуская даже контрреволюционные места. Теперь вменяется в дальнейшем политредактору отвечать за то или иное произведение буквально так же, как и автору»⁷¹. Через несколько месяцев после этого решения, принятого на совещании в ЦК КП(б)Б, заместитель секретаря по печати отдела пропаганды и агитации ЦК поручает Н. Рубинштейну, редактору газеты «Октябрь» (на языке идиш), провести расследование дела с изданием второй части учебника для еврейских школ «Наш край» Г. Александрова и В. Розенгауза. Партийное руководство требует выяснить, кто был политредактором и кто проглядел эту рукопись в Главлитбеле⁷². Г. Александрова критиковали за то, что при рассмотрении вопроса национального состава рабочих республики он утверждал, что сионизм является национально-освободительным движением еврейской буржуазии.

В начале 30-х гг. основное направление научной работы Белорусской Академии наук, и еврейского сектора в том числе, — «борьба за пролетарский интернационализм против проявлений национал-социализма, великодержавного шовинизма, бундизма и т. п. измов».

Большое значение при этом имел «кадровый вопрос». В евсекторе из 15 сотрудников только 5 были членами ВКП(б), и это, по мнению руководства, сказывалось на их работах, «которые были проникнуты духом национал-социализма и шовинизма»⁷³. Тогда же резкой критике было подвергнуто еврейское отделение педфака БГУ. Партийное руководство Белоруссии считало, что преподавание еврейской истории в университете бывшими бундовцами «насаждает мелкобуржуазную идеологию». И в конце 1930 г. начинается реорганизация. На базе педфака БГУ создается Высший педагогический институт, куда входит и еврейское отделение. Заметно были изменены учебные программы. Из них исключили университетские курсы, в результате чего резко сократилось число дисциплин в области иудаики. Основное внимание стало уделяться изучению языка идиш и литературы на нем, что соответствовало новым учебным программам советской школы на идише. В середине 30-х гг. еврейское отделение Высшего педагогического института было ликвидировано⁷⁴.

В 1932 г. на базе еврейского сектора БАН был образован Институт еврейской пролетарской культуры. Как отмечалось в

постановлении Президиума Белорусской Академии наук, создание Института «имеет большое практическое значение в деле решения важнейших вопросов ленинской национальной политики»⁷⁵.

Основной задачей, поставленной перед Институтом, была «борьба с национальными, клерикально-бундовскими тенденциями». Название институтского журнала «На научном фронте» говорит само за себя⁷⁶.

В марте 1933 г. на пленуме ЦК КП(б)Б группа ученых Института еврейской пролетарской культуры, среди которых был и Г. Александров, резко критиковалась за приверженность Бунду, за утверждение, что Бунд являлся настоящей революционной партией еврейских рабочих. Тогда же Г. Александров был отчислен из БАН и уехал в Ленинград⁷⁷.

В 1935 г. институты и секторы Белорусской Академии наук, занимавшиеся изучением культуры и истории национальных меньшинств, были объединены в Институт национальных меньшинств, который в свою очередь был ликвидирован в 1936 г. Ликвидация Института национальных меньшинств была следствием усиления имперских тенденций в национальной политике сталинского режима во второй половине 30-х гг.

Дальнейшая судьба многих сотрудников еврейского отдела Инбелкульта и еврейского сектора БАН сложилась трагично. Самуил Агурский был арестован в 1938 г., умер в лагере в 1947 г., Яков Бронштейн расстрелян в 1937 г., Шолом Гольдберг расстрелян в 1937 г., Лев Гольмшток — в 1938 г., Юрий Дардак — в 1937 г., Лев Домесек — в 1937 г., Хаскель Дунец — в 1937 г., Иехель Равребе умер в заключении в 1938 г., Лейзер Царт расстрелян в 1937 г., Макс Эрик расстрелян в 1938 г., Гилель Александров был арестован в 1938 г. и приговорен к 25-ти годам заключения. Все они впоследствии были реабилитированы, в том числе и Г. Александров, освобожденный из лагеря в 1956 г.⁷⁸.

¹ *Grenbaum A. Jewish Scholarship and Scholarly Institution in Soviet Russia, 1918—1953. Jerusalem, 1978.* В переводе на русский язык: *Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918—1953 // Евреи в России: Историко-географ. очерки. Вторая половина XIX—XX в. М.; Иерусалим, 1994. С. 3—168.*

² Там же. С. 57—60.

³ Тайны национальной политики ЦК РКП: 4-е совещание ЦК РКП с

ответственными работниками нац. респ. и обл. в г. Москве, 9—12 июля 1923 г. Стеногр. отчет. М., 1992.

⁴ Цайтшриффт (Временник). 1926. № 1. С. 3 (на яз. идиш).

⁵ Национальный архив республики Беларусь (НАРБ), ф. 205, оп. 1, д. 6, л. 9.

⁶ Асьвета. 1924. № 2. С. 131 (на белорус. яз.).

⁷ НАРБ, ф. 205, оп. 3, д. 4878, л. 2.

⁸ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. Стлб. 947.

⁹ *Токарев М.* Изучение культуры и истории евреев в Белорусской Академии наук // Беларусика. Минск, 1995. Вып. 4. С. 134 (на белорус. яз.).

¹⁰ Наш край. Минск. 1926. № 1-3. С. 56 (на белорус. яз.).

¹¹ СЗ БССР. 1924. № 18. С. 161—162.

¹² НАРБ, ф. 205, оп. 3, д. 5235, л. 1.

¹³ *Бейзер М.* Евреи в Петербурге. Иерусалим, 1990. С. 38.

¹⁴ НАРБ, ф. 205, оп. 3, д. 5235, л. 4.

¹⁵ *Маркон И.* Страна «Шабат» в «Хождении за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг.» // Труды БГУ. 1922. № 2-3. С. 305.

¹⁶ НАРБ, ф. 205, оп. 1, д. 181, л. 62.

¹⁷ Там же, оп. 3, д. 5235, л. 7.

¹⁸ И. Сосис (1887. Балта — 1967 (?), Москва). В 1913 г. закончил философский факультет Бернского университета по специальности социология и еврейская история.

¹⁹ Наиболее значительные работы И. Сосиса: «Социально-экономическое положение евреев России в первой половине XIX века». Пг., 1919 (на яз. идиш); «Очерки истории общественных течений среди евреев России в XIX веке». Минск, 1929 (на яз. идиш).

²⁰ М. Вейнгер (1890, Полтава — 1929. Минск).

²¹ Н. Ойслендер (1893, Ходорков — 1962, Москва). В 1927 г. после отъезда из Минска был приглашен возглавить литературную секцию Института еврейской культуры в Киеве. Там в начале 30-х гг. он подвергся резкой критике за «культурно-исторический» подход к литературоведению и в 1932 г., отказавшись от руководства литературной секцией, пересел в Москву. Там он продолжает заниматься педагогической деятельностью на еврейском отделении Московского педагогического института. Опубликовал в 1940 г. исследование о Менделе Мойхер-Сфориме в сборнике «Менделе и его время» и монографию «Еврейский театр». В 1943—1945 гг. член исторической комиссии Еврейского антифашистского комитета. С 1961 г. член редколлегии и заведующий отделом критики журнала «Советиш Геймланд».

²² Г. Александров (1890, Бобруйск — 1972, Ленинград).

²³ Шмуэль Александров (1865, Борисов — 1941, Бобруйск) — раввин. Известен религиозно-философскими произведениями, издававшимися в конце XIX в. — первой трети XX в. в Варшаве, Вильно, Иерусалиме. В Израиле в 70-х гг. издано несколько томов его произведений. Погиб в гетто Бобруйска.

²⁴ Давид Гинцбург (1857—1910) — востоковед, общественный деятель. В 1907 г. основал Высшие еврейские курсы (Курсы востоковедения) — первое

еврейское высшее учебное заведение, где получили образование многие крупные еврейские ученые, писатели, общественные деятели.

²⁵ НАРБ, ф. 205, оп. 3, д. 127, л. 4.

²⁶ Б. Оршанский (1884, Городок — 1937, Минск). С 1903 г. член Бунда, с 1918 г. — член РКП(б). Участник революционных событий в Белоруссии, известный партийный и государственный деятель БССР. Репрессирован в 1937 г., в 1956 г. посмертно реабилитирован.

²⁷ В. Фришман (1900, Лодзь — ?). Во время работы в БАН имел звание действительного члена Института еврейской культуры. Известно, что в 1933 г. успешно прошел проверку («чистку») работников Академии. Дальнейшая судьба пока не известна.

²⁸ Д. Руманова (1899, Любоничи Бобруйского уезда — ?). Одновременно с работой в Инбелкульте преподавала идиш в еврейских школах Минска. В 1928 г. была уволена с должности секретаря литературной комиссии (это место получил Л. Виленкин), но продолжала работать в евсекторе. Известно, что после войны жила в Минске, публиковалась в литературных журналах Польши.

²⁹ Я. Бронштейн (1897, Бельск — 1937, Минск). В 30-е гг. профессор, член СП БССР, литературовед, научный сотрудник Института литературы АН БССР. Расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.

³⁰ Л. Душман (1886, Велиж — 70-е гг., Минск). В 30-х гг. известен как активный собиратель еврейского фольклора. Свои исследования печатал в «Цайтшрифт».

³¹ Институт белорусской культуры. Минск, 1926. С. 109—110 (на белорус. яз.).

³² А. Гурштейн (1895, Кролевец — 1941) — московский литературовед, в 20-х гг. активно сотрудничал с еводделом Инбелкульта. Погиб на фронте в конце 1941 г.

³³ НАРБ, ф. 205, оп. 3, д. 6725, л. 6.

³⁴ Там же, л. 8.

³⁵ Там же, л. 10.

³⁶ Цайтшрифт. 1928. № 2-3.

³⁷ Труды БГУ. 1929. № 23 (на евр. яз.).

³⁸ СЗ БССР. 1929. № 5. С. 22.

³⁹ НАРБ, ф. 1, д. 25, л. 5.

⁴⁰ Архив АН БССР (ААН), ф. 1, д. 12.

⁴¹ Хроника белоруской культуры. 1929. № 2. С. 284.

⁴² Менахем Огульник (1889 — ?) — общественный и политический деятель БССР. В 1937 г. арестован и сослан на 5 лет. В 1944 г. его вновь арестовали и выслали в Красноярский край. Реабилитирован в 1956 г. Жил в Чувашской АССР.

⁴³ Арон Волобринский (1900, Минск — 1937). Учился после революции в еврейской гимназии для взрослых, преподавал в евпедтехникуме Минска, на еврейском отделении рабфака БГУ. После окончания социально-исторического отделения педфака БГУ работал в евсекторе Академии, занимался исследовани-

ями по истории еврейских партий. В 1933 г. Президиум АН постановил снять его с работы и передать дело на рассмотрение парткомиссии БАН. Был репрессирован.

Лев Гольмшток (1896, Борисов — 1938). Закончил евотделение педфака БГУ, аспирантуру Инбелкульта. В 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории кагала в Белоруссии. Расстрелян в 1938 г., в 1956 реабилитирован.

Яков Рубин (1900, м. Долгиново — ?). В годы первой мировой войны учился в Харькове в учительской семинарии, затем преподавал еврейский язык, литературу и историю в еврейских школах. С 1922 г. в Минске работал учителем, лектором. В 1931 г. закончил социально-историческое отделение педфака БГУ, работал старшим научным сотрудником исторической комиссии евсектора БГУ. Занимался изучением истории еврейского революционного движения. В 1933 г. его деятельность получила негативную оценку партийных органов. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁴ Макс Эрик (1898, Польша — 1937). Его отец, родом из Шклова, принадлежал к семье известных шкловских просветителей — маскилим. Макс до 12 лет учился в хедере и у частных учителей, среди которых был и Х. Бялик. Затем он продолжает свое образование в русской и польской гимназиях. В 1918 г. опубликовал свои первые литературно-критические статьи, читает лекции в молодежных еврейских клубах. Окончив офицерскую школу в 1919 г., служил в польской армии. С 1921 по 1926 г. изучал право в Краковском университете, затем преподавал еврейскую (идишскую) литературу в еврейских школах Вильно, активно участвовал в общественной и литературной жизни города — являлся секретарем еврейского ПЕН-клуба. Занимался изучением ранней идишской литературы в библиотеках Польши, Англии и Франции. Один из составителей «Хрестоматии по еврейской литературе» для еврейских школ. Принимал активное участие в деятельности Еврейского научного института (ИВО). В 1929 г. М. Эрик приехал в Минск. Одновременно с работой в евсекторе БАН он преподавал историю еврейской литературы (идишскую и ивритскую) на евотделении педфака БГУ, а с 1931 г. — в Высшем педагогическом институте. В это время ученый участвует в издании таких книг, как «Антирелигиозный литературный сборник» (1930), «Против антимарксистской теории в литературоведении» (1932). В период пребывания в Минске, в конце 1931 г. он подготовил монографию «Исследование истории Гаскалы», которая была издана на идише в 1934 г. под названием «Этюды к истории Гаскалы». В 1932 г. в связи с реорганизацией евсектора БАН в Институт пролетарской еврейской культуры М. Эрик переехал в Киев, где работал в Институте еврейской пролетарской культуры при УАН, и там же в 1936 г. с группой других ученых его арестовали, а через год, в сентябре 1937 г., он был расстрелян.

⁴⁵ Хаим Гольмшток (?), брат Л. Гольмштока. Имеющиеся данные о нем весьма противоречивы. Поиск в этом направлении продолжается.

⁴⁶ Ури Финкель (1896, Раков — 1957, Минск) — литературовед, аспирант литературной комиссии. Вместе с Н. Ойслендером опубликовал книгу о творчестве А. Гольдфадена, основателя еврейского театра, «А. Гольдфаден. Материалы к биографии» (Минск, 1926; на яз. идиш). В 30-е гг. читал курс «Методика преподавания еврейской литературы» в Высшем педагогическом институте. В

1943—1944 гг. жил в Москве, после войны — в Ракове, затем — в Минске. Преподавал в средней школе русскую литературу.

⁴⁷ Хаим Каган (? — 70-е г., Минск). Точные годы жизни неизвестны. В начале 30-х гг. в Высшем педагогическом институте преподавал курс «Методика преподавания еврейского языка в школе». Выпустил учебное пособие по этому курсу. Известно, что после войны в Минском районе преподавал в школе русский язык и литературу. Перевел стихи и поэмы Х. Бялика с иврита на идиш. Известный еврейский поэт Г. Релес (Минск) читал эти переводы и отмечал, что сделаны они были прекрасно. До наших дней эта работа Х. Кагана, по всей вероятности, не дошла. Позднее он жил в Минске.

⁴⁸ Родился И. Равребе в 1883 г. в Волынской губернии в семье меламеда. Получил традиционное еврейское образование и, как он сам писал в своей автобиографии, «в изучении древнееврейской письменности достиг высшей ступени, т. е. иешибота». В 1907 г. приехал в Вильно, где наряду с получением светского образования сотрудничал в еврейской прессе. В конце 1908 г. отправился в Петербург учиться на Курсах востоковедения, которые блестяще закончил в 1914 г. и остался там преподавать. В связи с первой мировой войной курсы закрылись, и он стал сотрудником ивригоязычного журнала «Гевар» («Прошлое»). Еще учась на Курсах востоковедения, занимался составлением конкорданции к мишне, переводил Коран на иврит. В 1918 г. в Петрограде открылся Институт высших еврейских знаний, где И. Равребе преподавал древнееврейский и арамейский языки, руководил семинарами по еврейской филологии, семитской эпиграфике и средневековой еврейской литературе. Одновременно с преподавательской работой он слушал в университете лекции по семитологии и занимался ассиро-вавилонским языком под руководством профессора П. Коковцева; публиковал многочисленные научные работы в еврейских изданиях. Как уже отмечалось, он участвовал в работе еводдела Инбелкульта, отбирая из архива Еврейского историко-этнографического общества в Петрограде материалы из раввинских респонсов XVI—XVIII вв. по истории евреев в Польше, Белоруссии и Литве. Интересно, что, рассказывая в автобиографии о своих еще не опубликованных рукописях, он отмечал: «Кроме того, готовы у меня к выпуску 2 тома моих напечатанных и рукописных стихотворений на древнееврейском языке» (НАРБ, ф. 205, оп. 3, д. 6725, л. 3).

⁴⁹ ААН, ф. 1, д. 12, л. 8.

⁵⁰ Лейзер Виленкин (1894 — 70-е гг., Израиль). Учился в Петербургском университете на германском отделении. Затем по приглашению М. Вейнгера приехал в Минск для работы в БГУ. В целях совершенствования в еврейской филологии (идиш) был послан в ЛГУ в качестве аспиранта БГУ. Работал вместе с М. Вейнгером, занимал должность секретаря лингвистической комиссии. В 1931 г. в Минске был издан диалектологический атлас, автором которого был указан Л. Виленкин. Многие исследователи, в частности А. Гринбаум, считают, что автором атласа на самом деле являлся М. Вейнгер, но по идеологическим причинам вместо его имени на книге было поставлено имя Виленкина. По словам профессора Еврейского университета в Иерусалиме М. Альтшуллера, Л. Виленкин сам об этом говорил, когда уже жил в Израиле.

⁵¹ О жизни и деятельности Л. Вагера, И. Угорского, А. Шейнина в настоящее время ничего не известно.

⁵² *Александров Г.* Краеведческая работа среди еврейского населения БССР // Наш край. 1927, № 19.

⁵³ НАРБ, ф. 70, оп. 29, д. 38.

⁵⁴ X отчетная конференция КП(б)Б 8—10 января 1927 г.: Стат. отчет. Минск, 1927. С. 20.

⁵⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 20, д. 30.

⁵⁶ *Гринбаум А.* Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918—1953. С. 42.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ НАРБ, ф. 4, оп. 2, д. 6, л. 34.

⁵⁹ Там же, оп. 9, д. 6, л. 23.

⁶⁰ Звезда. 1929. 7 дек.

⁶¹ Труды БГУ. 1925. № 6-7: 1926, № 12.

⁶² НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 868, л. 5.

⁶³ *Михнюк В.* Становление и развитие исторической Советской Беларуси (1919—1941). Минск. 1985. С. 142. Необходимо уделить несколько слов данной работе, так как в ней много места отведено анализу деятельности еврейских историков — сотрудников исторической комиссии: И. Сосису, Г. Александрову, И. Чернявскому, Я. Рубину, Л. Гольмштоку и другим. Научные исследования и работа есектора автором рассматриваются как «маскировка сионизма», «грубые националистические искажения истории» и т. п. Весь параграф «Критика бундовских и сионистских интерпретаций истории» (С. 128—155) полностью посвящен этому вопросу. Написанная в присутствии советской белорусской историографии 80-х гг. идеологизированном духе, не терпящем сомнений и возражений, книга В. Михнюка между тем дает возможность ознакомиться с большим архивно-библиографическим материалом, связанным с историей еврейских исследований в БССР и отношением к ним партийных органов.

⁶⁴ И. Чернявский с ноября 1929 г. зачислен в есектор секретарем исторической комиссии. Автор монографии о начальном периоде еврейского рабочего движения в Белоруссии «Еврейский рабочий в Белоруссии на заре рабочего движения» (Минск, 1932), за которую подвергся критике партийных властей. В 1933 г. Президиум Академии постановляет: «За активное проведение установок враждебных пролетариату и идеализации Бунда и меньшевистских вредителей снять с работы в Академии и имеющийся материал передать в ЦКК». Он был исключен из партии. По-видимому, был также репрессирован.

⁶⁵ И. Сосис уезжает в Киев. Публикуется в сборнике «Висншафт ун Револьюцье» Института еврейской культуры (1935—1936), затем переезжает в Москву. Известно, что в 1943—1945 гг. он читал лекции в еврейской театральной школе. После войны в СССР не публиковался.

⁶⁶ Труды БГУ. 1923. № 23 (на яз. идиш).

⁶⁷ Там же. С. 73.

⁶⁸ См. сноску 48.

⁶⁹ ААН, ф. 1, д. 2, л. 123.

⁷⁰ В Ленинграде И. Равребе работал в Рукописном отделе Публичной библиотеки. По совокупности научных работ академики В. Струве и И. Франк-Камеицкий представили его к докторской защите. Но вскоре ученого арестовывают. По имеющимся данным, в феврале 1938 г. он умер в заключении. См.: *Кельнер В.* Иехиль Равребе — сотрудник Публичной библиотеки // Восточный сборник. СПб., 1993. С. 201, 242.

⁷¹ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 26, л. 63.

⁷² Там же, д. 7237, л. 48.

⁷³ Там же, оп. 20, д. 85, л. 133.

⁷⁴ *Герасимова И.* Еврейская высшая школа в системе народного образования Беларуси в 20—30-е годы // Беларусика. Вып. 4. С. 125—129.

⁷⁵ ААН, ф. 1, д. 29, л. 1.

⁷⁶ В 1932—1934 гг. вышло три сдвоенных номера этого издания.

⁷⁷ В 1934 г. работал ученым секретарем Ленинградского отделения АН СССР. В 1936 г. арестован. В 1956 г. амнистирован и возвратился в Ленинград, где преподавал историю древнего мира в ЛГУ, занимался исследованиями в области еврейской истории и литературы, некоторые из которых опубликованы в журнале «Советиш Геймланд» в 60—70-е гг. Умер в 1972 г.

⁷⁸ Возвращенные имена: Сотр. АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / Сост. Н. Токарев. Минск, 1992.

КУЛЬТУРА

Ш. Маркиш (Женева)

СТОИТ ЛИ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ ЛЬВА ЛЕВАНДУ?

Статья вторая: Художество*

Общее суждение, практически не знающее исключений: Леванда — не художник. Что угодно: этнограф, бытописатель, публицист, но — не художник. Краткий, выборочный обзор обвинений в нехудожественности приведен в начале статьи первой, и повторять его (или расширять) мы не видим смысла.

Первый, так сказать «базовый», укор — это недостаточное, неадекватное литературному труду владение языком. Вот для примера: «Неровный, шероховатый стиль, комически щеголяющий то там, то здесь отдельными выражениями настоящего, замоскворецкого русопетства, делает впечатление неприятной моветонности»¹. Бедный Аким Волынский, «в девичестве» Хаим Флексер, которому принадлежат эти слова, не мог, разумеется, предполагать, что с лишком полвека спустя Зинаида Гиппиус предъявит ему самому примерно те же претензии: у него, дескать, не было и быть не могло органической причастности русскому языку, органической, врожденной способности выразить себя на этом чужом языке². Не станем ни защищать Акима Волынского, ни опровергать частного суждения престарелой Зинаиды Гиппиус, зададимся лучше общим вопросом: в какой мере евреи, аккультурированные в первом поколении, могли притязать на звание русского, а точнее — русскоязычного литератора?

В принципе — в самой полной, никак не в меньшей, чем, скажем, Джозеф Конрад — на звание литератора английского или Владимир Набоков — американского. Никто, кроме душев-

* Статья первая. См.: Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1995. № 3(10).

нобольных, помешавшихся на юдофобии, никогда не сомневался в совершенной языковой равноправности Семена Фруга, Николая Минского или Давида Айзмана. Но это — повторяю — в принципе, а на практике русско-еврейская словесность дает немало примеров неаккуратного (чтобы не сказать «бесцеремонного») обращения с русским языком. Во всяком случае — некоторые деятели этой словесности; и в их числе — Лев Леванда.

Чаще всего эти «ляпы» (неряшливости или прямые, даже грубые ошибки) не оставляют места для сомнений:

«Как один из богатейших помещиков, он имеет большой вес в шляхетской среде, и, как бывший предводитель дворянства, у него большие связи в высших ... сферах».

«Ножа! Дайте мне ножа!»

«Когда пан Андрей зайдет...» (вместо «придет»).

«...Я здесь останусь сама» (вместо «одна»).

«Я молода, неопытна... Стою одна, без родителей, без родных, без советника».

(Цитируется самое известное из прозы Леванды — роман «Горячее время»³; выбор вполне случаен и именно поэтому представителен.)

Но случается — и тоже далеко не в виде исключения — попасть впросак. В том же «Горячем времени» читаем: «...завседатели его кабака...». Стоп! Непосредственное языковое чутье подсказывает: лексический «ляп»! 17-томный словарь русского литературного языка подтверждает косвенным образом: такого слова он не знает. Подтверждает и Даль (в бодуэновской редакции): «Завседатель м. шутч. вм. заседатель [!]». Но пример, следующий у Даля/Бодуэна за этим определением, вроде бы не подкрепляет его: «Гоголь назвал Петрушку кабацким завседателем»⁴. Тем не менее, продолжая доверяться своему чутью, обращаемся к дореволюционному академическому словарю и — со смущением! — обнаруживаем: «То же, что завседатай». И пример «железобетонный» — из Сергея Максимова, этнографа, академика, бесспорного знатока и эксперта⁵.

Это подробное разъяснение имеет одну-единственную цель: показать, как опасно полагаться на свое чутье при лингвостилистической оценке русско-еврейских литературных текстов прошлого, да и начала нынешнего века. Многое из того, что кажется странным, а не то и впрямую неверным, плодом невежества,

невладения, легкомысленной самонадеянности, может оказаться плодом нашей собственной самонадеянности. Вспомним для сопоставления, как часто бывает «задето» наше пресловутое чутье при чтении Толстого или Достоевского, не говоря уже о полузабытых (хотя и чистокровно, потомственно русских!) авторах, затерянных в полузабытых журналах. Огульное обвинение русско-еврейской словесности в языковой и стилистической неполноценности принадлежит к антисемитским стереотипам того же разряда, той же цены, что утверждения «все евреи хитрые» или «все евреи трусы».

Ответственность за свои огрехи и промахи несет сам литератор (русско-еврейский, как и любой иной), и никто более. В данном случае — Лев Осипович Леванда, который к тому же умел, если и не всегда, то хотя бы временами, отдать себе отчет не только в том, *что* он пишет, но и *как* пишет.

Позволим себе еще раз привести цитату, «притаившуюся» в примечаниях к статье первой: «Касательно языка я тоже согласен, что он неудовлетворителен: гоняясь за мыслью, идеею, я пренебрегаю часто оболочкою, в которую они должны быть облечены. Это важный недостаток, г. Рабинович уже раз укорял меня в этом, говоря, что, присвой я себе надлежащим образом механическую часть письма, я был бы замечательным беллетристом, так как изобретательности, наблюдательности, идей и чувства мне не занимать статью, — но что ж делать... терпения у меня не хватает шлифовать написанное, т. е. прочувствованное, возиться со слогом, подбирать выражения»⁶. Это строки из частного письма, датированного 19 февраля 1865 г. Но и двадцать лет спустя, в последний год своей литературной активности, Леванда — хотя с совсем иной аргументацией! — повторяет: «Я пишу сравнительно мало и не с той виртуозностью, с которою я способен писать. Все, что Вы читали и читаете от меня печатного, есть прямо с первого пера, без малейшей переделки и даже легкой поправки. И это потому, что, когда я пишу, я уверен, что у меня, в сущности, нет никакой публики или есть такая публика, которая читает, но не понимает, не способна ценить хорошее и изящное, — для кого же трудиться и утруждать свои мозги?»⁷ У нас нет права делать какие бы то ни было обобщения на основании частных писем, для печати не предназначавшихся, но мы вправе отметить, что Леванда отнюдь не слеп к слабостям

собственного пера, как не был к ним слеп и Осип Рабинович, несравненно более требовательный к себе, нежели Леванда.

Итак, «письмо» Леванды небезупречно, но и преувеличивать его слабости было бы до крайности несправедливо. Прежде всего потому, что оно исполнено энергии, напора, напряжено живейшим, непосредственным чувством; нам думается, что чуть ли не любая цитата из многих, собранных в статье первой, способна в этом убедить. Но ведь то публицистика! — могут нам возразить. Но публицистика входит неотъемлемой составляющей во все написанное Левандой, так что оторвать беллетристическое письмо от публицистического невозможно. Детальный и доказательный анализ этого последнего не вместился бы в рамки нашей статьи по многим и разным причинам, среди которых не последняя — то, что «фоном» для Леванды-публициста служит не одна русско-еврейская периодика, но российская печать в целом, преимущественно либеральная, провинциальная и столичная, и особенно те издания, в которых Леванда сотрудничал сам. Оставляя такой анализ будущему пытливому уму, остановимся лишь на одном источнике влияния, бесспорном и очевиднейшем, — на Салтыкове-Щедрине.

Что этот великий знаток русской жизни и русской души был не только кумиром читателей, но оказывал мощное воздействие на собратьев по перу всех рангов — вещь общеизвестная. Следует только уточнить, что в 80-е гг. в русско-еврейской публицистике не было, по сути дела, ни одного заметного автора, который остался бы к этому воздействию нечувствителен. Напрямик, в открытую подражали не только приемам салтыковского «эзопова языка», но даже фабульным ходам, заимствовали салтыковские образы, в том числе и «вторичные» (вроде Ноздрева), и принципы их построения. Именно так, по-салтыковски, выстроен «недоумевающий» — рассказчик из цикла, подробно рассмотренного в статье первой. В точности как любой более или менее постоянный щедринский рассказчик, он «двоится»: наивность и беспомощность вдруг уступают место цинизму и хищности, то есть тому стереотипу, той маске, которую еврей навязывает враждебное окружение. Результат — сарказм, опять-таки совершенно салтыковского образца (если и не салтыковской пронзительности и ядовитости, но не забудем: это всего лишь подражание, а не состязание): «Если народам невыгодно

держат меня у себя, то я им за свое пристанище буду платить чистоганом, а если чистогана у меня не хватит, то — солидными переводными векселями... Деньги всегда у меня будут, потому скопидом я хороший; ими я и зажму рот всем крикунам, истцам и претендентам»⁸.

Леванде случалось и самому отсылать читателя к своему оригиналу, первоисточнику; так, один из фельетонов «недоумевающего» начинается словами: «Если бы кто-нибудь спросил меня теперь, как я себя чувствую? Я мог бы ответить словами г. Щедрина: «Чувствую себя отлично, за исключением лишь того, что все кости как будто палочьем перебиты»,— и эти слова вполне характеризовали бы мое нынешнее душевное настроение, вполне соответствующее моему нынешнему фактическому положению»,— и весь фельетон выдержан в этом щедринском «ключе». Тут и Манилов с Молчалиным, тут и неожиданно повернутая крыловская басня «Ворона и Лисица» («Ворона, достав где-то булыжник и почему-то положив себе считать это чуть не голландским сыром, взлетает на верхушку ели и оттуда энергически машет крыльями на всех прохожих, чтобы они не мешали ей завтракать. Да ты, матушка, чего крыльями-то махаешь? Булыжник никого не прельщает и не соблазняет. Грызи себе его, если это доставляет тебе удовольствие, да только смотри не подавись им»), тут и двусмысленное, амбивалентное согласие с народной мудростью (или «мудростью»?) типа «против рожна не попрешь»⁹.

Среди других прославившихся (в скромных масштабах русско-еврейской литературы, понятно!) обожателей и подражателей Салтыкова-Щедрина назовем Павла Левенсона (1837—1894), Льва Кантора (1849—1915; фельетоны в щедринском духе печатал под псевдонимом «Бен-Баг-Баг»), Михаила Лазарева (1858—1912; тот самый, что в качестве критика так беспощадно расправился с беллетристикой Леванды; фельетоны подписывал псевдонимом «Оптимист»), Григория Лифшица (1854—1921; псевдоним «Гершон-бен-Гершон»). В этом ряду каждый заслуживает особого внимания — опять-таки в рамках и масштабах литературы российского еврейства на русском языке. У каждого, помимо общих для всей российской интеллигенции мотивов и оснований, были свои, собственные причины восхищаться Щедриным и следовать его путями. Что касается Леван-

ды, к таким причинам можно отнести иронический склад ума и резкий, раздражительный нрав; эти свойства ума и характера обнаружались уже в самом начале его литературной жизни и только крепчали с годами.

Если теперь от «письма» перейти к фабуло- и сюжетосложению, то прежде всего надобно еще раз напомнить, что сам Леванда был весьма высокого мнения о своих способностях и возможностях беллетриста. Приведем еще одно высказывание — оно относится к лету 1886-го; жить оставалось меньше двух лет, а до мрака безумия — считанные месяцы; есть основания говорить о заключительной, итоговой самооценке: «Уже давно пора было бы познакомить европейскую публику с моими мозольными трудами, для которых, по крайней мере в России, нет еще знатоков и ценителей. В то время как лубочные произведения Францоza, в которых нет ни *sens'u*, ни правды, ни типов, все переведены на русский язык, мои фотографически верные и высокохудожественные картины еврейской жизни ожидают еще переводчиков. Когда Француз будет писать еще десять лет, то он навряд ли допишется даже до моего первого дебюта — «Депю», потому что он такой же беллетрист и наблюдатель, какой я танцор. Не помню, писал ли я вам, что я в последнее время стал получать из Нью-Йорка журнал «The Hebrew Reformer», в немецком приложении к которому печатается теперь перевод одного из моих «Очерков прошлого». Только в переводе на другой язык я сам впервые почувствовал, что значит мой юмор, моя художественная дикция, моя осмысленная концепция. Так, например, еврей чувствует всю прелесть Библии только тогда, когда он читает ее на другом языке. Родившись в еврейском языке, он потерял к нему всякий вкус»¹⁰.

Примечательно это противопоставление себя Карлу Эмилю Францозу (1848—1904), при жизни и даже вплоть до первой мировой войны весьма известному, а впоследствии забытому, отошедшему даже не на второй, а на третий план¹¹. Рассказы и повести Францоza из жизни галицийского еврейства регулярно печатались и в петербургском «Восходе», и отдельными изданиями, пользуясь очевидной любовью читателя. Нам представляется, что в презрительном отзыве Леванды о Францоze звучит не просто зависть к популярности последнего, но сознание (быть может, и не вполне отчетливое) их литературного сродства —

сродства бытописания, сдобренного и обогащенного иронией,— и, главное, того, что в рамках сродства-соствязания он, Леванда, проигрывает как раз по тем линиям «высокохудожественности», которыми хвастается, в которых видит доказательство своего превосходства над австро-германо-еврейским прозаиком. Последовательное, систематическое сравнение Леванды с Французом могло бы дать образцовые — в плане сопоставительного литературоведения — результаты; тем более что хорошо сопоставимы и смысловые (идеологические) послы, близкие, но отнюдь не совпадающие.

Начнем с «изобретательности», которую Леванда вменяет себе в заслугу и ставит во главе перечисления качеств, отличающих «замечательного беллетриста». Очевидно, что речь идет в первую очередь о творческой фантазии, о силе воображения, «изобретающей» фабулу, последовательность вымышленных событий. Но также — об умении «сводить концы с концами», то есть выстраивать, связывать, противопоставлять, взаимно уравновешивать и т. д. события, иначе говоря — о сюжетно-композиционном мастерстве. Под этим углом зрения беллетристическое наследие Леванды довольно четко делится на две части: собственно беллетристика и беллетризованный очерк. В последнем излагается какое-либо одно событие, прослеживается одна какая-либо судьба, иногда две, выстроенные параллельно, ради поучительного сопоставления, но отнюдь не переплетающиеся и даже не пересекающиеся.

Беспорядки, спровоцированные «Положением о евреях» 1844 г., которым, среди прочих репрессивных мер, предусматривался запрет на ношение особого еврейского платья; беспорядки, однако, были направлены не против начальства, а против заправил общины («1844 год», напечатано в 1870-м). Странные наставники, помогающие воспитаннику еврейского казенного училища овладеть русским языком: училищный сторож, дед рассказчика и два пациента сумасшедшего дома («Четыре гувернера с сосенки и с бора», напечатано в 1879-м).

Истории двух ремесленников, еврея и поляка, и их семей; благоразумие и основательность поляка, легкомыслие, тщеславие и прямая глупость еврея и его супруги («Яшка и Иошка. Параллель с природы», напечатано в 1881-м). Еще одна «параллель с природы» (также подзаголовок самого Леванды) — «Две семей-

ных идиллии» (напечатано в 1886-м), своего рода «палинодия» к первой: из двух семей, обитающих бок о бок, еврейская, без сравнения, счастливее польской — благодаря прочности и высоте моральных устоев и невзирая на безалаберность и «неумение жить». Многие из подобных рассказов и повестей (по сегодняшним понятиям) помечены автором как «очерки прошлого»; в этом подзаголовке нам видится вполне сознательная отсылка к старшему товарищу по первым шагам русско-еврейской словесности — к Осипу Рабиновичу, к повести «Наследственный подсвечник» с ее подзаголовком «Картины прошлого»¹².

Все беллетризованные очерки Леванды выстроены бесхитростно, прямолинейно: события (эпизоды, перипетии) расставлены вдоль хронологической оси, повествование и открывается, и заключается «естественно» — с иссякновением прямолинейной фабулы. Никакой писательской «изобретательности» для такого повествования не требуется. Но в простоте своей это повествование большею частью убедительно и привлекательно; симпатично — как говорили в прошлом веке.

И совсем иное дело — повествование многоплановое, многолинейное.

Уже в «Депо бакалейных товаров», самом первом своем опыте беллетристического писания, Леванда оказывается способным использовать фабульные «завязки» (или, если угодно, развязать завязанные им «узелки») и прямо в этом признается. Протагонист, молодой маскил Арнольд Бремен, обязан своим «перерождением» из фанатика в просвещенца учителю Вульф (или Вольфу — в журнальной публикации разноречивой), который дает ему рекомендательное письмо к другому своему ученику, Мееру Фельду, проживающему в том городе, где Арнольду предстоит открыть склад, вынесенный в заголовок повести. Собственной персоною Вульф появляется только в последней главе — в какой-то придорожной корчме, где он случайно встречается с третьим из своих бывших учеников, который уже успел креститься и из Давида превратиться в Данилу Ивановича. Окутанный какою-то тайною, известною лишь Фельду, Вульф, едва появившись, и умирает в доме последнего в следующей — также *последней* — главе. Видимо, чувствуя, что этот фабульный ход ушел в песок, Леванда сообщает: «Мы пока остаемся у читателя в долгу, не досказав истории Вольфа; но о нем будет

со временем речь особо...»¹³ Можно предположить, что та же нетерпеливость, которая, как мы помним из его собственных признаний, мешала ему «шлифовать написанное», торопила перо Леванды, не давала довести начатое до конца. Эта внезапная торопливость — как будто писателю вдруг надоело и он, обрывая себя, заговаривает о другом или даже вовсе прекращает разговор — никак не согласуется с реалистической манерой повествования и неизбежно воспринимается как художественный просчет; и так же воспринимаются никуда не ведущие (тупиковые) фабульные отступления, также весьма и весьма нередкие у Леванды.

Взглянем еще раз — под этим углом зрения — на «Горячее время».

Роман разделен на четыре части. Первую — «Направо или налево?» — можно было бы считать введением или предысторией, поскольку действие в ней начинается летом 1961 г., а собственно «горячее» время, то есть восстание Польши против русского владычества, начнется лишь в январе 1863-го. Но автор «издалека заводит речь» — включает экспозицию в фабулу как полноправную часть последней. Правда, действие почти не движется: идет представление персонажей по двум сюжетным линиям, польской и еврейской, с самого начала пересекающимся, поскольку цель будущих повстанцев — привлечь евреев («наших братьев-поляков Моисеева закона»¹⁴) на свою сторону. Часть вторая — «Жонд народовой и евреи»¹⁵ — не выходит за хронологические рамки 1862 г., так же, впрочем, как и третья — «Граф Тенчинский».

Лицемерное заигрывание поляков с евреями продолжается; евреи по-разному отвечают на польский соблазн, и эти различные ответы составляют главный предмет повествования, тогда как действие — за исключением «боковых» эпизодов — по-прежнему почти не движется. Часть этих эпизодов к тому же едва связана с фабулой. Назовем для примера последнюю (12-ю) главу части третьей с рассказом о кончине и похоронах польского патриотического поэта; недоумение, с какою целью введен этот рассказ, едва ли рассеивается полностью, когда в первой главе части четвертой опровергается сообщение местной (и в руках поляков находящейся) газеты, будто евреи массами участвовали в похоронах поэта-патриота. Собственно восстанию отведена

только часть четвертая — «Не вывезло», — да и то далеко не полностью; то, что могло — а может быть, и должно — бы стать главным двигателем действия, оказалось упущенным. Но не умышленно ли такое сюжетное построение: главная перипетия постоянно отодвигается в будущее и все повествование отдано подготовке к ней (какой-то вариант известного «еще нет, но вот-вот...»)? Это предположение, однако, опровергается как фабульной статичностью подготовки (мы имеем в виду основную фабулу, не побочные ее ответвления, иногда достаточно динамичные), так и бросающиеся в глаза скомканностью предполагающейся кульминации и посткульминационных эпизодов по каждой из сюжетных линий. (Строго говоря, отдельные частные развязки сюжетно и композиционно предшествуют кульминации, то есть бою повстанцев с русским отрядом у заброшенного завода, — часть четвертая, гл. 13.) Леванда словно бы хочет поскорее отделаться от своих персонажей — и вот он без долгих приготовлений разбрасывает их, как поднадоевших марионеток: убивает, отправляет в эмиграцию, сажает в сумасшедший дом.

История с «Депю бакалейных товаров» повторяется, только на этот раз, десятилетие спустя, она затрагивает не один фабульный ход, а всю фабулу. И прощения у читателя Леванда на этот раз не просит.

Приходится признать, что мастерством построения Леванда не всегда владел безупречно. Хотя в числе его романов и повестей есть вещи, которым указанного выше упрека на предъявишь. Это, в частности, две исторические повести, «Гнев и милость магната» (1885) и «Авраам Иезофович» (1887), и в особенности роман «Исповедь дельца» (частично, под заголовком «Поход в Колхиду», в «Еврейской библиотеке». Т. 7, 1879; полностью отдельным изданием в 1880-м). Роман выстроен как автобиографическое повествование, от первого лица, события расположены в строго хронологическом порядке — от прозябания в родном местечке и решения любой ценой преуспеть в современной Колхиде, то есть деловом Петербурге, до разорения в Северной Пальмире и возвращения в тот же еврейский мирок того же местечка. Ни соблазна неуместных отступлений, ни повода (или причины?) вдруг утомиться собственным повествованием Леванде, по-видимому, не представилось.

(Здесь хотелось бы, к слову, высказать несогласие с теми,

кто отнесся к роману с непримиримой враждебностью. Первым среди них был, кажется, Григорий Богров, уже стяжавший известность «Записками еврея», напечатанными в «Отечественных записках» (1871—1873). В 1878 г. он по просьбе Леванды пытался пристроить его роман в один из столичных журналов, но безуспешно. В письме к Леванде от 2 октября он рубит сплеча: «Если бы я был Л. Левандой, то не пустил бы в печать «Поход в Колхиду» в таком виде, в каком он, вероятно, на живую нитку сшит»¹⁶. И четверть века спустя Адольф Ландау вторит Богрову: «“Поход в Колхиду”, в общем, действительно оказался весьма слабым произведением, и мы могли воспользоваться из него лишь одним отрывком, который и был помещен нами в значительной переделке в VII т. “Еврейской библиотеки”»¹⁷. Между тем «Исповедь дельца» занимает, как нам это видится, вполне достойное место в том «уголке» русской литературы 70-х гг., который оказался отведен совершенно новому для России явлению — грюндерству. Всерьез, и одним из самых первых, об этом написал Петр Боборыкин (роман «Дельцы», 1872—1873). Но одновременно появилась и великая сатира Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» (1872), где среди денежных и железнодорожных воротил настойчиво мелькают евреи; еще настойчивее — уже на первом плане — они в стихотворной сатире Некрасова «Современники» (1875); упомянуты они и в «Современной идиллии» (1877—1883) Салтыкова. Вот в этот-то сугубо сатирический и даже гротескный ряд и вписывается — скромно, но по праву — «Исповедь дельца». Стоит упомянуть, что, в то время как у Салтыкова и особенно у Некрасова еврейские дельцы окружены специфическим, отчетливо ксенофобским недоброжелательством и автора, и «добропорядочных», то есть православных и прочих не замаранных принадлежностью к еврейству, персонажей, в «Исповеди дельца» нет и намек на враждебность окружающей среды к еврею. Возможно, что и это — элемент гротескной фантастики, столь резко отличающей этот роман от всего прочего в наследии Леванды, от «фотографически верных картин еврейской жизни», которыми он гордится, сравнивая себя с Французом. Возможно также, что современники этого отличия не понимали или даже не ощущали; во всяком случае, пространнейшая рецензия в столичном еженедельнике «Русский еврей», принадлежавшая авторитетному литератору Льву Осиповичу

Кантору, озаглавленная «Чем мы сделали в последние двадцать пять лет?» и в целом вполне благожелательная¹⁸, ставит на одну доску «Депо бакалейных товаров», «Горячее время» и «Исповедь дельца» как материал для социопсихологических наблюдений над российским еврейством. Не та же ли нечувствительность к жанровому своеобразию была главной причиной крайне несправедливого, на наш взгляд, приема, оказанного роману Богровым и Ландау?)

Фотографическую верность трудно удостоверить или опровергнуть на расстоянии столетия, если не полутора. Остается довериться современникам, отмечавшим успех Леванды «в скромной области очерков прошлого, разных школьных воспоминаний и других более или менее незатейливых бытовых замыслов», но полагавших совершенно противоестественной («положительно ниже серьезной критики») «интригу», то есть фабулу, собственно беллетристических писаний¹⁹. Это обогащение сделано по поводу «Большого ремиза», последнего романа Леванды²⁰. Фабула его складывается, грубо говоря, из двух линий: банкротство богатого купца, позавидовавшего псевдоразорениям многих богачей («всей восточной стены» синагоги), которых эти мошеннические проделки обогащают больше и скорее, чем честная торговля; история певицы-самородка, которую когда-то некогдай отец продал на одну ночь некоему ротмистру и на эту выручку открыл питейное заведение. Соединение линий на этот раз осуществляется вполне убедительно: сын банкрота, юноша чистейший и честнейший, влюблен в певицу и пользуется взаимностью; влюблен, но неудачно, и приказчик банкрота, такой же мошенник, как его хозяин. Но, взятые сами по себе, ни та, ни другая из линий к сфере «фотографии», то есть жизнеподобия (реализма, натурализма, веризма — как угодно), отнесена быть не может. Добродетельный друг детства, на которого «банкрот» переписывает все свое состояние и который соглашается на это лишь с одной целью: разоблачить и наказать плута; сцена разоблачения перед всеми кредиторами, когда добродетельный друг не просто объявляет, что выплатит все долги до последней копейки, поскольку все теперь принадлежит ему, но и произносит дальнейшую инвективу против эпидемии банкротств; позднее раскаяние незадачливого плута — все это скорее из области нравоучительных

сказок о торжестве добродетели и наказании порока, нежели того, что в прошлом веке называли «правдою жизни». Это становится особенно ясным при сопоставлении с эпизодом банкротства в «Депю» (тема, как видно, глубоко задевала Леванду, если с нее он начинал и к ней же возвращался двадцать лет спустя, причем в выражениях если и не совпадающих, то достаточно близких²¹).

В «Депю» банкротство не фиктивное, а подлинное, и причина разорения — не корысть, а легкомыслие, черта, которую в еврее гетто открывали и показывали многие еврейские писатели, и прежде всего классик литературы на идише Шолом-Алейхем. И объяснение с кредиторами, сбежавшимися ни свет ни заря к дому несостоятельного должника, и в особенности их разговоры между собой органичны, убедительны, узнаваемы (пользуемся случаем, чтобы еще раз, как в статье первой, указать на субъективность, принципиальную недоказуемость эстетических оценок); с точки зрения художества это, может быть, лучшая глава повести, потому что в ней — во всех ее элементах — торжествует эстетика правдоподобия, любезная автору, сознательно им избираемая и дающаяся ему лучше, чем какая бы то ни было иная. И напротив: романтика, в том числе романтика любви, ему противопоказана. А потому и вторая линия «Большого ремиза», авантюрно-криминально-любовная, производит впечатление чужеродности; она словно бы заимствована из «Петербургских трущоб» Всеволода Крестовского (1864—1867), которые были физиологическим романом лишь номенклатурно, по сути же непосредственно предшествовали романтическому любованию «дном» с его разнузданностью и уголовщиной. Не то чтобы грязная тварь, продающая собственную дочь, была против «правды жизни» в еврейском обществе середины XIX в., не о том речь! Речь о «несообразности и несоразмерности» (Пушкин) такой твари в еврейском повествовании, претендующем на добросовестное бытописание.

Вспомним, какие еще достоинства, кроме «изобретательности», находил у себя Леванда-беллетрист: «наблюдательность, идеи, чувства», «юмор, художественная дикция, осмысленная концепция». Часть этих качеств выходит за пределы изящной словесности, например — идеи или осмысленная концепция;

часть требует уточнений, дополнений, домысливания (художественная дикция, чувства — что это, собственно, значит? как понимал это Леванда и как должны понимать мы?). Наблюдательность и юмор — понятия сравнительно устойчивые, определенные.

Разумеется, без наблюдательности нет и очерка, нет и публицистики. Можно утверждать, что именно острота взора в той же мере, что единство посыла, сплачивает, сбивает все написанное Левандой в некое нерасторжимое целое. Вот отрывок из «Путевых впечатлений и заметок» — о менялах на приграничной станции в Австрии, где, в отличие от Пруссии, банкирских контор нет и еврей-менялы исполняют их функцию:

«Никогда посредническая роль наших единоверцев не представлялась мне в такой осязательности, как в образе этих галицийских менял, виртуозности которых нельзя было не удивляться. Они, кажется, самую природою назначены для облегчения взаимных сношений между народами, а потому сколько бы ни кричали против этой роли, находя ее легкою и непроизводительною, она все-таки полезна и даже необходима, и превзойти евреев в этой роли трудно. Легкость ее только кажущаяся или относительная: она очень трудна, если не обладать гибкостью, общительностью, терпеливостью и сносливостью еврейской природы. Попробуйте посредничать — и вы пять раз выйдете из себя, пока доведете до конца один компромисс, а еврей из себя не выходит: не удались пять комбинаций, он предлагает шестую, и на этой шестой стороны сходятся, и сделка совершена к обоюдному удовольствию. Что же касается ее непроизводительности, то политическая экономия давно доказала ошибочность этого взгляда на посредничество между производителями и потребителями: без этого связующего звена остаются внакладе как первые, так и вторые»²².

То, что вкрапливается здесь в путевой очерк, — это не ссылка на труды и находки новейшей политэкономии, это прежде всего наблюдения над еврейским характером, и они до такой степени сблизжают очерк с художественной прозой Леванды, что автор включает его в сборник рассказов «Очерки прошлого»²³.

Но наблюдательность, говоря условно, нейтральная; какую мы находим в только что приведенном отрывке, не слишком

характерна для Леванды. Он был и человеком, и писателем слишком горячим, вспыльчивым, пристрастным (сегодня сказали бы: ангажированным), — недаром, перечисляя свои качества, он говорит о «чувствах». Посмотрим его глазами на ординарную пирушку в доме дворника Михала, действующего лица одной из «параллелей с натуры», озаглавленной «Две семейных идиллии» (параллель проводится между еврейской и польской семьями):

«В дворницкой стоял сплошной и глухой гул от развеселившейся компании, пившей, закусывавшей, горланившей, хохотавшей, звонившей ножами и вилками, щелкавшей зубами, словом — работавшей на всех парах. Лица разгорячались и потели, глаза наливались и соловели, а языки деревенели и начинали производить нечленораздельные звуки... Словом, все, по-видимому, шло как следует — весело, пьяно, но мирно. Как вдруг из какого-нибудь угла дворницкой раздавался ляг... пощечины, проделанной, по всем видимостям, богатырской пятерней на монументальном подбородке. Пирующие оглядываются — и вот какой-то кум, любовно обнявшись с какой-то кумой, выражает последней воодушевляющие его чувства такими необыкновенными манипуляциями, что у прекрасной половины компании волосы поднимаются дыбом... Бросаются к сцепившейся парочке... *его* хватают за шиворот, *ее* — за косы и тащат, каждый в свою сторону... Шум, крик, гам, плач, вой, проклятия и непечатное славословие. Стол опрокинут, посуда разбита, стекла в окнах трещат... Компания, бóльшая часть которой валяется на полу, изображает какую-то бесформенную массу... Дверь дворницкой выбивается — и бесформенная, ревущая и окровавленная масса выкатывается на мостовую двора»²⁴.

Даже злейший враг не отказал бы автору этих строк в наблюдательности; но какие «чувства» стоят за нею? Презрения? Высокомерного отвращения к пьяной разнузданности гоев? Напрашивается параллель (еще одна!) с автобиографическим повествованием Бен-Ами, созданным на двадцать лет позже. Одно из действующих лиц с ужасом глядит на пьяный дебош в корчме и твердит про себя: «Боже мой, ведь это же не люди, это животные»²⁵. Так вот: параллель — ложная, продолжение и завершение эпизода у Леванды не оставляет в этом ни малейшего сомнения. «Масса» по собственному почину «апеллирует к власти предержавшей»; городской появляется, выхватывает из массы

две «окровавленных глыбы» и волочит их в участок. «Впрочем, до участка дело редко доходило», потому что на пути был шинок, перед которым городской останавливался «для необходимой передышки»: Останавливалась и масса, которая успевала подняться на ноги и плелась, ин корпоре, вслед за городским. Кто-нибудь «из участвовавших в процессии входил в шинок, выносил кварту пива и подносил потрудившейся власти», после чего власть объявляла:

«— Да ну вас, ступайте спать, уже за полночь. А завтра — чтобы мне панели были чисто подметены и песочком густо посыпаны, потому гололедица будет. Ну, марш по домам и не шуметь.

— Доброй ночи! Доброй ночи! — говорят предстоящие и расходятся в разные стороны тихо, мирно.

Тихо, мирно возвращался и Михал со своими в свою полуразрушенную дворницкую и ложился спать — как ни в чем не бывало»²⁶.

Это и не презрение, и не отвращение — это ирония, и даже довольно снисходительная, далекая от сарказма.

(Вообще говоря, сколько мы можем судить, к сарказму Леванда прибегал редко, и то — лишь обличая «своих», не чужих»²⁷.)

Ирония — вот ключ к «симпатичности» Леванды, говоря нынешнему — к его жизненности, к тому, что у него может и должен быть читатель-друг и сегодня. Как и Осип Рабинович, его старший соратник, сотрудник, вместе с которым они заложили первые камни в фундамент русско-еврейской литературы, Леванда жив своей иронией²⁸. Без иронии и самая наблюдательность была бы украшением музейного экспоната, а не притягательною силою захватывающего рассказа.

Как диапазон иронии, так и кругозор иронического взгляда выясняются на любом конкретном примере. Останемся же в пределах «Двух семейных идиллий» и даже не станем выходить за рамки одной-единственной главы, совершенно статичной, к тому же не подвигающей действие ни на миллиметр, но, условно говоря, пейзажной — изображающей перчаточную мастерскую, куда поступает ученицей одно из действующих лиц повести.

«Начать с вывески. Над дверьми мастерской, к переулку, красовалась большая вывеска... только не перчаточника, а зо-

лотых дел мастера. И это потому, что, когда перчаточник открывал свою мастерскую, ему кста́ти случилось купить эту вывеску за баснословно дешевую цену, и он ее купил, разумеется, с намерением перемалевать ее на свой лад. Но исполнение этого намерения все откладывалось да затягивалось... Все, что перчаточник мог и успел сделать для того, чтобы вывеска не слишком вводила в обман публику, это — наклеить на самой середине ее силуэт перчатки из цветной бумаги и попросить грамотея, чтобы он снабдил силуэт соответствующей надписью». По малолетству и малограмотности грамотея над перчаткой появилась надпись мелом: **Пырцатка**, а под нею буквы: **Н.П.**, каковые должны были обозначить имя и прозвище хозяина мастерской, которого звали «Сроль Гритц». Грамотей, правда, и сам догадывался, что тут что-то неладно, «но, во-первых, он всегда находил, что буквы Н и П — самые красивые во всей азбуке, а во-вторых, эти буквы ему всегда лучше удавались, а потому он на них и остановился». Соседи потешались над Сролем и даже стыдили его, но он «всегда отвечал одно и то же, что ему-де, в сущности, никакой вывески и не нужно, потому что его заказчики знают и без вывески, где он живет; но так как вывеска есть не просит, то пусть висит себе, как есть; все-таки лучше что-нибудь, чем ничего».

От вывески Леванда переходит непосредственно к предметам одушевленным — к «персоналу мастерской», чудакам как на подбор. Хозяин обнаруживал весьма слабую склонность к своему ремеслу, «но очень сильную любовь, почти страсть к чтению», и в первую голову — к чтению газет по-еврейски (то есть на иврите), понимая едва-едва, с пятого на десятое, этакий еврейский вариант гоголевского Петрушки. При этом он совершенно был равнодушен к хронике внутренней жизни, вроде открытия больниц или драк в синагогах из-за почестей. Вот его на этот счет рассуждения: «И где только не дерутся в синагогах? И где так удобно драться, как в доме Божиим? Городового нет, протокола не составляют, к мировому не тащат. А руки чешутся — ну и вцепляешься в бороду того, в пейсы другого. Очень нужно печатать такие глупости! А что до больниц, то — открывай их или не открывай — бедному человеку все равно негде лечиться, потому все деньги на смотрителей и врачей уходят, а харчи фельдшера, сиделки и кухарки растаскивают; бедный же больной

лежи на койке и гляди на вентилятор, который воздух тебе доставляет: воздухом кормись, воздухом и лечись». Но и внешняя политика привлекала его с несколько неожиданной стороны: интерес его вызывали «не столько самые события, которые не касались его ни прямо, ни косвенно, сколько то необъяснимое обстоятельство, что вот «писари газет», т. е. редакторы, сидят, кажется, на одном месте, никуда не выезжая, а знают, что делается на всем свете», и даже предсказывают будущее, «кто с кем будет воевать, кто кого хорошенько поколотит и кто будет просить пардону».

Чудачка и супруга Сроля — Сося. Но ее чудачество — особого рода: она помешана на благотворительности, на бескорыстной помощи ближнему. Хотя подвиги Соси на поприще благотворительности «отвлекали ее от ее прямых обязанностей хозяйки, вследствие чего в доме всегда господствовал полнейший хаос», благотворительность в еврейской традиции — одна из высших, а у Пророков — безусловно высшая добродетель; иронизировать над нею вроде бы неловко, и действительно, в строках, посвященных Сосе, звучит скорее сентиментальность, нежели какая бы то ни было насмешка. Тем не менее иронические нотки вкрадываются и сюда — через простодушного Сроля, который не вмешивался в дела своей жены, «во-первых, потому что он сам был человек добрый, а во-вторых, во внимание к тому, что жена, со своей стороны, не мешала ему читать газеты.— Каждому свое,— говаривал он.— Моя Сося любит мицвес (благотворение) — пусть творит мицвес; я люблю читать газеты — и читаю. Человек человеку мешать не должен».

Сроля и Сосю Леванда представляет читателю как «положительный элемент в доме», а двух учеников перчаточника — как «элемент отрицательный со специальными оттенками». Но совершенно очевидно, что и саму эту аттестацию надо принимать как иронию.

Старая дева (в двадцать семь лет!) Добка, совсем не глупая и не бесчувственная, но бедная и некрасивая, озлоблена против всех и вся. Это естественно психологически и банально ситуационно. Ироничная наблюдательность Леванды открывает Добке отдушину: она находит утешение «в жаргонных (то есть на идише, на «жаргоне».— *Ш. М.*) песнях наших народных сатириков, юмористов и памфлетистов», которые бесстрашно и бесцензурно

называют все вещи своими именами и дают излиться всему, «что она, в глубине возмущенной души своей, имела сказать этому жестокому, глубоко испорченному, несправедливому и обижающему ее миру». Любимцем Добки был Элиакум Цунзер (1836—1913), бадхан, то есть профессиональный шут, развлекавший гостей на свадьбах и иных празднествах. (Заслуживает упоминания то, что и сам автор разделяет чувства своего персонажа — называет Цунзера «даровитым, прогрессивным, почти просвещенным», и это — невзирая на принципиальное для убежденного деятеля еврейского Просвещения и русификатора отрицание идиша. Леванда даже цитирует целую строфу из песни Цунзера *в оригинале*, но в латинской транслитерации; впрочем, он и вообще довольно часто вкрапывал в свой русский текст иноязычные слова и фразы, преимущественно из идиша и польского, когда латиницей, когда в русской транслитерации, когда с переводом, а когда и без него. Вкрапления такого рода характеризуют «письмо» не только Леванды, но значительного числа, может быть, большинства русско-еврейских писателей.)

В мастерской перчаточника Добка чувствует себя привольно, потому что поет целый день не закрывая рта. «Сроль Гритц ничего против этого не имел, потому что песни Добки никакого ущерба его дилетантству в перчаточном производстве не наносили; не имела ничего против этого и Сося, потому что она вообще редко бывала дома, будучи занята на стороне делами благотворения».

И наконец — Хонон, высокий, рябой, со «здоровенными мускулистыми руками» скорее кузнеца, чем перчаточника. В противоположность Добке, он был «молчалив и сосредоточен», что доставило ему прозвище «философа», каковым он к тому же и был на самом деле, мало того — вольнодумцем и опасным радикалом. Испортила его все та же «жаргонная» литература, только «Добка налегала на поэзию, а Хонон — на прозу». Далее Леванда уже «от себя», авторским судом и голосом судит и осуждает «большую часть» этой прозы за «бесшабашный радикализм», отравляющий «темную массу», готовую верить любому печатному слову, даже «праздному и кощунственному». Под этим пагубным влиянием Хонон мог бы превратиться в настоящего злодея, если бы не «его врожденная честность и инстинктивное отвращение ко злу, лжи и обману». Впрочем, в составе той же прозы попадаются «обдуманые произведения... просвещенных

жаргонистов», пропагандирующие производительный труд, и Хонон, пренебрегая сопротивлением родителей, решает стать ремесленником. Однако ни один порядочный мастерской в ученики его не берет: во-первых, он слишком «стар», во-вторых, с какой это стати «бахур», то есть неженатый молодой человек, изучающий Талмуд, вдруг надумал бросить ученые занятия и сделаться портняжкой или сапожником, и, в-третьих, мрачная, угрюмая физиономия Хонона и столь же угрюмая его молчаливость отпугивают. Единственное, что ему остается,— это поступить в «дилетантскую мастерскую» легкомысленного Сроля²⁹.

Привлекательность («симпатичность») повествования находится в прямой зависимости от уровня иронии, от интенсивности насмешливого авторского взгляда. Стоит насмешливости уступить, хотя бы частично, место иной какой-либо эмоциональной коннотации — проповеднической серьезности, гневу моралиста или просто нейтральной объективности,— и волей-неволей, при всей расположенности к Леванде, при всех читательских и иных симпатиях к нему, приходят в голову укоры, которые предъявляли писателю критики-современники. Из четырех фигур, представленных выше, самая «картонная» (или «деревянная») — Хонон, потому что все ироничное в ней сведено к несоответствию телесных качеств и ремесла; остальное — растлевающее влияние безответственных «жаргонистов», добрые природные задатки юноши, его путь из «бахуров» в ремесленники — вполне всерьез. А всего более доверия внушает Сроль: сквозь призму иронии подается все, включая добродушие перчаточника.

Это частное наблюдение вполне приложимо к художественному наследию Леванды в целом. Характеры, написанные без улыбки, без «смешинки», характеры, лишённые характерности (в театральном по преимуществу смысле слова), омертвели — не вызывают ни любви, ни ненависти, какой бы посыл они ни несли. Таков и Арнольд Бремен, просвещенец и просветитель, главный герой первой повести Леванды — «Депю бакалейных товаров», таков пресловутый «русификатор» Сарин из «Горячего времени», но таков, по сути, и непроходимо гнусный Илька Пруссак из «Большого ремиза». В самой еврейской жизни, однако, было слишком много характерного — странного, чудного, причудливо изломанного, а не то и прямо гротескного,— чтобы столь наблюдательный литератор, как Леванда, мог отдать предпочтение

неулыбчивой серьезности. Поэтому любопытно взглянуть, как обстоит дело в прозе, не связанной с реальной жизнью непосредственно, — в исторических повестях последнего периода жизни Леванды «Гнев и милость магната» и «Авраам Иезофович». Обе — как следует из авторских сносок-примечаний — основаны на сведениях, почерпнутых из сочинений польских и русских историков.

Вторая из них — беллетризованная биография крещенного (в православие) еврея, сделавшегося под конец жизни министром финансов Великого княжества Литовского. Леванда изображает этого вельможу конца XV и начала XVI в. своего рода мараном, почти чудом избегающим разоблачения. Фабула полна драматизма³⁰, и тон повествования — соответствующий: никаких шуток, никаких усмешек. Не исключено, что серьезности способствовала и патина глубокой старины. Вот для образца, дабы не быть голословным: «Таким образом пресловутый еврей Авраам Езофович... сошел с публичной арены, на которой он подвизался много лет с пользой для государства, с достоинством для себя и с честью для народа, которому он принадлежал по происхождению и которому оставался верен, даже когда стечением обстоятельств отдалился от него вероисповеданием»³¹.

Совсем другое дело — «Гнев и милость магната» с подзаголовком «Несвижская быль XVIII столетия». Быль-то она, возможно, и быль (Леванда ссылается на «исторический факт, приводимый польским историком В. А. Мацеевским»³²), но удивительно похожа на анекдот: князь Радзивилл, сиятельный владелец местечка, постановляет расстрелять всех евреев Несвижа из пушек — за то, что они не вышли его встречать, когда он после двухлетнего отсутствия возвращался в свой несвижский замок (евреи прозевали приезд магната, потом что он пришелся на Девятое Ава, день траура по разрушенному Иерусалимскому Храму, день поста и молитвы, который принято было проводить безвыходно в синагоге); евреев спасает от смерти хитрость ксендза и некоторое простодушие и легковерие самодура Радзивилла, который даже награждает своих евреев, как бы в виде компенсации за пережитые волнения и страхи.

Анекдотической фабуле отвечает анекдотическая же или скорее, пожалуй, праздничная, а быть может, и карнавальная атмосфера: приезд князя означает непрекращающийся пир для

всей окрестной шляхты и заработок для евреев, у которых эта шляхта находит кров, выпивку и закуску. В этой атмосфере все кажется ненастоящим, «невсамделишным», шутовским — и страдания, и сама кровь, готовая пролиться; поэтому нет и тревоги, что сумасбродный замысел Радзивилла будет приведен в исполнение, — кровь в шутовском действе исправно заменяется клюквенным или свекольным соком. В известной мере шутовской фигурой выглядит и магнат, несмотря на свирепость, отнюдь не шуточную. Крупица комического заключена во всех персонажах повести, не исключая и — говоря условно — второго протагониста, почтеннейшего реб Сахно, «своего жида» при князе Радзивилле. Тон этой всепроницающей комичности задан в самом начале — повесть открывается портретом «мужика Прокопа», который ни малейшей роли в фабуле играть не будет, и все же портрет стоит того, чтобы процитировать его *in extenso*:

«Что же касается нескольких чужих душ обоего пола, исправлявших в местечке разные черные работы, особенно же по субботам и праздникам, когда евреям строжайше запрещена всякая работа... то эти чужие так сжились с евреями, что последние считали их и могли считать все равно что *своими*. До такой степени своими, что, например, мужика Прокопа, истопника общественной бани, старика с почтенным патриаршим лицом и длинной седой бородой, некоторые, в особенности же дети, совсем не на шутку титуловали «реб Прокопом». И Прокоп так привык к этому почетному титулу, который он уже считал своею неотъемлемою собственностью, что когда какой-нибудь еврейский мальчуган, бывало, отнесется к нему запросто, он на него накинется:

— Ишь шейгец*! Дерех-эреца** не знает! Зокона*** не почитает! Будешь ты мешумедом****, как Бог свят! Такой сорвиголова с еврейством не сладит. Уж это верно.

(А в т о р с к и е п р и м е ч а н и я : *Пострел. **Приличие. ***Старец. ****Выкрест». Небезынтересно обратить внимание на то, что Леванда переводит простейшие слова, безусловно знакомые каждому еврейскому читателю в ту пору. Стало быть, адресатом его была вся читающая Россия, отнюдь не только еврейская ее часть.— Ш. М.)

Пить он по временам выпивал, и то только по субботам, когда он у обывателей снимал со стола подсвечники, за что в каждом

доме получал рюмку водки и ломтик кулича... отчего он к полудню бывал немножко навеселе и распевал «Гашомер-Шаббос» и «Иом-зе-Мехубод»...»³³

(А в т о р с к о е п р и м е ч а н и е : «Еврейские субботние застольные песни». — Ш. М.).

Добрая усмешка, с которой написан «оевреившийся реб Прокоп»³⁴, сохранится до конца повести. Может быть, — среди прочего, — оттого, что «несвижская быль» принадлежит к хорошо известному как средневековой еврейской литературе (на иврите), так и еврейскому фольклору (на идише) «жанру»: рассказу о гонениях и бедствиях. Бедствия (гезерóт, или, в восточноевропейском, ашкеназском произношении, гзэйрес) обычно бывали ужасны по последствиям, по исходу (изгнание из Испании, Хмельнитчина и сотни, тысячи иных), но случались и счастливые развязки, когда опасность рассеивалась вопреки худшим ожиданиям. Воспоминания о таких случаях, особенно те, что откладывались в преданиях и легендах, были полны ликующей благодарности Богу и светлого упования, что Он и в дальнейшем не оставит избранный Им народ Своими милостями и заступничеством. У Леванды этот благочестивый оптимизм оборачивается обращенной к будущему веселой улыбкой и чуть легкомысленной надеждой, что все устроится и образуется. Добавим, что и легкомыслие, и беспочвенные надежды составляют черты еврейского национального характера, каким он отразился и в народном творчестве, и у лучших наших писателей, на каком бы языке они ни писали.

Но добродушие — не в темпераменте Леванды, и даже в этой повести он хотя и редко, но вспыхивает, взрывается. Один из немногих взрывов заслуживает особого внимания. Князь откладывает казнь на три дня — и евреи ликуют. Комментарий Леванды, то есть от автора: «Евреям, приобретшим в своем многовековом рабстве чисто собачью натуру, так мало нужно, что их вполне можно удовлетворить и успокоить не только обглоданной костью, но даже подачкой, имеющей самое отдаленное сходство с костью. Из всего, что знаменует человека... у них остался только желудок, заботы о котором заглушают в них все, что должно озабочивать человека, кроме прямого удовлетворения желудка. Так это было с несвижскими евреями с лишком сто лет тому назад, так это есть с несвижскими и не несвижскими

евреями и по сей день. Влезши в собачью шкуру и чувствуя себя в ней, по-видимому, довольно комфортабельно, они с замечательным смирением переносят и собачье с ними обращение, потеряв, по-видимому, и самое понятие о лучшем, более человеческом отношении...»³⁵

На первый взгляд — обычный для Леванды приступ негодования, сарказм, как обычно у него, нацеленный в «своих». Но уподобление еврея собаке, точнее — принцу, злыми чарами обращенному в собаку, к середине 80-х гг. давно уже было общим местом благодаря знаменитому стихотворению Генриха Гейне «Prinzessin Sabbat» (1851). За тридцать лет до Леванды Осип Рабинович использовал эту метафору с прямой ссылкой на «одного из известных современных поэтов Германии»³⁶, и она могла уже навязнуть в зубах у мало-мальски начитанного русско-еврейского читателя. Вся хитрость в том, что, вступая в литературную игру с хорошо известным образом, Леванда меняет его эмоциональную окраску; у Гейне собака, вновь превращаемая принцессой Шаббат в принца, пользуется симпатией поэта и может рассчитывать на симпатию читателя; Леванда свою собаку презирует и то же чувство хочет внушить читателю. Ирония углубляется, становится многослойной и сложной, но в то же время и ослабляется, теряет в агрессивности, что, по нашему убеждению и разумению, идет на пользу художеству.

И в целом: ирония поднимает «Несвижскую быль XVIII столетия» до той художественной «отметки», которой «историческая повесть» об Аврааме Иезофовиче далеко не достигает.

Нам думается, что в этом частном наблюдении, в том сопоставлении двух последних повестей Льва Леванды можно — при всех скидках на субъективность — найти здоровые элементы ответа на вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи.

¹ *Вольнский А.* Бытописатель русского еврейства // Восход. 1888. № 9. С. 40 (2-я паг.).

² См.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Р., 1951. С. 67—68 (издание посмертное, текст датируется 1943 г.).

³ Еврейская библиотека. СПб., 1872. Т. 2. С. 78 и 146 (Ч. 3, гл. 1, 11); 1873. Т. 3. С. 33, 36, 55 (Ч. 4, гл. 5, 8).

⁴ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф.

И. А. Бодуэна де Куртене. СПб., 1912—1914. Изд. 4-е. Стлб. 1408. В предыдущих, дободуэновских изданиях — то же.

⁵ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1899. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 856.

⁶ Из переписки Л. О. Леванды / Публ. А. Е. Ландау // Еврейская библиотека. 1901. Т. 9. С. 58 (письмо Илье Залькинду от 19 февраля 1865 г.).

⁷ Четыре письма Л. О. Леванды / Сообщ. М. Каган // Восход. 1902. № 1. Стлб. 35 (письмо Маркусу Кагану от 15 окт. 1885 г.).

⁸ *Леванда Л. О.* Сон недоумевающего // Рассвет. 1882. № 31. Стлб. 1215.

⁹ *Леванда Л. О.* Летучие заметки // Рассвет. 1882. № 36. Стлб. 1409—1413.

¹⁰ Из переписки Л. О. Леванды // Еврейская библиотека. 1903. Т. 10. С. 62 (письмо С. Я. Цытрону от 17 июня 1886 г.).

¹¹ Именно так характеризует Францоza новейший исследователь его творчества: *Steiner C.* Karl Emil Frazos, 1848—1904. Emancipator and Assimilationist. N.Y., 1990. P. 2. И еще: «...Franzos's major works are largely unknown today to the reading public and the literary specialist alike» (P. X).

¹² См. нашу статью «Осип Рабинович» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2(6). С. 130 сл.).

¹³ Рассвет. Одесса, 1861. № 45. С. 729.

¹⁴ Еврейская библиотека. 1871. Т. 1. С. 38.

¹⁵ Вторая и третья части романа напечатаны в «Еврейской библиотеке». Т. II, 1872. Но отрывок из второй части появился (под заголовком «Жонд народовый и еврей») годом раньше, в 1871-м. в одесском еженедельнике «День». № 22.

¹⁶ Из переписки Л. О. Леванды // Еврейская библиотека. Т. 10. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ 1879, №№ 13, 15, 16; 1880, №№ 2, 4.

¹⁹ *Вольнский А.* Указ. соч. // Восход. 1889. № 1-2. С. 25—26 (2-я pag.).

²⁰ Русский еврей. 1880. № 32 — 1881. № 17 (отдельное издание — СПб., 1881).

²¹ «Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что многие предприятия затеваются с единственною целью — обанкротиться. Это своего рода спекуляция, к которой, к сожалению, очень часто прибегают еврейские торговцы второй руки. Но удивительнее и возмутительнее всего то обстоятельство, что эти банкроты ex professo не только не падают во мнении своих единоверцев, но продолжают пользоваться прежним почетом, даже прежним кредитом...» — «Депю бакалейных товаров». Ч. 1, гл. 6 (Рассвет. Одесса, 1860. № 20. С. 327). «Теперь многие купцы и торговцы стали банкротиться не потому, что обстоятельства их плохи, а потому, что они хороши, но им хочется, чтобы они были еще лучше. Теперь банкротство сделалось, просто-напросто, гешефтом, к которому, без зазрения совести, стали прибегать многие... А потому... весьма прискорбно видеть, с каким благодушием и снисхождением мы относимся к злостным банкротам, этим мошенникам и разбойникам, для которых не должно быть никакой пощады». — «Большой ремиз». Гл. 25 (Русский еврей. 1881. № 9. Стлб. 351).

²² Еврейская библиотека. 1873. Т. 4. С. 145 (2-я паг.).

²³ СПб., 1875 (под заголовком «За границей»).

²⁴ Восход. 1886. №3. С. 15—16.

²⁵ Детство. Ч. 2, гл. 9 (Книжки Восхода. 1905. № 9. С. 29—30).

²⁶ Восход. 1886. № 3. С. 16—17.

²⁷ Так было уже в самом первом беллетристическом тексте Леванды — «Депо бакалейных товаров», где появляется омерзительно карикатурный реб Шлеймелс. кагальный заправила и главный обскурант в городе N. В том же саркастическо-гротескном ключе подан Илька Пруссак (в «Большом ремизе») — торговец собственною дочерью. Сошлемся, наконец, на многие фельетоны «недоумевающего», подробно разбираемые и обильно цитируемые в статье первой.

²⁸ См. нашу статью «Осип Рабинович» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1(5). С. 143, 147; 1994. № 2(6), *passim*).

²⁹ «Две семейных идиллии. Параллель с натуры». Гл. 5 (Восход. 1886. № 4. С. 12—20).

³⁰ Заметим по ходу дела, что фабульно-сюжетное построение оставалось слабым местом Леванды до конца. В этом, едва ли не последнем своем беллетристическом произведении (окончено не ранее 1885 г.) он по-прежнему не справляется с развязыванием «узелков» и по-прежнему не считает нужным скрывать это от читателя. Вот пример: от изобличения в тайном исповедовании иудаизма Авраама спасает некий шляхтич, влюбленный в его супругу, но, как он сам проник в эту тайну, остается неизвестным, а о том, как проведаль, что на отдаленный фольварк, где Авраам собирался справлять еврейскую Пасху, готовится налет, сказано прямо: «Каким образом он о ней (то есть надвигающейся катастрофе. — *Ш. М.*) узнал — неизвестно, довольно того, что он узнал...» (Восход. 1887. № 6. С. 7).

³¹ Там же. С. 19.

³² Там же. 1885. № 6. С. 3.

³³ Там же. С. 4.

³⁴ Там же. № 9. С. 4.

³⁵ Там же. № 10. С. 24—25.

³⁶ См. нашу статью «Осип Рабинович» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2(6). С. 120—122).

ЕВРЕИ-СТУДЕНТЫ ИЗ РОССИИ В ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЭПИЗОД С СОЗДАНИЕМ РУССКОЙ ЧИТАЛЬНИ ВО ФРАЙБУРГЕ

Вспомним, однако, и тебе пришло в голову, что можно по примеру многих городов основать коллегия пожарников у никомидийцев. Вспомним, однако, что этой провинции, особенно ее городам, не давали покоя именно союзы подобного рода. Какое бы имя и по каким бы основаниям мы ни давали тем, кто будет вовлечен в такой союз, он в скором времени превратится в гетерию.

(Из Плиния)¹

15 июля 1903 г. в Высокий Сенат Университета им. Альберта Людвига во Фрайбурге поступило следующее прошение²:

«13 июня с. г. обучающиеся в Университете студенты из России приняли решение основать читательский союз. В учредительном собрании, принявшем соответствующее постановление, приняли участие следующие студенты университета г. Фрайбурга: Кровопусков³, Рубинштейн⁴, Монасзон⁵, Гавронский⁶, Иоффе⁷, Каммер⁸, Товбин⁹, Самойленко¹⁰, Гендельман¹¹, Лисицын¹², Штрисовер¹³, Арманд¹⁴. Собрание избрало подписавших это письмо в качестве Правления союза и поручило им обратиться в Высокий Сенат за необходимым для основания читательского союза разрешением. Ввиду того, что нами получены от собрания указанные полномочия, мы обращаемся в Высокий Сенат с просьбой предоставить нам искомое разрешение.

Избранные в Правление:

М. Рубинштейн, студент философии
К. Кровопусков, студент камералистики
И. Монасзон, студент медицины

15 июля 1903».

К прошению был приложен пятистраничный устав академического читательского союза учащихся из России. Вот его краткий пересказ.

Уставной целью союза объявлялось предоставление его членам возможности пользоваться интересующими их русскими газетами, журналами, научными и литературными трудами. Членом союза мог стать каждый студент университета, платящий членские взносы. Средства союза складываются из членских взносов, пожертвований и поступлений от диспутов, концертов, докладов и т. п., которые будут для этого устраиваться союзом. Высшим органом является собрание членов: регулярные собрания созываются в начале и конце каждого семестра, чрезвычайные собрания могут быть созваны по настоянию члена правления или не менее 5 членов союза в любое время кроме каникул. На регулярных собраниях избирается правление и заслушивается отчет ревизионной комиссии. Время и место проведения регулярных собраний определяется правлением, члены оповещаются заблаговременно за 8 дней (в случае чрезвычайных собраний — за 3 дня). Собрание правомочно лишь в присутствии половины находящихся во Фрайбурге членов союза. В случае отсутствия кворума заседание переносится на 9 дней и считается правомочным и при отсутствии кворума. Все изменения или дополнения к уставу, решения по имущественным вопросам, а также вопросы роспуска союза утверждаются квалифицированным большинством голосов ($\frac{3}{4}$). Все прочие вопросы — простым большинством голосов. Члены правления или ревизионной комиссии не могут председательствовать. Для выполнения всех решений собранием избирается правление в составе трех человек и сроком на один семестр. Ежели в случае недостатка средств дальнейшая работа союза будет признана невозможной, члены союза обязаны сохранить имеющееся в полном порядке до того момента, как деятельность союза может быть возобновлена. Если это не удастся, то библиотека поступает в распоряжение или университетской библиотеки Фрайбурга, или одной из русских библиотек за границей, или соответствующего института в России.

Высокий Сенат наложил резолюцию и зарегистрировал ее под № 1287 20 июля 1903 г. Резолюция, переданная через педеля¹⁵, гласила:

«Господину студенту философии М. Рубинштейну, проживающему здесь, в связи с его заявлением от 15 июля 1903 настоящим объявляется, что читательский союз обучающихся в местном университете россиян сомнителен на основании параграфа 30 академических предписаний¹⁶. Сенат находит нужным основание подобного союза запретить.

Подпись».

22 июля М. Рубинштейну было направлено и письмо за тем же номером, где сообщается об отказе — в «интересах дисциплины» — в разрешении такого союза. При этом, говорится в письме, не исключается возможность создания этого или аналогичного союза, но в служебном порядке и в случае преследования союзом исключительно литературных целей.

Но руководство университета этим не ограничилось. Уже 24 июля были сочинены и за подписью проректора господина тайного надворного советника профессора доктора Рихарда Шмидта¹⁷ в ректораты университетов Берлина и Лейпцига отосланы следующие (за № 1307) запросы:

«Ваше Превосходительство, позволяю себе справиться у Вас об имеющемся у Вас опыте в связи с библиотеками и литературными объединениями русских учащихся, особенно в вопросе возникновения на их базе очагов политической агитации».

Ответы не заставили себя ждать. Ректор Берлинского университета им. Фридриха Вильгельма в письме за № 1840 от 29 июля писал:

«На Ваше любезное письмо от 24 числа сего месяца низжайше отвечаю Вашему Превосходительству, что со стороны местных университетских властей объединения русских учащихся или вообще иностранных учащихся никогда не допускались. Участие в польских литературных объединениях для учащихся польского происхождения в нашем университете запрещено, ибо таковые, по нашему опыту, являются рассадниками политической агитации. Ваш ректор [фон] Гирке (Gierke)¹⁸».

В тот же день составлялся и ответ, несколько более про-
странный, из Лейпцига (за № 339):

«Ваше Превосходительство, нижайше отвечаю на Ваше письмо от 24/26 июля. Читален и читательских объединений [в Лейпциге] не имеется. Напротив, весной 1900 года образовалось русское академическое объединение, по предоставлении нам устава получившее [соответствующее] разрешение, поскольку целью объединения является самообразование и взаимопомощь его членов. При этом во время собраний совершенно исключаются какие бы то ни было дискуссии политического свойства. Это объединение, располагающее библиотекой и читальным залом, до сих пор не давало поводов действовать против него или отдельных его членов.

Достойно упоминания и то, что весной 1900 года один румынский учащийся нанес тяжелый урон местной [университетской] библиотеке, будучи уличен в воровстве книг на сумму 600 марок. С этого времени учащиеся из юго-восточных стран подвергаются со стороны наших библиотечных смотрителей наблюдению особенно острому. Также достойно упоминания совсем недавнее событие, а именно: студент-армянин причинил глубокую неприятность тем, что путем политических воззваний...

С искренним уважением,

д-р Вакс¹⁹, ректор университета».

Несколько другого мнения придерживались сами студенты. 10 октября 1903 г. Высокий Сенат получил письмо от представляющего правление читальни студента М. Рубинштейна. Это было вторичное прошение о разрешении ее все-таки открыть — с заверением не уклоняться от поставленных в уставе целей. «Такие библиотеки,— писал осведомленный проситель,— существуют в Карлсруэ, Гейдельберге, Галле, Берлине, Дармштадте, Мюнхене и Лейпциге, а в двух последних городах даже в виде академических союзов. Дружественное гостеприимство немецких университетов нами всегда высоко ценилось и уважалось. Мы надеемся, что Высокий Сенат выкажет нам доверие и даст испрашиваемое разрешение».

Судя по пометке на письме, Высокий Сенат означенное письмо рассмотрел 19 октября, дата же на ответе (4 ноября, письмо № 1789) — свидетельство очередного приступа задумчивости, неизбежно приводившей к решениям мудрым и взвешенным. И вот результат: в ответе сообщалось, что Сенат вновь обсудил этот вопрос и вновь вынужден отказать в испрашивае-

мом разрешении, и вновь по тем же причинам. И между прочим добавляется, что аналогичные объединения русских и вообще заграничных студентов никогда не разрешались и в других немецких университетах (в скобочках: например, в Берлине). Забавно, что в этом ряду Лейпциг, не вполне однозначный ответ из которого лежал перед Сенатом, даже не был упомянут!

Но, надо полагать, и студенты несколько кривили душой, когда брали на себя обязательства в политическом целомудрии. О чем свидетельствует следующий документ, имеющий касательство к этой истории. Это запрос за № 49599 от 18 ноября 1903 г. «в связи с арестом печатного материала», пришедший в университет уже из окружного ведомства (Grossh. Bezirksamt) Фрайбурга. Дело, связанное с запретом русского читательского союза, запрашивалось академическим Сенатом. Заметим, что ознакомление было во всяком случае продолжительным: дело с сопроводительной запиской было возвращено Сенату только 12 марта 1904 г.

...Прошло три года с момента первого обращения русского студенчества к руководству Фрайбургского университета. И вот 11 июля 1906 г. история с русской читальней начала раскручиваться заново. В новом Обращении по этому поводу сообщалось, что:

«12 июня с. г. обучающиеся во Фрайбургском университете им. Альберта Людвига учащиеся из России провели собрание, на котором постановили основать русскую академическую читальню. Единственную целью читальни должно стать предоставление ее членам возможности следить за важнейшими событиями и жизненными проблемами на их родине, за общественными условиями, литературой и наукой как в России, так и за ее рубежами — в той мере, в какой это позволят средства. Плата за границей за получение русских газет и журналов чрезвычайно и настолько высока, что фактически она не по карману ни одному из студентов. Действующая же читальня, напротив, получала бы их непосредственно из редакций бесплатно. Если Высокий Сенат в 1903 году на аналогичную просьбу о разрешении основать такую читальню ответил отказом на том основании, что читальня не будет придерживаться строго науч-

ных целей, то в настоящее время обстоятельства решительным образом изменились. Если Высокий Сенат в 1903 году ответил отказом на том основании, что аналогичное разрешение не давалось ни одним немецким университетом, то ныне и это не так. Такого рода читальни с разрешениями университетов существуют в университетах Шарлоттенбурга (открыта в 1905 году), в Мюнхене, в Карлсруэ, в Дармштадте и в других университетских городах. Ввиду всего этого указанное учредительное собрание, в котором участвовали господа кандидаты философии Минский²⁰, Франтов²¹, Яновский²², Бернадский²³, Шик²⁴ и Шпарлинский²⁵, кандидат юриспруденции Зингер²⁶, кандидаты медицины Десслер²⁷, Хиршберг²⁸, Каган²⁹ и Лившиц³⁰, студенты медицины Дружкин³¹, Каган³², Хейман³³ и др., решило вновь обратиться в Сенат с пожеланием об основании такой читальни. Собрание выбрало подписавших это письмо в Правление и уполномочило их вести все необходимые для этого дела. Прилагая при сем справки действующих в Германии аналогичных читален, получивших требуемые разрешения в покровительствуемых Великим герцогом [Баденским] высших учебных заведениях Карлсруэ и Дармштадта, а также принятый на собрании Устав читальни, просим Высокий Сенат адресовать испрашиваемое разрешение подписавшим это письмо.

Фрайбург в Брезгау, 11 июля 1906.

Б. Десслер, канд. мед., Якобиштрассе, 8
 М. Зингер, канд. юр., Бюргерверштрассе, 24
 Л. Минский, канд. кам., Бюргерверштрассе, 2».

Сенат вынашивал свой ответ добрые две недели. В письме на имя г-на канд. мед. Десслера за № 1424 от 26 июля 1906 г. читаем уже хорошо знакомое:

«Приложенные бумаги (очевидно, вышеупомянутые справки.— *П. Н.*) имеют касательство к техническим высшим училищам, где положение выглядит существенно иначе, чем в университетах. Поэтому академический Сенат не видит оснований вносить изменения в свою прежнюю и Вам известную позицию и должен поэтому в выдаче испрашиваемого разрешения на предполагаемое открытие русской академической читальни по ранее уже изложенным причинам и на этот раз отказать».

Следующее прошение поступило 11 декабря 1906 г.

На сей раз студенты решили обратиться коллективно. Промшение подписали: А. фон Витте³⁴, М. Юнге (Hugl?)³⁵, Б. Хиршберг³⁶, Л. Верховский³⁷⁻³⁸, Э. Хиршберг, Ф. Журнов(?)³⁹, И. Поляк⁴⁰, В. Жуховицкий-Зенгер⁴¹, С. Альтшуль⁴², И. Тер-Мовсесьянц⁴³, Р. Фридман⁴⁴, Гр. Гецов⁴⁵, Л. Кравец⁴⁶, П. Карлинский⁴⁷, А. Кацман⁴⁸.

Промшение сопровождалось очередным уставом, в котором, кстати, оговаривалось, что речь идет лишь о таких газетах, журналах и книгах, которые имеют в России вполне официальное хождение, как и то, что читальня закрыта для упражнений в политике.

Устав, как и следующий перечень российских газет и журналов, доставку которых предполагалось наладить, подписан тем же А. фон Витте⁴⁹:

1. Русское богатство / Ежемесячник, Петербург.
2. Товарищ / Газета, Петербург.
3. Речь / Газета, Петербург.
4. Русские ведомости / Газета, Петербург.
5. Образование / Ежемесячник, Петербург.
6. Былое / Ежемесячник, Петербург.
7. Народное обозрение / Газета, Петербург.
8. Сборник Знание / Альманах, Москва.
9. Volkszeitung (Народная газета) / Еврейская газета, Вильно.
10. Народное дело / Газета, Москва.
11. Московский студент / Журнал, Москва.
12. Право / Еженедельное издание, Петербург.
13. Баку / Газета, Баку.
14. Еженедельник рабочего / Еженедельное издание, Петербург.
15. Новое время / Консервативная газета, Петербург.
16. Еврейская жизнь / Еженедельное издание, Петербург.
17. Страна / Газета, Петербург.
18. Fraind / Еврейский журнал, Варшава или Вильно.
19. Россия / Официальная газета, Петербург.
20. Мир божий / Ежемесячник, Петербург.
21. Киевские отголоски (?) / Газета, Киев.

22. Московские ведомости / Консервативная газета, Москва.

23. Русское слово / Газета, Москва.

И вот — наконец-то! — положительный ответ получен: разрешение вырвано! Академический Сенат в письме за № 730 от 13 мая 1907 г. сообщает его высокоблагородию государственному советнику Альфонсу фон Витте, со ссылкой на между его высокоблагородием и бывшим проректором господином тайным надворным советником профессором доктором Хильмштедтом⁵⁰ имевшую место устную беседу, что академический Сенат решил основать русскую читальню при первом же за тем обращении и при условии, что им, фон Витте, на пару с господином профессором доктором фон Шульце-Геверниц⁵¹, будет осуществляться за означенной читальней контроль в устным образом оговоренном плане.

Не будем гадать о направлении контроля, столь беспокоившем Сенат: оно, надо полагать, было все тем же.

К сожалению, точной даты открытия читальни в деле не имеется. Зато имеется адрес — по-видимому, первоначальный (Roederstrasse, 6) — на украшенном собственной печатью списке 28 членов русской читальни в зимнем семестре 1907/08 гг. Там же — состав правления: Б. Анощенков-Федоровский⁵², Л. Элкинд⁵³ и И. Зандберг⁵⁴. Кроме них — студенты-медики Л. Финкельштейн⁵⁵, А. Фрадкин⁵⁶, Г. Гецов, Б. Хиршберг, Ф. Исерзон⁵⁷, Е. Каммер, Л. Кравец, А. Зандберг⁵⁸, И. Тер-Мовсесьянц, Р. Товбин⁵⁹, студенты-юристы — М. Гершман⁶⁰, С. Гинзбург⁶¹, Д. Ивенский⁶², М. Мильман⁶³ и М. Зингер, студенты-естественники И. Фрадкин⁶⁴, С. Юзбашьянц⁶⁵, М. Рындин⁶⁶ и В. Шмитц⁶⁷, студенты философского факультета — С. Гессен⁶⁸, Борис Яковенко⁶⁹ и А. Минор⁷⁰, студент камералистики (формально относившейся к философскому факультету) А. фон Витте, а также две дамы — фрау Р. Гецов и фрау Зингер⁷¹.

Согласно достигнутой договоренности, Альфонс фон Витте посылал Сенату записки, сохранившиеся в деле. Одна из них, зарегистрированная 20 июля 1908 г., содержит новый адрес русской читальни — Baederstrasse, 6, 1-й этаж, а также состав ее правления на зимний семестр 1907/08 гг., причем Б. Федоровский указан как президент, а в составе правления фигурирует также студент-медик Гершман⁷². Другая — к сожалению, недати-

рованная — фиксирует еще несколько перемен: и в адресе — Карлштрассе, 4а (в партере), — и в составе правления: тот же самый Анощенков-Федоровский и двое новеньких (оба медики) — Исерзон и Вольфсон (ответственный за получение на почте корреспонденции)⁷³.

В зимнем семестре 1908/09 гг. — 31 член, в правлении — уже упоминавшиеся А. Фрадкин и И. Зандберг, а также студент-медик И. Георгенбергер⁷⁴. Из новичков — медики А. Ашитков⁷⁵, Н. Гасан-Джалальян⁷⁶, фрейляйн Блох⁷⁷, фрейляйн Дермамдiker⁷⁸, А. Лозинский⁷⁹, фрау Маршалкович⁸⁰, Р. Нюрнберг⁸¹, фрейляйн Штейн⁸², фрейляйн Мазель⁸³, фрейляйн Либерман⁸⁴ и фрейляйн Литвин⁸⁵, а также химик Вл. Азеф⁸⁶.

Стабильного помещения так и не было. В списке по состоянию на 25 ноября 1908 г. указан адрес Baederstrasse, 13/1 и 31 член читальни: в правлении — фрау Каммер⁸⁷, медичка, Л. Кравец, Д. Ивенский и некто Юргенс⁸⁸, новички Д. Александров⁸⁹ и Нина Минор⁹⁰ с камералистики, медик Л. Рабинович⁹¹, а также М. Жиринский⁹², Роде⁹³, Роге⁹⁴, Дмитриев⁹⁵, А. Помус⁹⁶, Гордон⁹⁷ и Литурн⁹⁸ (факультет не обозначен).

В летнем семестре 1909 г. — опять новый адрес: Zaehringenstrasse, 17. Правление — А. Тихантовский⁹⁹, Ш.-Н. Рабинович¹⁰⁰, Вс. Назаревич¹⁰¹, общее число членов — 29, в том числе новички — Я. Гурвич¹⁰², А. Загряскин¹⁰³, А. Кахраманьянц¹⁰⁴, Спектор¹⁰⁵, фрейляйн Вольфсон¹⁰⁶, а также Нина Гессен (урожденная Минор)¹⁰⁷ — впрочем, она не новичок. Тогда же, согласно имеющемуся в деле заявлению правления от 14 июня 1909 г., сложилась и касса взаимопомощи русских студентов, в правление которой были избраны Х. Фрадкин¹⁰⁸, А. Тихантовский и И. Кучевский¹⁰⁹, а в ревизионную комиссию — А. Витте и Б. Кац¹¹⁰.

Еще один семестр — еще один переезд. В зимнем семестре 1909/10 гг. читальня размещалась в безалкогольной (Alkoholfrei) ресторане на Кайзерштрассе, 35. Число членов — всего 17, во главе — студент-юрист Ш.-Н. Рабинович, среди членов — И. Айзикс¹¹¹, М. Жиринский, В. Исакович¹¹², М. Сударский¹¹³, И. Клодницкий¹¹⁴, И. Кучевский, С. Фалкнер¹¹⁵, М.-Х. Мороз¹¹⁶ и И. Удальцов¹¹⁷.

В течение следующего года адрес не менялся, но заметно сократилось число членов (до 12 чел.). Во главе — слушатель юридического факультета Л. Слуцкий¹¹⁸, в правлении, кроме

него, И. Помус¹¹⁹, И. Алазанц¹²⁰ и Р. Фрадкин¹²¹; новички — Н. Цукерман¹²², М. Сударский, Ш. Зархи¹²³ и Я.-В. Захарин¹²⁴.

Затем — некоторый перерыв в сведениях: по-видимому, А. фон Витте завершил свое образование.

Следующие по времени данные — за летний семестр 1912 г. Изменился адрес (Loewenstrasse, 8), сменился и состав членов (28 чел.). Новый председатель — студент камералистики К. Ильский¹²⁵, новички — Бейлинзон¹²⁶, Хацкевич¹²⁷, Айникс¹²⁸, Г. Гольдберг¹²⁹, И. Яржомбек¹³⁰, Д. Княжанский¹³¹, А. Кулинер¹³², М. Ландсберг¹³³, И. Лихтенбаум¹³⁴, И. Маянц¹³⁵, А. Обершмуклер¹³⁶, Г. Торбецке¹³⁷, Б. Ченцов¹³⁸, И. Черницкий¹³⁹, Н. Хубуцпасок(?)¹⁴⁰, М. Корецкий¹⁴¹, Цигельман¹⁴², Явидович¹⁴³, Берлинер¹⁴⁴, Е. Кевес¹⁴⁵, Я. Минский¹⁴⁶, Ярошевский¹⁴⁷.

В зимнем семестре 1912/13 гг. (адрес неизвестен) — 34 члена, председатель — Г. Повецкий¹⁴⁸, в правлении — Б. Серебренник¹⁴⁹, А. Грановский¹⁵⁰, Берштейн¹⁵¹; новички — Завидович¹⁵², А. Таборисский¹⁵³, Б. Яновский¹⁵⁴, Демосфенов¹⁵⁵, Баумгартен¹⁵⁶, Бадер¹⁵⁷, Немировский¹⁵⁸, Шраер¹⁵⁹, С. Рубашев¹⁶⁰, И. Розовский¹⁶¹, Виленский¹⁶².

В летнем семестре читальня находилась по адресу Guentegarn(?), 51. И это, к сожалению, все, что мы о ней за этот год знаем.

В зимнем семестре 1913/14 гг. — 19 членов, председатель — философ Ш. Шраер, среди новичков — медики И.-М. Букштейн¹⁶³, А. Гершевич¹⁶⁴, Н. Каган¹⁶⁵, философ Д. Кахан¹⁶⁶, Д. Княжанский, С. Лившиц¹⁶⁷, Н. Шенфайн¹⁶⁸ и А. Виленчук¹⁶⁹, естествовед Б. Ромашов¹⁷⁰, химик И. Зив¹⁷¹.

И наконец, в летнем семестре 1914 г. в читальне насчитывалось всего 12 членов. Председательствовал С. Лившиц, новичок — В. Морейнис¹⁷².

Конец русской читальни при Фрайбургском университете, как и в других немецких университетах, положила первая мировая война.

Итак, из 11 лет существования читальни 4 года ушли на борьбу за ее регистрацию и 7 лет — на нормальную работу; читальня стала клубом русских студентов, не случайно при ней со временем зародилась и касса взаимопомощи русских студентов.

На этом можно было бы и закончить, если бы не еще одна история, не еще одно дело, хранящееся в университетском архиве Фрайбурга¹⁷³.

Речь на сей раз идет об открытии еще одной читальни для российских граждан — а именно для студентов-евреев из России. Чем была вызвана необходимость в отдельной читальне, сказать трудно, тем более что еврейские юноши всегда составляли ошутимое большинство в русской читальне.

Но, как бы там ни было, соответствующее прошение было подано 28 ноября 1912 г. Н. А. Цукерманом. В письме в канцелярию университета он сообщал, что 20 ноября 1912 г. был создан «Союз еврейских студентов из России», положение о котором, равно как и список его членов переданы в секретариат.

Далее следуют устав «Союза еврейских студентов из России во Фрайбурге/Брезгау» и список его 22 членов.

В правлении — три студента-медика: Яновский, Гитис¹⁷⁴ и Грановский. Большинство членов — также медики: Арианзон¹⁷⁵, Бадер, Берштейн, Бейлинзон¹⁷⁶, Н. Френкель¹⁷⁷, Грюнхольц¹⁷⁸, Хоффман¹⁷⁹, Кантор, Кулинер, Морейнис, Немировский, Захарин, Живов¹⁸⁰, Шенфайн, Серебренник, Таборисский, Черницкий, Цукерман, единственный не медик — философ Рубашев.

Как видим, в основном все больше знакомые лица...

Дальнейшее прослеживается из записей секретаря Сената.

Первая из них, датированная 2 декабря 1912 г., фиксировала решение вынести вопрос на ближайшее заседание. А вот запись от 7 декабря: «Сенат разрешил образование Союза с той оговоркой, что для объединения подбирается иное название и в параграф 4 Устава вносятся соответственные изменения. Прошу пригласить студента Цукермана (на полях: Яновского.— *Т. Н.*) на академическое заседание [Сената] 18 числа сего месяца утром от 10 до 12 часов».

Еще пометка, от 14 декабря 1912 г.: «Члену правления Яновскому были сообщены время и часы заседания Сената. Яновский даст еще одно пояснение».

«Фрайбург, 15 января 1913 г.

Пригласить студента Яновского на 17 число сего месяца от 10 до 12 часов утра на академическое заседание».

Фрайбург, 14 января 1913 г.

Яновский объясняет, что полностью отказывается от организации объединения. Вполне возможно, что заявление будет подано несколько позже. На данный момент достаточно возможностей и в Русском читальном зале.

Сенату было объявлено 22 января 1923 г.

¹ Император Траян пишет своему наместнику в ответ на его письмо № 33, в котором тот просит разрешения на создание союза пожарников (*Плиний // Сер. Литературные памятники. М., 1982. Кн. 1—10. С. 187*).

² Соответствующее дело хранится в: Uni-Archiv Freiburg, Rektorat-Akten, XIV 1b/2. Благодарим директора архива д-ра Шпека и сотрудницу архива фрау Клайпель за неоценимую помощь в розыске документов, д-ра Вилли Биркенмайера (Гейдельберг), д-ра Диттриха Дальмана (Фрайбург), д-ра Клауса Даме (Мюнхен), Дмитрия Зубарева (Москва), Габриэля Суперфина (Мюнхен) и д-ра Бернда Функа (Берлин) — за сообщенные ими сведения. Последнему, а также г-ну Адольфу Шмидту и г-ну Ф.-Й. Лайтхольду (оба — Фрайбург) мы обязаны также помощью в расшифровке трудночитаемых рукописных мест подлинника. Необходимо отметить, что первым материалы из указанного архивного комплекса в научный оборот ввел д-р Д. Дальман. См.: *Dahlmann D. Bildung, Wissenschaft und Revolution. Die russische Intelligencija im Deutschem Reich um die Jahrhundertwende // Intellektuelle im Deutschem Kaiserreich* (Hg. G. Huebinger, W. Mommsen). Fischer Taschenbuch Verlag, 1993. S. 148—150.

Приводимые ниже сведения о студентах из России, обучавшихся во Фрайбурге, почерпнуты в основном из ежесеместровых справочников «Verzeichnis der Beherden. Lehrer, Anstalten, Beamten und Studierenden auf der Grossherzoglich-Badischen Universitaet Freiburg» (к сожалению, справочник за летний семестр 1904 г. оказался нам недоступен). Повторные упоминания не комментируются. Для обозначения учебных направлений используются следующие сокращения: кам.— камералистика; мед.— медицина; мат.— математика; нат.— естественнонаучные дисциплины; фил.— философские дисциплины; хим.— химия; юр.— юриспруденция. Указываемые в пояснениях города обозначают место рождения студентов. Случаи нероссийского гражданства специально оговариваются. Отсутствие сведений о том или ином лице в указанных выше справочниках в большинстве случаев означает отсутствие у него матрикала (в список по этой причине и не могли попасть вольнослушатели и лица женского пола). Знак вопроса (в скобках) означает отсутствие, недостаточность или противоречивость имеющихся сведений.

³ Константин Кровопусков — Николаев, кам.

⁴ Моисей Рубинштейн — Иркутск, фил., во Фрайбурге — 5 семестров. В 1903/04 гг. учился в Гейдельберге. В 1906 г. во Фрайбурге защитил диссертацию на тему «Логические основы Гегелевской системы и конец истории». Автор перевода книги: *Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX века / Пер. М. Рубинштейна. М., 1910. По данным справочника «Научные работники Москвы». Ч. 4. Л., 1930, Моисей Матвеевич Рубинштейн родился*

15.06.1880 в с. Захарово Верхнеудинского уезда Забайкальской области. Работал заведующим Высших педагогических курсов при МВТУ, преподавал на Высших педагогических курсах при Тимирязевской сельскохозяйственной академии и на Высших литературных курсах. Специальности — философия, экспериментальная педагогика, педагогическая психология, философия педагогики.

⁵ Соломон Монозон (Monosohn) — Вильна, юр.

⁶ Яков Гавронский — Тамбов, мед.

⁷ Мойша Иоффе — Динабург, юр.

⁸ Евгений Каммер — Москва, мед.

⁹ Меир Товбин — Острог Волынской губ., мед.

¹⁰ Сведениями не располагаем.

¹¹ Сведениями не располагаем.

¹² Сведениями не располагаем.

¹³ Виктор Штрисовер — Сороки, мед.

¹⁴ Лев Арманд — Пушкино, фил.

¹⁵ Педель — смотритель за учащимися в средних и высших учебных заведениях.

¹⁶ Академические предписания (Akademische Vorschrift) — имеется в виду университетский устав.

¹⁷ Профессор-правовед Рихард Шмилт (1862—?) был ректором Фрайбургского университета в 1903/04 гг.

¹⁸ Отто фон Гирке (1841—1921) — ведущий правовед конца XIX в., сделавший себе имя многотомным трудом «Das deutsche Genossenschaftrecht» (1868—1913). С 1867 г. — приват-доцент и с 1871-го — заштатный профессор в Берлинском университете, с 1872 г. — профессор в Бреслау (Вроцлаве), с 1884-го — в Гейдельберге, с 1887 г. — снова в Берлине, ректор университета в 1902/03 гг. Заметим, что сведения, сообщенные им коллеге из Фрайбурга, не вполне точны. Русской читальни как таковой, может быть, в Берлине в описываемое время и не было, но существовало (в 1902 г. во всяком случае) Русское литературно-научное объединение (Russischen literarischwissenschaftliche Verein), за членами которого велось негласное полицейское наблюдение (список см. в: Archiv der Humboldt-Universitaet, Berlin, № 3079 (Universitaet-Richter. Acta miscellanea), а также № 3095 (Studierende aus Russland-Geheim!).

¹⁹ Сведениями об этом ректоре не располагаем.

²⁰ Лев Минский — Сувалки, кам.

²¹ Александр Франтов — Бежецк, фил.

²² Венцель Яновский — Педракау (Pedrakau), нат [?].

²³ Сведениями не располагаем.

²⁴ Михаил Владимирович Шик (1887—1937) — Москва, фил. См. о нем — «Звенья». М., 1992. Вып. 2. С. 308—309.

²⁵ Герш Шпарлинский — Ростов, фил.

²⁶ Михаил Зингер — Петербург, юр.

²⁷ Бернгард Десслер — Либава Курляндской губ., мед.

²⁸ Эрих Хиршберг — гражданин Пруссии, Одесса, юр.

- ²⁹ Жайх (Jeih) Каган — Режица, мед.
- ³⁰ Зельман Лившиц — Винница, мед.
- ³¹ Александр Дружкин — Ташкент, мед.
- ³² Наум Каган — Санкт-Петербург, мед.
- ³³ Александр Хейман — Либава, мед.
- ³⁴ Альфонс фон Витте (Alfons Vitte) — Санкт-Петербург, кам. Находился в родстве с российским премьер-министром С. Витте. Приехал во Фрайбург, будучи, по сведениям Дальмана, отставным присяжным поверенным.
- ³⁵ Сведениями не располагаем.
- ³⁶ Бернгард Хиршберг — Гольдинген Курляндской губ., мед.
- ³⁷⁻³⁸ Сведениями не располагаем.
- ³⁹ Сведениями не располагаем.
- ⁴⁰ Иосель Поляк (Poljack) — Слуцк, мед.
- ⁴¹ Сведениями не располагаем.
- ⁴² Соломон Альтшуль — Либава, фил.
- ⁴³ Иоаннес Тер-Мовсесьянц — Шикагох (Schikahoch) (?), мед.
- ⁴⁴ Рафаэль Фридман — Сувалки, мед.
- ⁴⁵ Григорий Гецов (Getzow) — Санкт-Петербург, мед.
- ⁴⁶ Лев Кравец — Симбирск, мед.
- ⁴⁷ Пауль Карлинский — Нежин, мед.
- ⁴⁸ Абрам Кацман — Ростов, мед.
- ⁴⁹ Проверка фондов Фрайбургской университетской библиотеки не выявила наличия ни одного из нижеследующих наименований печатных органов, приобретение которых библиотекой хотя бы датировалось началом века (сообщено Ф.-Й. Лайтхольдом).
- ⁵⁰ Д-р Франц Хильмштедт (Hilmstedt) — тайный надворный советник, профессор физики, кавалер ордена Льва первой степени, в 1907 г.— проректор Фрайбургского университета.
- ⁵¹ Д-р Герхард фон Шульце-Геверниц (Schulze-Gaevernitz) — профессор экономики (Volkswirtschaftlehre) Фрайбургского университета.
- ⁵² Борис Анощенков-Федоровский — Москва, кам.
- ⁵³ Лев Элкин — Смоленск, фил.
- ⁵⁴ Иосиф Зандберг — Вильна, юр. (в документах читальни, однако, значит-ся, что он студент-медик).
- ⁵⁵ Лазарь Финкельштейн — Ковно, мед.
- ⁵⁶ Абрам Фрадкин — Прилуки Полтавской губ., мед.
- ⁵⁷ Федор Исерзон — Полоцк, мед.
- ⁵⁸ Альберт Зандберг — Вильна, мед.
- ⁵⁹ Рахмель Товбин — Киев, мед.
- ⁶⁰ Матиуш Гершман — Витебск, юр.
- ⁶¹ Симон Гинзбург — Бобруйск, юр.
- ⁶² Давид Ивенский — Ковно, юр.

- ⁶³ Мордухай (Мордко) Мильман — Кишинев, юр.
- ⁶⁴ Илья Фрадкин — Прилуки, нат.
- ⁶⁵ Семен Юзбашьянц — Шуша, нат.
- ⁶⁶ Михаил Рындин — Петербург, нат.
- ⁶⁷ Вольдемар Шмитц — гражданин Пруссии, Москва, нат.
- ⁶⁸ Сергей Гессен (16.8.1887—1950) — Усть-Сысольск, фил. Дипломную работу под названием «Об индивидуальной причинности» защищал в 1909 г. во Фрайбурге у Риккерта. Докторскую степень получил в 1913 г. в Санкт-Петербурге, профессор философии в Томске (1917—1921) и Петрограде (1921—1922), в 1922 — выслан в Германию.
- ⁶⁹ Борис Яковенко — Москва, фил.
- ⁷⁰ Алексей Минор — Москва, нат./фил.?
- ⁷¹ Сведениями относительно обеих не располагаем. Предположительно жены или сестры, соответственно, Гр. Гецова и М. Зингера (см. выше).
- ⁷² Сведениями о Гершмане-медики не располагаем, однако в это время учился Матиуш Гершман — юрист (см. выше).
- ⁷³ Иными сведениями не располагаем.
- ⁷⁴ Исидор Георгенбергер — Фастово, мед.
- ⁷⁵ Анатолий Ашитков (Aschitkow) — Смоленск, мед.
- ⁷⁶ Сведениями не располагаем.
- ⁷⁷ Сведениями не располагаем.
- ⁷⁸ Сведениями не располагаем.
- ⁷⁹ Александр Лозинский — Бобруйск, мед.
- ⁸⁰ Сведениями не располагаем.
- ⁸¹ Рафаэль Нюрнберг — Аккерман Бессарабской губ., мед.
- ⁸² Сведениями не располагаем.
- ⁸³ Сведениями не располагаем.
- ⁸⁴ Сведениями не располагаем. Предположительно — сестра Давида Либмана из Риги, мед.
- ⁸⁵ Сведениями не располагаем.
- ⁸⁶ Владимир Азеф (Asef) — Ростов, хим. В 1904—1906 — член боевой организации эсеров, занимался изготовлением взрывных устройств.
- ⁸⁷ Сведениями не располагаем. Возможно, жена Е. Каммера (см. выше).
- ⁸⁸ Сведениями не располагаем.
- ⁸⁹ Давид Александров — Старый Быхов Могилевской губ., юр.
- ⁹⁰ Сведениями не располагаем. По всей видимости, сестра А. Минора (см. выше).
- ⁹¹ Левин Рабинович — Рига, мед.
- ⁹² Мориц Жиринский (Zirinski) — Слоним, юр.
- ⁹³ Сведениями не располагаем.
- ⁹⁴ Сведениями не располагаем.
- ⁹⁵ Сведениями не располагаем.

- ⁹⁶ Арон Помус — Чита, юр.
- ⁹⁷ Сведениями не располагаем.
- ⁹⁸ Сведениями не располагаем.
- ⁹⁹ Аншель Тихантовский — Витебск, мед.
- ¹⁰⁰ Шруль-Ноах Рабинович (не путать с Левином Рабиновичем) — Прилуки, юр.
- ¹⁰¹ Всеволод Назаревич — Гуровцы, хим.
- ¹⁰² Яков Гурвич — Москва, мед.
- ¹⁰³ Алексей Загряскин — Москва, мед.
- ¹⁰⁴ Арташес Кахраманьянц — гражданин Персии, г. Урмия, мед.
- ¹⁰⁵ Сведениями не располагаем.
- ¹⁰⁶ Сведениями не располагаем. Впрочем, было бы естественно предположить, что эта дама и ответственный за сношения с почтой в составе правления читальни в июле 1908 г. (см. выше) — одно и то же лицо.
- ¹⁰⁷ Нина Гессен — она же Н. Минор (см. выше) — по всей видимости, вышла замуж за С. Гессена (см. выше).
- ¹⁰⁸ Сведениями не располагаем.
- ¹⁰⁹ Иосиф Кучевский — Сувалки, мат.
- ¹¹⁰ Борис Давидович Кац (Камков) — Кобыльня, юр. Согласно «гейдельбергскому» матрикулу, Борис Давидович Кац родился 20.05.1883. В 1909 г. в Гейдельберге он защитил дипломную работу на тему «Проблема свободы воли и уголовное право» у профессора Лилиенталя. В дальнейшем — видный левый эсер, деятель июльского 1918 г. мятежа, член первого и последнего послеоктябрьского коалиционного правительства. См. примечания к опубликованным В. Захаровым (А. Рогинским) воспоминаниям Б. А. Бабиной «Февраль 1922» (Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1986. Вып. 2. С. 39—43).
- ¹¹¹ Иосиф Айзикс — Винница, мед.
- ¹¹² Вульф Исакович — Рига, мед.
- ¹¹³ Мендель Сударский — Вистинец, мед.
- ¹¹⁴ Иоганн Клодницкий — Гатчина, нат.
- ¹¹⁵ Соломон Фалкнер — Таганрог, кам.
- ¹¹⁶ Мошко-Хайм Мороз — Малин, фил.
- ¹¹⁷ Иван Удадьцов (von Udaltzoff) — Москва, фил.
- ¹¹⁸ Лев Слуцкий — Полтава, юр.
- ¹¹⁹ Иосиф Помус — Чита, мед. По всей видимости, младший брат Арона Помуса (см. выше).
- ¹²⁰ Сведениями не располагаем.
- ¹²¹ Рувим Фрадкин — Прилуки, нат. По всей вероятности, брат Абрама Фрадкина (см. выше).
- ¹²² Николай Цукерман — Ровно, мед.
- ¹²³ Шмерка Зархи — Витебск, мед.
- ¹²⁴ Якоб-Вольф Захарин — Гомель, мед.
- ¹²⁵ Конрад Ильский — Варшава, кам.

- 126 Сведениями не располагаем.
127 Сведениями не располагаем.
128 Сведениями не располагаем.
129 Гораций Гольдберг — Одесса, мед.
130 Исаак Яржомбек (Jarzombek) — Плоцк, мед.
131 Давид Княжанский — Тальное, мед.
132 Абрам Кулинер — Луцк, мед.
133 Марсель Ландсберг — Томашов, мед.
134 Исаак Лихтенбаум — Варшава, мед.
135 Иосиф Маянц (Majantz) — Гомель, мед.
136 Арон Обершмуцлер — Керчь, мед.
137 Георг Торбецке (Thorbeske) — Москва, мед.
138 Борис Ченцов — Болхов, мед.
139 Исаак Черницкий — Балки, мед.
140 Сведениями не располагаем.
141 Моисей Корецкий — Екатеринослав, мед.
142 Сведениями не располагаем.
143 Сведениями не располагаем.
144 Селик Берлинер — Ботцка (Botzka) (может быть, Борзна Черниговской губ.?), мед.
145 Енох Кевес — Вильна, мед.
146 Яков Минский — Сувалки, мед.
147 Сведениями не располагаем.
148 Георгий Повецкий — Гомель, мед.
149 Борис Серебренник — Одесса, мед.
150 Абрам Грановский — Фолештадт (может быть, Феллин Лифляндской губ.?), мед.
151 Соломон Берштейн — Бричаны, мед.
152 Вольф Завидович — Брест-Литовск, мед.
153 Александр Таборисский — Ковно, мед.
154 Борис Яновский — Петербург, мед. (в списке членов указано, что он юрист — ?).
155 Сведениями не располагаем.
156 Герш Баумгартен — Петркув, мед.
157 Лев Бадер — Керчь, мед.
158 Борис Немировский — Екатеринослав, мед.
159 Шмуль Шраер (Schraer) — Славута, фил.
160 Соломон Рубашев — Мир., фил.
161 Иосиф Розовский — Мир., мед. (или: Меир-Якоб Розовский — Режица, мед.).
162 Илья Виленский — Бобруйск, мед.

- ¹⁶³ Ихиль-Михель Букштейн (Ichil-Michel Bukstein) — Прилука, мед.
- ¹⁶⁴ Арон Гершевич — Витебск, мед.
- ¹⁶⁵ Нуссин Каган — Васильков, мед.
- ¹⁶⁶ Давид Кахан — Майшаголи (Meichagoly), фил.
- ¹⁶⁷ Соломон Лившиц — Игумен, мед.
- ¹⁶⁸ Нехамя Шенфайн — Волковинцы (может быть, Волковыск Гродненской губ.?), мед.
- ¹⁶⁹ Александр Виленчук (Wilentschuk) — Брянск, мед.
- ¹⁷⁰ Борис Ромашов — Тальце, нат.
- ¹⁷¹ Иосиф Зив — Шавли Ковенской губ., хим.
- ¹⁷² Вольф Морейнис — Вахновка, мед.
- ¹⁷³ Uni-Archiv Freiburg, Rektorat-Akten, XIV 1b/11.
- ¹⁷⁴ Иосиф Гитис — Бровки, мед.
- ¹⁷⁵ Енох Арианзон — Алексоти (Alexoti) (может быть, Алешки Таврической губ.?), мед.
- ¹⁷⁶ Сведениями не располагаем.
- ¹⁷⁷ Неемия Френкель — Москва, мед.
- ¹⁷⁸ Исаак Грюнхольц — Меджибож, хим.
- ¹⁷⁹ Израэль Хоффман — Керчь, мед.
- ¹⁸⁰ Сведениями не располагаем.

Т. Айзикович (Нетания, Израиль)

О РОЛИ ЕВРЕЕВ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ И ДЖАЗОВОЙ МУЗЫКИ

Револуция 1917 г. вызвала к жизни художественный процесс, в котором еврейские творческие силы участвовали особенно широко. Значительна роль евреев и в области советской популярной и джазовой музыки.

Популярная музыка России начала нашего столетия была представлена городским и крестьянским фольклором, революционными песнями, русскими, цыганскими и псевдоцыганскими («жестокими») романсами, музыкой водевилей, варьете, кабаре, а также «парковой» музыкой духовых оркестров.

В 20-е гг., период плюрализма и эстетической полифонии, радикально настроенные слои творческой интеллигенции (в том числе еврейской) обращались к экспериментальным формам искусства, в частности к американской мюзик-холльной эстраде и джазу. Они способствовали адаптации новой музыки на советской почве и ее синтезу с национальными песенно-танцевальными и бытовыми традициями. Благодаря этому СССР включился в общеевропейский процесс формирования международной популярной и джазовой музыки.

В этот период зарождаются три основных направления популярной инструментальной музыки, представленной: эксцентрическими шумовыми оркестрами, «театрализованными джазами», оркестрами «концертного джаза».

Основоположником первого направления стал поэт-декадент Валентин Парнах. Под впечатлением слышанного им в Париже концерта негритянского джаз-банда Луиса Митчела Парнах создал в 1922 г. первый в России эксцентрический шумовой оркестр (все инструменты были привезены им из Парижа). Премьера состоялась в Москве в Государственном институте театрального искусства 1 октября 1922 г. Необычная музыка, «экзотические» инструменты, эксцентричность исполнителей, демонстрация модных американских танцев, лекция о джазе¹ —

все это вызвало чрезвычайный интерес аудитории, среди которой присутствовали выдающиеся деятели российской культуры: Всеволод Мейерхольд, Сергей Эйзенштейн, Касьян Голейзовский, Николай Фореггер и др. В течение трех лет джаз-банд В. Парнаха с неизменным успехом выступал в спектакле «Д. Е.» (по одноименному роману И. Эренбурга), поставленном в Театре Вс. Мейерхольда².

И в дальнейшем эксцентрическая шумовая музыка использовалась преимущественно в театральных постановках, но она также входила и в репертуар военных оркестров, лучшим из которых был признан коллектив Семена Чернецкого — композитора, дирижера, организатора первых советских военных оркестров и военно-музыкальных школ.

Основоположником второго направления стал Леонид Утесов (Вайсбейн). В 1929 г., после поездки в Берлин и Париж, он создал отечественный вариант музыкального представления — синтез традиций мюзик-холла, уайтменовского симфоджаза с советской массовой песней и бытовой музыкой.

Утесов — крупнейшая фигура в советской популярной музыке. Выдающийся эстрадный актер, певец, он был кумиром публики, пользовался безграничной популярностью и народной любовью. За свою долгую творческую жизнь Утесов спел более семисот песен. Он был в числе первых исполнителей лирической эстрадной песни, рассказов советских писателей, впервые представил, активно пропагандировал на профессиональной сцене массовую песню и умел ее исполнить так, что она становилась фактом общественной жизни.

Особый этап творчества Утесова — содружество с выдающимся композитором и аранжировщиком Исааком Дунаевским. Обладая редким мелодическим даром, способностью органично синтезировать элементы отечественной, западной популярной музыки и джаза, высоким профессионализмом, он создал новый тип советской популярной музыки, названный Утесовым «песенным джазом»³. Композитор всегда был открыт новым идеям. Вместе с Утесовым он внес большой вклад в становление советского мюзик-холла. Дунаевский первым обратился к жанрам рапсодии и фантазии на популярные темы, которые в дальнейшем заняли важное место в репертуаре эстрадно-симфонических оркестров⁴. Его перу принадлежит музыка к первому

советскому киномузыклу «Веселые ребята» (где снимался Утесов и его оркестр), открывшему новое направление музыкального кинематографа⁵.

Успеху двадцати пяти программ-ревю, поставленных Утесовым, во многом способствовал эстрадный оркестр. Среди инструменталистов процент музыкантов-евреев был неизменно высоким. Так, из десяти участников первого состава «Теа-джаза» их было восемь: Я. Скоморовский, Я. Ханин (труба), И. Гершкович (тромбон), Г. Ратнер, И. Зелигман, М. Батхен (саксофон), А. Скоморовский (фортепьяно), З. Фрадкин (ударные инструменты). В последние годы в оркестре работали: А. Котлярский, А. Ривчун (саксофон), И. Фрадкин (тромбон), С. Гольдберг, Вл. Тартаковский (труба), Л. Кауфман, М. Окунь, Л. Чижик (фортепьяно), А. Капцан, В. Шаинский (скрипка), Л. Лубенский (ударные инструменты), А. Островский (аккордеон, аранжировка) и др.

Способность адаптироваться к общественно-политической ситуации, чутко улавливать дух времени помогла Утесову сохранить оркестр и бессменно руководить им в течение 45 лет.

По пути создания «теа-джазов» пошли и другие. Среди них наиболее известны Борис Ренский, Эдуард Кемпер, Яков Розенфельд.

Третье направление популярной инструментальной музыки по своим целям было родственно американской свит-джазовой и симфонической музыке с ее традицией «оджазирования» классического и популярного песенно-танцевального репертуара.

«Ленинградская джаз-капелла» была детищем пианиста-любителя Георгия Ландсберга. По образованию инженер-теплотехник, он после революции работал в Праге и в течение нескольких лет играл в чешских ансамблях. С 1925 по 1935 г. Ландсберг последовательно сформировал три состава оркестра. Он воспитал целую плеяду мастеров-инструменталистов, способствовавших становлению многих ленинградских эстрадных и джазовых оркестров.

Один из виднейших представителей этого направления — трубач-виртуоз Яков Скоморовский. Он закончил Петербургскую консерваторию со званием лауреата. В дальнейшем работал солистом симфонического оркестра Императорского русского театра музыкальной драмы, Ленинградского Малого театра опе-

ры и балета, оркестра филармонии. В 1929 г. Скоморовский совместно с Утесовым создал «Теа-джаз», а в 1930 г.—«Концертный джаз-оркестр», который, по общему мнению, был лучшим ленинградским оркестром 30—40-х гг. И. Дунаевский считал его наиболее профессиональным студийным коллективом и приглашал «озвучивать» музыку к кинофильмам «Волга-Волга», «Цирк», «Вратарь», «Искатели счастья», «Девушка спешит на свидание». Аранжировщиком оркестра был пианист и композитор Илья Жак.

Крупнейшей фигурой «Концертного джаза» является А.Цфасман, выпускник Московской консерватории по классу профессора Ф. Blumenфельда. Свой первый ансамбль «АМА-джаз» он организовал в 1927 г. Это был первый эстрадно-инструментальный коллектив, выступивший по радио (1928) и записавшийся на граммпластинки. В дальнейшем Цфасман возглавлял ряд московских оркестров. Наиболее важная веха его творчества — руководство джаз-оркестром Всесоюзного радиокомитета (1939—1946). Цфасман создал оркестр, не уступающий по уровню лучшим европейским составам. Американская газета «Variety» писала, что в случае приезда этого оркестра на родину джаза «Бродвей обогатился бы лучшими исполнителями знакомой музыки». Бенни Гудмен исполнил «Интермеццо» для кларнета и джаз-оркестра Цфасмана и записал на граммпластинку.

В оркестрах, которыми руководил Цфасман, работало много известных музыкантов-евреев; саксофонисты А. Ривчун, Э. Гейгнер, И. Хазановский, Б. Лернер; трубачи М. Фрумкин, М. Савыкин; тромбонист И. Давид, гитаристы М. Ланцман и Б. Фельдман, контрабасист А. Розенвассер, скрипачи Г. Фридгейм, И. Робей, Г. Кемлин, Э. Лейвайт, Л. Беймшлаг, пианист и аранжировщик М. Гинзбург и др.

Выдающийся пианист-энтертейнер, композитор, аранжировщик, педагог, Цфасман наиболее активно и профессионально внедрял элементы джаза в советскую эстрадную инструментальную музыку.

Эдди Рознер со своим биг-бэндом прибыл в Советский Союз из оккупированной фашистами Польши в 1939 г. Первоначально оркестр обосновался в Минске и получил название джаз-оркестра Белоруссии. Э. Рознер — артист широчайшего диапазона: режиссер, шоумен, дирижер, композитор, трубач, скрипач. Он привнес на советскую музыкальную эстраду принципиально иной

уровень сценической эстетики и профессионализма. Этот оркестр заметно отличался от других, так как «чисто» советские эстрадные коллективы, при всей талантливости их участников, несли печать тех социальных и культурных условий, в которых они существовали. Внешний лоск и умение держаться на сцене, виртуозные соло Рознера, напоминавшие манеру Л. Армстронга,— это было новым и неожиданным для советской музыкальной культуры тех лет. Рознер вместе с Генриком Варсом — блестящим джазовым музыкантом, также прибывшим из Польши и «осевшим» со своим оркестром во Львове⁶,— впервые привезли в СССР подлинные американские аранжировки для биг-бэнда.

Первый состав оркестра Рознера целиком состоял из евреев. В послевоенные годы Рознер возглавил джаз-оркестр в Москве. В нем работали Ю. Бельзацкий (муз. рук.), Г. Гольштейн (саксофон), Д. Голощекин (фортепьяно), В. Терлецкий (аранжировщик), А. Симоновский (ударные инструменты) и др.⁷ В конце 30-х гг. были организованы эстрадные оркестры Д. Покрассом в Москве и Г. Петербургским⁸ в Белостоке.

Возвращаясь к 20-м гг., хочется отметить, что в этот период зарождались и новые для СССР музыкально-сценические жанры.

Наиболее ярким образцом мюзик-холла стал московский «Показательный театр» (1926), главным режиссером которого был Давид Гутман. В своих постановках «Чудо двадцатого века», «100 минут репортера», «Туда, туда, где льды», «С неба свалились» он смог объединить опыт русских театров-кабаре «Кривое зеркало», «Летучая мышь» и традиции западных мюзик-холлов с их системой «звезд», синхронной эстрадной физкультурой и хореографией.

В 1927 г. состоялась премьера первой российской оперетты «Женихи» И. Дунаевского в постановке основателя, режиссера и знаменитого актера Московского театра оперетты Григория Ярона.

Параллельно с этим шел процесс формирования массовой песни. Первые авторские песни «Марш Буденного» братьев Покрасс и «Авиамарш» Юрия Хайта были написаны еще в 20-х гг. Классические образцы жанра появились в первой половине 30-х гг., и до второй половины 50-х гг. массовая песня не только доминировала в песенном жанре, но и входила в репертуар

ведущих эстрадных исполнителей и оркестров. Среди наиболее ярких и самобытных песен немалое число принадлежит перу еврейских композиторов⁹, среди них «Марш веселых ребят», «Песня о Родине», «Марш энтузиастов», «Летите, голуби» И. Дунаевского, «Орленок» В. Белого, «Катюша», «В путь-дорожку дальнюю», «В лесу прифронтовом» М. Блантера, «Москва майская» Д. Покрасса, «Комсомольцы-добровольцы», «За того парня» М. Фрадкина, «Так нам сердце велело», «Зори московские», «Пусть всегда будет солнце» А. Островского, «Хотят ли русские войны», «Я люблю тебя жизнь» Э. Колмановского, «На безымянной высоте», «С чего начинается Родина» В. Баснера и др.

К концу 50-х гг. в советском искусстве усиливается интерес к индивидуальному началу, к человеческой личности. В песенном жанре получает приоритет разноплановая сольная и ансамблевая песня. Ее музыкальный язык сформировался на основе российской массовой и популярной музыки, европейской и американской музыкальной эстрады и джаза, а также на музыке идиш и ее упрощенной модификации, бытовавшей в специфической социальной среде, так называемом блатном фольклоре, центром которого была Одесса.

Всплеск одесской «субкультуры» пришелся на 20—30-е гг. С одной стороны, она родила блестящую плеяду еврейской творческой интеллигенции: И. Бабеля, И. Ильфа, Э. Багрицкого, П. Столярского, Э. Гилельса, Д. Ойстраха, Л. Утесова и др. С другой — «шедевры» блатной музыки типа «Гоп со смыком», «Мурка», «Лимончики», «С одесского кичмана», «Бублички», «У самовара я и моя Маша», получившие после революции широкое, можно сказать, всенародное признание¹⁰ (в дальнейшем блатная стилистика пустила глубокие корни в российской эстрадной музыке). Внешне сходные по интонационному строю и ритмике с музыкой идиш, они, разумеется, весьма далеки от нее по содержанию. Вульгарность, натурализм, нарочитые «экстазные» страсти отнюдь не характерны для лучших образцов фольклора культуры идиш; ему, напротив, свойственна мягкость, скорее «потенциальное», а не «кинетическое» напряжение, при котором боль и страсть не выказываются открыто, а как бы спрятаны внутрь.

Примерами влияния еврейского мелоса на советскую массовую и эстрадную песню являются «Марш Буденного» братьев

Покрасс, «Катюша», «Грустить не надо» М. Блантера, «Шаланды полные кефали», «Город у Черного моря» М. Табачникова, «Сирень цветет» С. Каца, «Ландыши» О. Фельдмана и др.

Впечатление о деятельности эстрадных и джазовых музыкантов этой поры было бы неполным без учета реальной атмосферы, в которой они работали, а она к середине 30-х гг., в обстановке тоталитарного режима, стала резко меняться. Под шум инспирированных политических кампаний в прессе «вырубались» целые виды и жанры искусств. Направления, развиваемые Вс. Мейерхольдом, К. Голейзовским, А. Таировым, Н. Фореггером, Д. Гутманом и другими, были объявлены формалистическими и чуждыми. В 1937 г. закрываются мюзик-холлы. В 1946—1947 гг. были расформированы оркестры А. Цфасмана, Я. Скоморовского и Э. Рознера. Джаз, как и другие виды искусств «иностранно-го» происхождения, был изгнан из официальной культуры.

Эстрадные музыканты подвергались репрессиям. В 1937 г. был расстрелян руководитель эстрадного оркестра Давид Гейгнер, в 1948 г. осужден Эдди Рознер, в 1950-м арестован Юрий Хайт¹¹.

В эти годы поддержание «жизни» джаза требовало смелости и энтузиазма. Среди музыкантов, которые продолжали его играть, было немало евреев. Так, в Москве своеобразным джаз-клубом стал ресторан «Метрополь». Утром здесь играл ансамбль Александра Цфасмана, вечером работали блестящие джазовые импровизаторы Александр Ривчун, Ян Френкель, Леонид Кауфман, а ночью — оркестр под управлением аккордеониста Альберта Шульмана. Здесь, в «Метрополе», зарождались традиции отечественных джэм-сейшнз.

Среди ведущих музыкантов-импровизаторов этого периода можно назвать тромбониста Илью Давида, скрипача Ефима Золотурского, пианиста Симона Кагана, саксофонистов Леонида Геллера, Михаила Якона и многих других. В 1946 г. Михаил Фрумкин, до того работавший в оркестрах А. Цфасмана, А. Варламова и Л. Утесова, организовал свой оркестр, состоявший из молодых музыкантов. Среди танцевальных оркестров начала 50-х гг. в числе лучших считался московский танцевальный оркестр под управлением трубача Якова Тумаркина.

Во второй половине 50-х гг. политический климат в стране улучшается. Оживляются международные контакты. В частности,

в 1957 г. в Москве, в рамках фестиваля молодежи и студентов, состоялся первый международный джазовый фестиваль, положивший начало традиции почти сорокалетней давности. Именно в этот период времени происходит размежевание эстрадной и джазовой музыки и формирование джаза как самостоятельного направления. В этом процессе еврейские джазмены сыграли немаловажную роль.

В 1955 г. московский пианист и композитор Владимир Рубашевский создал первый профессиональный диксиленд. К числу наиболее известных коллективов этого стиля относятся «Капелла Дикси» (1979) под управлением кларнетиста Лебедева и «Децима» под управлением саксофониста и пианиста Вс. Данилочкина (1983).

Одну из самых ярких страниц в историю российского джаза 60-х гг. вписал ленинградский биг-бэнд под управлением Иосифа Вайнштейна. Композитор, дирижер, пианист Анатолий Кролл после ухода Э. Рознера с 1971 г. возглавлял один из лучших джаз-оркестров страны «Современник», а с 1992 г. стал художественным руководителем «МКС-биг-бэнда», получившего сертификат «За выдающееся выступление» на старейшем фестивале биг-бэндов в Монтре (Швейцария).

В стилях современного импровизационного джаза в 60-е гг. выдвигается целая плеяда высокоодаренных исполнителей: Роман Кунцман, Геннадий Гольштейн, Валерий Кацнельсон, Виталий Клейнот (саксофон), Игорь Бриль, Николай Капустин, Борис Фрумкин (фортепьяно), Давид Голощекин (мультиинструменталист), Леонид Гарин (вибрафон), Виктор Зельченко (труба), Альберт Сатановский (контрабас), Александр Гореткин (ударные инструменты) и др.

В 70—80-е гг. появляются новые имена: Михаил Окунь, Григорий Файн, Вячеслав Ганелин, Леонид Чижик, Леонид Винцкевич, Михаил Альперин, Яков Айзенберг, Даниил Крамер, Владимир Горский, Михаил Агрэ (фортепьяно), Александр Фишер, Вячеслав Гайваронский (труба), Виктор Двоскин (контрабас), Александр Ростоцкий (бас-гитара), Эмиль Кунин, Федор Левинштейн (скрипка), Игорь Бутман, Симон Ширман (саксофон), Александр Симоновский, Евгений Губерман, Олег Бутман (ударные инструменты) и многие другие.

Еврейские творческие силы сыграли значительную роль и в развитии советской эстрады в 60—80-е гг. Широчайшую популярность получила музыка О. Фельцмана, Э. Колмановского, М. Фрадкина, А. Островского, С. Каца, Я. Френкеля, В. Шаинского, В. Баснера, А. Колкера, А. Кролла, М. Дунаевского и др.¹².

В этот период выдвинулась целая плеяда «звезд» вокальной эстрады: Марк Бернес, Мария Лукач, Иосиф Кобзон, Майя Кристалинская, Валерий Ободзинский, Лариса Мондрус, Нина Бродская, Эмиль Горовец, Вадим Мулерман, Алла Иошпе, Лариса Долина, Александр Розенбаум, Тамара Гвердцители и др.¹³.

Среди руководителей известных вокально-инструментальных ансамблей имена Александра Броневицкого («Дружба»), Зои Куликовой («Аккорд»), Павла Слободкина («Веселые ребята»).

Возрождение мюзик-холлов пришлось на начало 60-х гг. Московский мюзик-холл (главный режиссер Александр Конников, музыкальный руководитель и главный дирижер Владимир Рубашевский) стал первым советским эстрадным коллективом, получившим длительный ангажемент на выступление в парижском концертном зале «Олимпия».

Жанр театрального мюзикла стал популярен с конца 60-х гг. В числе его лучших образцов — «Мой брат играет на кларнете» О. Фельцмана (1968), «Свадьба Кречинского» А. Колкера (1973), «Три мушкетера» М. Дунаевского (1974), «Робин Гуд» М. Минкова (1980), «Биндюжник и король» А. Журбина (1987) и др. Первый образец советской рок-оперы «Орфей и Эвридика» был создан Александром Журбиным (1975).

Жанр театров-кабаре, прекративший свое существование в 1924 г., был возрожден с открытием в конце 80-х гг. в Москве театра миниатюр «Летучая мышь» под руководством режиссера Григория Гуревича.

Большой популярностью пользуются музыкальные постановки театра «Сатирикон» под руководством режиссера и актера Константина Райкина.

И наконец, новым словом на телевидении стали эстрадные шоу и музыкальные телефильмы режиссера Евгения Гинзбурга. С российской музыкальной эстрадой неразрывно связано творчество поэтов М. Светлова, М. Матусовского, Д. Самойлова, Е. Долматовского, М. Танича, М. Пляцковского, И. Шаферана, И. Резника... либреттистов В. Масса и М. Вольпина.

Чем же объяснить столь активное участие евреев в советской джазовой и эстрадной музыкальной культуре, их огромный интерес к импровизационным формам искусства? Наверное, прежде всего стремлением радовать людей, доставлять им удовольствие. Но одно это само по себе вряд ли привело бы к столь выдающимся результатам, если бы не сочеталось с другой важной особенностью еврейства — способностью глубоко сопереживать. Это свойство в данном случае органично сочетается с глубинной потребностью преодолевать консервативные традиции, быть гибким, способным к радикальным изменениям, всегда оставаться открытым к оригинальным, новаторским идеям и формам творчества.

Естественно, что эти черты современного еврейства проявились не только в России. В частности, много примеров дает нам искусство США. Достаточно назвать Аарона Копланда — одного из основоположников американской композиторской школы, выдающуюся плеяду бродвейских композиторов: Дж. Гершвина, И. Берлина, Дж. Керна, О. Штрауса, «короля свинга» Бенни Гудмена, реформаторов джаза Телониуса Монка и Дэйва Брубeka, дирижера, композитора, пианиста Леонарда Бернстайна, «звезду» популярной музыки Барбару Страйзанд.

Однако евреи СССР работали в совершенно иных условиях, в рамках системы, где постоянно и грубо нарушалась свобода творчества и процветал унижающий человеческое достоинство государственный антисемитизм. Несмотря на это, еврейская интеллигенция, выросшая на духовном фундаменте русской и мировой культуры, обладая огромным творческим потенциалом, терпением и энтузиазмом, смогла добиться признания, известности, а главное — внести свой, до сих пор не оцененный по достоинству вклад в российскую культуру.

¹ В. Парнах является также автором первых заметок и стихов о джазе на русском языке, опубликованных в журналах «Вещь» (№ 1, 2) и «Зрелища» (№ 1). Эти материалы, хотя и представляли некоторый интерес для читателя, все же носили любительский характер. Первая профессиональная информация о джазе содержалась в сборнике С. Гинзбурга «Джаз-банд» и современная музыка» (1926), где были собраны статьи о фольклоре американских негров и джазе крупных европейских музыкантов. Родоначальником отечественного джазового музыковедения стала Валентина Конен — доктор искусствоведения, профессор, автор фундаментальных трудов по истории мировой музыки.

² Пианистом оркестра был ныне известный писатель и драматург Евгений Габрилович.

³ Музыка Дунаевского полна света, радости и оптимизма. Она отразила мироощущение и чувство людей «новой формации», искренне верящих в страну своей мечты. И в этом смысле творчество композитора воспринимается как советский аналог голливудской «фабрики грез».

⁴ Первый опыт — четыре рапсодии: «Советская», «Русская», «Украинская» и «Еврейская» — написаны для спектакля Л. Утесова «Джаз на повороте» (1930).

⁵ Идею «Веселых ребят» «подказала» другая совместная работа Утесова и Дунаевского — джаз-обозрение «Музыкальный магазин» (1931).

⁶ После войны Г. Варс уехал в США и работал в Голливуде.

⁷ В начале 60-х гг. Э. Рознер эмигрировал в ФРГ.

⁸ Г. Петербургский — автор знаменитого вальса «Синий платочек».

⁹ В то же время отрицательную роль в развитии песенного жанра сыграла Российская Ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ), куда входило немало композиторов-евреев (В. Белый, Б. Шехтер, З. Левина и др.). Их основными критериями были «доступность» и «доходчивость» песен для понимания и исполнения народными массами.

¹⁰ На профессиональной сцене блатной фольклор впервые появился в программах Л. Утесова, который всегда учитывал вкусы широкой аудитории, даже если это негативно сказывалось на качестве репертуара. Вместе с тем для Утесова — актера, знатока музыки и языка идиш (а в текстах блатных песен много жаргонных словечек из идиша) было естественным обращение к этим колоритным песням, которые он «разыгрывал» весело, обаятельно, с юмором, подчеркивая их самобытность и смягчая вульгарность.

¹¹ Высокий авторитет и личные связи Л. Утесова, в оркестре которого было много не только евреев, но и немцев, помогли ему спасти всех музыкантов от арестов и «интернирования».

¹² Многие еврейские композиторы, глубоко чувствуя и понимая природу русской образности и музыкальной интонационности, создали немало ярких образцов претворения в песне русского мелоса. Примеры тому «Русское поле», «Калина красная», «Текстильный городок» Я. Френкеля, «Алеша», «Вальс о вальсе» М. Фрадкина, «Дрозды», «Травы-травы» В. Шаинского, «Березовый сок» В. Баснера, «Карелия», «Стоят девчонки» А. Колкера и др.

¹³ Нельзя не сказать и о том, что успеху выступлений выдающихся русских эстрадных певцов И. Юрьевой, К. Шульженко, В. Козина и других во многом способствовало блестящее фортепьянное сопровождение Давида Дормана, Давида Ашкенази, Симона Кагана, Бориса Мандруса, В. Коралли.

**ОЧЕРКИ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ**

ИСААК АСКНАЗИЙ: ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ*

Жизнь каждого художника — драма. Тем более жизнь художника-еврея, который стремится быть художником именно национальным, еврейским. Пример тому — творческий путь первого русского академика живописи — еврея Исаака Львовича Аскназия.

Он родился в г. Дриссе Полоцкого уезда Витебской губернии 16 января 1856 г. в хасидской семье. Его отец, купец 2-й гильдии, дал сыну глубоко религиозное воспитание. Однако, заметив его явную художественную одаренность, он не только не стал препятствовать сыну в его увлечении, но даже сам в 1870 г. отвез шестнадцатилетнего Исаака в Петербург на экзамен в Императорскую Академию Художеств (ИАХ). Успешно выдержав экзамен, Исаак Аскназий на долгие годы оказался связанным с Петербургом. С 1870 по 1874 г. он был вольноприходящим учеником Академии. Затем, после новых экзаменов, в 1874 г. был зачислен в число учащихся. Нелегкий студенческий быт, огромная загруженность занятиями в Академии были трудны и потому, что и вдали от родного дома Исаак Аскназий оставался евреем, стремящимся неукоснительно соблюдать религиозный образ жизни. Жизнь в столице империи осложнялась еще и тем, что только успешное прохождение курсов обеспечивало ему право временного проживания в запретном для евреев, но и столь желанном для него городе, как Петербург. Практически каждый его курс был отмечен серебряными медалями за рисунки и этюды. В 1878 г. он получил уже 2-ю золотую медаль за картину «Авраам изгоняет Агарь с сыном ее Измаилом», а год спустя — 1-ю золотую медаль за работу «Блудница перед Христом». Талант и трудолюбие Исаака Аскназия были замечены и оценены по достоинству. По окончании Академии он был отправлен на четыре года для усовершенствования за границу. Уже в стенах Академии он выбирал для своих работ темы, связанные с древней историей евреев. Художник-еврей, он стремился вопреки всему и в живописи выражать национальные чаяния своего народа. В «официальной» живописи, то есть в той, которой он отчитывался перед начальством, Исаак Аскназий проявлял свои интересы, работая над библейскими сюжетами. Но уже тогда он одновременно выполнил ряд картин на исторические темы, зарисовки из

* Об И. Аскназии см. также публикацию В. Кельнера «Венок на могилу художника» (Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1994. № 1(5)).

еврейского быта. Успешно пройдя усовершенствование за границей, двадцатидевятилетний Исаак Аскназий в 1885 г. получил звание академика. Однако в дальнейшем его жизнь сложилась трудно, и одной из причин этого было упорное желание художника посвятить свое творчество еврейскому народу в период, когда официальный, идеологический и бытовой антисемитизм в России стал нормой жизни, ее повседневностью. Все туже сжималась петля черты оседлости, а Исаак Аскназий пишет «Смерть еврейского поэта Галеви»; процентная норма отсекала от образования тысячи еврейских детей, а Исаак Аскназий пишет «Скорбные вести» и «Наступление субботы»; русскую печать и литературу захлестывала юдофобия, а художник пишет «Еврейскую свадьбу» и «Экклезиаст — суета сует и всяческая суета».

Но была и еще одна трагедия — трагедия непонимания и равнодушия, которые испытывал Исаак Аскназий со стороны своего собственного народа. В то время, занятые борьбой за повседневное выживание, евреи не могли обеспечить даже относительное творческое благополучие своих лучших сынов. Не стал исключением и Исаак Аскназий. Его жизнь была недолгой и проходила в обстановке абсолютно неблагоприятной для жизни подлинного художника.

Многие моменты его жизни нашли отражение в документах, отложившихся в различных архивах. Выстроенные в хронологической последовательности, они дают представление о судьбе еврейского художника в России в конце XIX в.

Дополнительные сведения о творчестве Исаака Аскназия можно найти в немногочисленных публикациях о нем, главным образом имеющих некрологический характер.

Посмертная выставка работ Аскназия // Весенние выставки в залах Имп. Академии Художеств. СПб., 1903. С. 24—32.

Магид Д. Г. Исаак Львович Аскназий: его жизнь и художественное творчество // Еврейская семейная библиотека. СПб., 1903. №№ 3, 4, 5, 7, 9.

Дробов Л. Н. Живопись Белоруссии XIX — нач. XX в. Минск, 1974. С. 196—201.

В приемную Императорской
Академии Художеств
Полоцкого мещанина Лейбы Аскназия

Прошение

Желая определить малолетнего сына моего Исаака Аскназия вольноприходящим учеником Академии по части живописи, имею честь всепокорнейше просить: подвергнуть сказанного

сына моего надлежащему экзамену, определить его в ученики Академии.

Августа 17 дня 1870 г.

Лейба Аскназий.

Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 789 (Дело Правления Императорской Академии Художеств), оп. 7, д. 143 (Аскназий Исаак), л. 1.

[Из протокола заседания Совета Академии Художеств]

Находя рисунок Аскназия удовлетворительным, Совет Академии определяет: принять его вольнослушающим по живописи. О чем сообщить инспектору.

26 сентября 1870 г.

Там же, л. 2.

Его Превосходительству
Господину Конференц-секретарю
Императорской Академии Художеств

Прошение Лейбы Аскназия

Несовершеннолетний сын мой Исаак (Ицик) Аскназий, поступив вольнослушающим в Императорскую Академию Художеств 1 окт. 1870 г., 1 мая 1871 переведен в фигурный класс, в котором за минувший апрель месяц получил 5-й номер — может по таланту продолжать учение.

Желая, чтобы сказанный сын мой при хорошем таланте его продолжал учение, имею честь просить Ваше Превосходительство вытребовать через кого следует свидетельство о увольнении его из Полоцкого Еврейского общества, в котором он записан при семействе моем.

Мая 1 дня 1872 г.

Лейба Аскназий.

Там же, л. 7.

Господину Витебскому губернатору

25 мая 72

Обучающемуся в ИАХ сыну Полоцкого мещанина Лейбы Аскназия — Исааку необходимо увольнительное свидетельство о неимении со стороны Полоцкого Еврейского общества препятствий для продолжения занятий и беспрепятственного проживания в С.-Петербурге.

Вследствие чего Правление ИАХ имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство предложить Полоцкому Еврейскому обществу в высылке в Академию увольнительного Исааку Аскназию свидетельства для вышеобъявленной надобности.

Конференц-секретарь Исеев¹.

Там же, л. 8.

В Правление Ак. Художеств
Вольнослушающего Исаака Аскназия

Прошение

Желяя вступить в число учеников Академии, честь имею покорнейше просить Правление оной допустить меня к приемному испытанию. При этом прилагаю свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, а также метрическое свидетельство.

16 августа 1874 г.

Исаак Аскназий.

Там же, л. 16.

Копия

Метрическое свидетельство

Выдано сие Витебской губернии Дриссенского Уездного Казенного Равина Баренбаума в том, что [сын] Лейбы Аскназия Ицик родился 16 янв. 1856 года в г. Дриссе, где и записан в Установленную метрическую книгу о родившихся Дриссенского

Еврейского общества под № 2. Обряд обрезания совершен Тоубкин и Иосей Аскназий по Еврейскому религиозному обряду, в чем подписан и приложением должностной печати удостоверяю 17 окт. 1872 г.

Там же, л. 17.

Свидетельство

Из Императорской Академии Художеств Полоцкому 2 гильдии Купеческому сыну Исааку Аскназию Еврейского исповедания, родившемуся 16 января тысяча восемьсот пятьдесят шестого года, в удостоверение того, что он действительно состоит в числе учеников Академии, имеет серебряную медаль и согласно 5 пункту 53 ст. Устава о воинской повинности приобрел право на предоставление ему, для поступления на службу в войска по вынужтому жребию, льготы до 28-летнего возраста. До поступления же в Академию Аскназий воспитывался в доме родителей. В чем Правление Академии Художеств свидетельствует с приложением печати.

СПб. января 30 дня 1876 года

Императорской Ак. Худ.
Конференц-секретарь Исеев.

Там же, л. 20.

В Правление Императорской Академии Художеств
Ученика Академии Исаака Аскназий

Прошение

Состоя учеником Академии в натурном классе и имея 2 малые медали, я будучи еврейского вероисповедания ежемесячно не могу дорабатывать до других учеников 3 или 4 субботние дни и в мае и сентябре, именно когда бывают третбные (так в тексте. — А. А.) экзамены по случаю Еврейских тогда годовых праздников не дорабатываю 6, а иногда и 8 дней. Очень понятно, что таким образом мне не возможно конкурировать с прочими учениками, однако несмотря на то, эти годы можно получать хорошие нумера; а на предшедшем третбном экзамене этюд мой получил первый

номер; но получить большую золотую медаль мне совершенно невозможно. Кроме того сами экзамены по наукам назначаются на субботу, то я держать его не могу.

В том убеждении, что Академическое начальство, заботясь, с одной стороны, об образовании художников, с другой же — не желает урона их совести, я осмеливаюсь всепокорнейше просить Правление учинить распоряжение о дозволении пополнить в другие времена те часы, которые пропущены мною по случаю Еврейских праздников, причем платить натурщикам я принимаю на себя, а также дозволить мне держать назначенный на субботу экзамен не в субботний день.

3 июня 1876 г.

И. Аскназий.

Там же, л. 21.

[Из протокола заседания Совета Академии художеств]

25 августа 1876 г.

Прошение ученика по живописи Исаака Аскназия коим объясняет, что будучи Еврейского вероисповедания и исполняя беспрекословно все требования религии, он не имеет возможности посещать классы в еврейские праздники и в особенности по субботам, через что теряет много времени и по искусству отстает от товарищей, так например в этюдных классах он работает меньше других от 6 до 8 уроков (что составляет 18—24 таковых) и через это не успевает оканчивать работы, почему Аскназий просит дозволить пропущенные им по случаю еврейских праздников экзамены и репетиции по наукам, а равно и работы этюдного класса исполнять в другое время по назначению Академического Начальства, причем плату натурщикам за особые сеансы Аскназий соглашается принимать на свой счет.

Сообразив прошение Аскназия с существующим порядком в Академии и приняв во внимание: а) что из 30 учеников евреев только один Аскназий просит об том изменении порядка, б) что и в других вероисповеданиях есть (*нрзб*) особые молитвенные дни, которые однако ни в каких учебных заведениях не соблюдаются и в) что во всех существующих в России учебных заведениях следуют одному православному календарю, Совет находит, что вопрос тот об освобождении евреев от занятий в их праздник и

о исполнении пропущенных учебных часов, в другие дни требует разрешения в законодательном порядке, но не находя поводов возбудить разрешения этого вопроса.

Совет предлагает: Ученику Аскназию отказать в просьбе.

Там же, л. 22.

Диплом

Из Императорской Академии Художеств бывшему ученику оной Исааку Аскназию в том, что во время пребывания в Академии он окончил с успехом Академический курс наук и за весьма хорошие познания по живописи, доказанные полученными им медалями и исполненную конкурсную программу определением Совета Академии 30 октября 1879 г. состоявшимся, удостоен звания классного художника первой степени с присвоением оному права на чин десятого класса. В уверении чего и дан Аскназию сей диплом за подлежащим подписанием и с приложением академической печати.

С.Петербург ноября 1879 г.

Там же, л. 35.

Достопочтенный Петр Федорович

После того, как я имел честь писать Вам из Рима, я решил съездить на Выставку в Вену, в особенности потому, что срок моей мастерской окончился, а на лето не хотелось мне нанять мастерскую, я оставил свое имущество у знакомых. Посетил Флоренцию и Венецию, посмотрелся старых мастеров с восторгом. В Вене на выставке нашел Германскую школу выше Французской. Лучшая вещь — «Чума в Турине» Галле.

Из Вены я отправился в Броды на лето, чтобы писать еврейские типы, и по дороге я остановился в Кракове, где еще раз видел «Светочи Нерона» Семирадского. После Галле она уже показалась мне не серьезной.

Теперь нахожусь близ родины, а именно в Бродах, и пишу этюды и небольшие картинки из жизни эмигрантов.

С истинным почтением и вечно преданности имею честь быть всегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугой.

Броды 19 июля 1882 г.

И. Аскназий.

Там же, л. 64.

16 октября 82 г. № 1763

М. Г. Исаак Львович,

Совет Академии по выслушивании письма Вашего от 19 июля поручил мне сообщить, что Совету было бы приятнее вместо сообщения критических взглядов Ваших на достоинства авторитетов в искусстве, видеть Ваши собственные успехи, на поприще развития Вашего.

Что уж касается до пребывания Вашего в Бродях, где Вы занимаетесь картинками из жизни эмигрантов, то Совет постановил напомнить Вам, что цель Вашей поездки за границу более серьезная, что Вы имеете обязательства как по отношению Академии, так и ... Государству и другое назначение. Приложите Ваши старания, чтобы выполнить и то другое, советует решать и (*прзб*).

Совершенным уважением Вам М. Г.

Исеев.

Там же, л. 65.

10 февр. 1883 г.

Достопочтенный Петр Федорович

Приехав недавно в Рим я получил уже мастерскую и приступил к окончанию давно начатых мною вещей, оставленных в Риме, как имел уже честь Вам сообщить, я прожил долго в Меране для поправления пошатнувшегося здоровья. Это было необходимо. Однако я и там не совсем праздновал — успел скомпоновать и нарисовать (на холсте) $1/2$ метровой величины картину из жизни больных на курплатце, также написать несколько этюдов для этой

картины, которую стану писать по окончании давно начатых вещей. Вообще не могу сказать, что все работы мои считаю серьезными.

Еще в Меране я имел честь получить письмо Ваше о недовольствии от меня Совета Академии. Принимая этот выговор с должным уважением и благодарностью, я осмеливаюсь, однако, уверить, что и на одну минуту не забываю обязанности своей как к Академии, так и к Государству. Я работал выше своих физических сил и надеюсь, что Академия, если и опоздалось, останется моими работами довольна.

В Бродах я занимался не для составления Еврейского жанра, а для усмотрения типов для задуманной картины из библейских сюжетов. Я предпринял эту поездку оттого более, что находился в Вене на выставке.

С искренним почтением и вящей моей преданностью имею честь быть всегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

И. Аскназий.

Там же. л. 71, 72.

П. П. Чистяков² — В. Е. Савинскому³

1885, июнь Царское село

Картину г-на Аскназия видел. Очень очень выразительная. И трактование вполне достойно сюжета. Небо зато плохо, он теперь его переделывает. Хорошо исполнена и фигура спекулятора с головой Иоанна Предтечи. Только нога левая поставлена и нарисована нехорошо. Я торжествую душевно, разумно, конечно, за Аскназия, да вместе и за русское искусство. Ведь мы русские, выражением, разумностью отличаемся в своих работах, ну а это отличие желательное.

П. П. Чистяков и В. Е. Савинский.
Переписка. Л.; М., 1939. С. 122.

Классный художник I степени
Исаак Аскназий

По получении 4 ноября 1879 года первой золотой медали за программу «Блудница перед Христом» отправлен за границу в

октябре 1880 г., пенсионером Академии на четыре года; срок пенсионерского пребывания истек в октябре месяце минувшего года.

В 1881 году Аскназий представил картину «В темнице», исполненную им до отъезда за границу.

Во время пенсионерского пребывания за границей Аскназий представлял отчеты о путешествии и о задуманных им картинах и сообщал о ходе своих работ.

В сентябре месяце сего года представлены на благоусмотрение Совета исполненные им две картины «Моисей в пустыне» и «Палач с головой Иоанна Крестителя».

4 октября 1885 г.

Одобен Советом
Ректор [подпись].

Там же, л. 74.

Санкт-Петербургская Императорская Академия Художеств за искусство и отличные познания в живописи исторической признает и почитает классного художника I степени

Исаака Аскназия

своим Академиком с правами и преимуществами в установлениях Академии предписанными.

Дан в С.Петербурге за поручением Президента и с приложением Печати.

1885 г. 4 ноября.

Президент — Владимир⁴
Скрепил Конференц-секретарь Исеев.

Там же, л. 77.

От 22 дек. 1886 г.

М. Г. Исаак Львович

Определением Правит. Сената (I по Д-ту геральдии), состоявшего в марте сего года, Вы утверждены в чине Титулярного Советника со старшинством с 4 ноября 1885 по Званию Академика Императорской Академии Художеств.

(При сем препровождается обратно диплом за № 1926 на звание Академика.)

Конференц-секретарь Исеев.

Там же, л. 78.

И. Л. Аскназий — П. П. Чистякову

[1885]

Многоуважаемый Павел Петрович! Могу вас известить, что благодаря Вашему содействию я с Третьяковым⁵ кончил, так как он согласился на повторение, но не более половины размера. Я доволен, что картина будет находиться в хорошей галерее⁶. Примите мою искреннюю благодарность за ваше любезное вмешательство.

Преданный Вам И. Аскназий.

Архив Русского Музея (АРМ).
ф. 112а (Чистяков П. П.), д. 36.

Его Превосходительству
Господину Конференц-секретарю
Имп. Академии Художеств
Академика Исаака Львовича Аскназия

Прошение

Возвратившись из-за границы уже около двух лет, я в течение этого времени тщательно продолжал усовершенствоваться в настоящем строгом искусстве. Несмотря на появление на последней Академической выставке жанровой картинки «Скорбные вести», написанной мимоходом, как и много этюдов для усовершенствования в технике и приобретения материальных средств. В настоящее время нуждаюсь в мастерской для написания большой картины библейского содержания к предстоящей Парижской выставке. Обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой назначить мне мастерскую на 2 или 1¹/₂ года, т. к. в Петербурге найти таковую трудно и невозможно с моими средствами, в противном случае мне придется отказаться от моего стремления успеть к этой выставке, несмотря на то, что у меня эскизы недурны и (*нрзб*) созревшие.

Надеюсь, Ваше Превосходительство не оставит без внимания моей просьбы.

С.-Пет. 19 мая 87 г.

Остаюсь покорнейшим слугою
Академик И. Аскназий.

[Резолюция] Не согласны.

РГИА, ф. 789, оп. 7, д. 143, л. 87.

Его Сиятельству Вице-Президенту
Императорской Академии Художеств
графу Ал. Ал. Бобринскому
Бывшего пенсионера
Академика Исаака Львовича Аскназия

Прошение

С времени приезда из-за границы при всем желании начать картину большого размера я не могу осуществить сего желания по неимению необходимой для подобной картины мастерской.

Будучи вполне уверен в готовности Академии к поощрению художеств, позволяю себе покорнейше просить Ваше Сиятельство назначить мне мастерскую в здании Академии Художеств, а в случае неимения таковой позволить мне заниматься с мая до конца августа в зале этюдного класса, в котором занимаются бывшие пенсионеры в вакантно время, о чем может удостоверить надзиратель класса Павел Алексеевич Некрасов.

Там же, л. 88.

22 марта 1890 г. № 683
лично для Аскназия

Г. Академику Аскназию

По рассмотрению прошения Вашего КИАХ по приказанию Его Сиятельства Вице-Президента имеет честь уведомить, что Вам разрешается работать в залах этюдного класса с мая до августа сего года.

Конф.-секр. И. Толстой⁷.

Там же, л. 89.

В канцелярию Императорской
Академии Художеств
Академика Исаака Львовича Аскназия

Прошение

Честь имею покорнейше просить выдать мне свидетельство для беспрепятственного занятия живописью снимать с натуры виды по городам, местечкам и селам Западного Края и Смоленской губернии до 1 ноября 1892 года.

Ак. Аскназий.

Петербург мая 12 дня 1892 г.

Васильевский остров Мальтй пр. 10 кв. 10.

Там же, л. 90.

Свидетельство

18 мая 1892

Дано Исааку Львовичу Аскназию в том, что он направляется по России для художественной работы с натуры и для написания видов местности, в чем канцелярией Императорской Академии Художеств свидетельствует. Свидетельство сие выданное согласно просьбе Аскназий не может служить ему видом на жительство.

Гербовый сбор уплачен.

Граф И. Толстой.

Там же, л. 91.

И. Л. Аскназий — П. П. Чистякову

Многоуважаемый Павел Петрович!

Обращаюсь к Вам с просьбой, если возможно похлопотать для меня (вероятно, освободившееся в школе Штиглица.— А. А.) место Н. Бруни⁸.

Никаких законов, ограничивающих мне право учиться рисованию кажется нету, тем более, что знающие меня в течение многих лет товарищи не заметили во мне особых дурных черт отличающих меня от других.

Если Вам возможно предложить Господину Месмахеру⁹ меня в учителя школы, то я буду Вам еще раз обязан. В случае невозможности этого, покорнейше прошу извинить мое желание, так как обстоятельства заставляют меня просить об этом.

О моей работе ничего не могу сказать, все зависит как кончу, могу только сказать, что работаю много.

Вере Егоровне с детьми кланяюсь сердечно.

Моя супруга шлет Вам сердечный привет.

Остаюсь с глубоким уважением и преданностью

И. Аскназий.

Адрес мой: Витебск Воропаевская ул. для Гуревича.

7 августа 1892 г.

АРМ. ф. 112 (Чистяков П. П.).

В Совет Императорской Академии Художеств
Академика Исаака Львовича Аскназия

Прошение

Работая в настоящее время над исторической картиной крупного размера и не имея средств нанять для этой работы соответствующую мастерскую имею честь покорнейше просить Совет Императорской Академии Художеств соблаговолить придти посмотреть мою неоконченную работу (в мастерской профессора П. П. Чистякова, который на летнее время позволил мне работать в ней) и, если Совет найдет возможность, назначить мне мастерскую, дабы я мог окончить свою картину.

И. Аскназий.

31 августа 1894 г.

Место жительства имею В.О. 6 линия д. 49 кв. 5.

РГИА, ф. 789, оп. 7, д. 143, л. 93.

П. П. Чистяков — И. Е. Репину¹⁰

19 февраля 1901

Дорогой и многоуважаемый Илья Ефимович!

Сегодня я не успел в Музее переговорить с Вами об одном интересующем меня деле, а переговорить хотелось.

Мне кажется, для музея Русского надо приобретать произведения пользуясь случаем и соображаясь с обстоятельствами. Что толку, если мы накупим все картины только одного художника, положим, даровитого, и будет ли это собрание составлять музей русского народа — Русского государства, обнимающего чуть ли не четверть всего шара земного и имеющего подданными людей многих различных рас и верований. Не будет ли этот музей только того художника, картины которого в нем помещены.

Мне кажется, необходимо покупать хотя не очень талантливые, но честно и любя исполненные произведения и при этом принимать в соображение годы и положение художников¹¹.

Например, Аскназий и Обер — фамилии нерусские, но они русские подданные и учились в нашей Академии (Аскназий даже пенсионер). Эти художники тянулись из последних сил своих, творили честно, добросовестно, и, пожалуй, впредь им так уже не удастся отнестись к делу. Имен их в музее нет. Отчего бы не приобрести эти две работы для Русского музея. Они вреда не нанесут, да и места много не займут — а музей пополнят.

Вот, дорогой Илья Ефимович, по этому случаю и обращаюсь к Вам с моей покорнейшей просьбой.

И. Л. Аскназий — П. П. Чистякову

Дорогой Павел Петрович!

По приезде в Витебск я заболел и до сих пор не мог Вам писать, теперь поправился и могу уже сообщить свой адрес и покорнейше просить Вас, если не секрет, уведомить меня о том, что решено относительно моей картины¹². Меня из Академии ничего не известили, несмотря на то, что оставил там адрес. Здесь в Витебских ведомостях было будто бы у Репина купили картину «Иди за мною Сатана» для музея за 30000 р.

Преданный и благодарный Вам И. Аскназий.

19 мая 1901

Мой адрес: Витебск, Воропаевская ул.

Дом Минца.

«С.Петербургское Общество Художников и друзей покойного действительного члена Общества

Исаака Львовича Аскназий

извещает, что в четверг 19 декабря в 5 час. дня будет отслужена панихида в синагоге (Офицерская, 42)».

«Новое время». № 9624. Изд. первое.
С.Пб. среда 18-го (31-го) 1902 г.

На основании постановления Комитета от 23 декабря 1902 г. назначена пенсия 300 р. в год и вдова поставлена кандидаткой (первой) на пенсию в 600 р. Для оплаты учебы детей представить справки из гимназий.

МИД Имп. Ак. Худ.
6/III 1903 г.

Вдове Академика Аскназия

Комитет по заведыванию капиталом имени Императора Александра III в заседании 3 марта заслушал просьбу Вашу о назначении Вам пособия на воспитание детей Ваших в Гимназиях. Постановил Вам выдать таковые: На обучение сына Вашего Самуила в С.Пб. Введенской гимназии 55 р. и на обучение сына Вашего Авраама в С.Пб. 8 гимназии 60 р. Об изложенном Канцелярия ИАХ имеет честь Вас уведомить (*нрзб*) переговорить о подробностях.

Секретарь

Адрес вдовы: Васильевский остров. Средний пр. 46 кв. 26.

РГИА, ф. 789, оп. 7, л. 143
(Аскназий Исаак), л. 98.

¹ Исеев Петр Федорович — тайный советник, конференц-секретарь Императорской Академии Художеств с 1868 по 1889 г.

² Чистяков Павел Петрович (1832—1919) — живописец, знаменитый педагог, профессор ИАХ; в его классах учился Аскназий живописи. Рекомендовал картины Аскназия меценатам, входил в комиссию, рекомендовавшую картины для Русского музея при его создании.

³ Савинский Василий Евменьевич (1859—1937) — живописец, педагог, пен-

сионер Академии (1881—1886). В Риме написал портрет Аскназия, представленный в Академию; впоследствии преподаватель, профессор ИАХ.

⁴ Владимир Александрович Романов (1847—1909) — великий князь. Товарищ президента ИАХ с 1868 г., президент Академии (1876—1909).

⁵ Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — музейный и общественный деятель, основатель первого общедоступного Музея русского национального искусства (ныне Государственная Третьяковская галерея), почетный вольный общник ИАХ с 1868 г.

⁶ Речь идет о копии «Моисей в пустыне».

⁷ Граф Толстой Иван Иванович (1858—1915) — археолог, нумизмат, художественный и общественный деятель, конференц-секретарь ИАХ с 1890 г., вице-президент Академии (1893—1905).

⁸ Бруни Николай Александрович (1856—1937) — художник, исторический живописец, портретист, педагог. В 1890—1892 гг. — преподаватель Центрального училища технического рисования Штиглица.

⁹ Месмахер Максимилиан Егорович (ум. 1906) — архитектор, рисовальщик и акварелист, строитель и первый директор Центрального училища технического рисования Штиглица.

¹⁰ Репин Илья Ефимович (1844—1930) — живописец, действительный член Академии Художеств с 1893 г.

¹¹ С 1896 г. Чистяков состоял членом комиссии по отбору и покупке новых произведений с выставок для пополнения Русского музея, о котором и идет речь в письме.

Последними работами Аскназия, выставившимися в 1901 г. на выставке Петербургского общества художников, были «Экклезиаст — суета сует и всяческая суета» и «Голова мальчика».

¹² Речь идет, видимо, о картине «Суета сует», выставившейся на Академической выставке в 1901 г. и Всемирной — в Париже (1900); см. письмо Чистякова Репину.

*Вступительная статья, публикация
и комментарии А. АСКНАЗИЯ.*

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА Ю. И. ГЕССЕНА

Мы продолжаем публикацию некоторых писем Ю. И. Гессена, представляющих исторический интерес¹. Весь его архив, за очень малым исключением, а также и вся библиотека погибли в годы блокады Ленинграда. По некоторым данным, при этом пропали письма В. Г. Короленко, А. М. Горького, Л. Я. Штернберга, С. Л. Цинберга и многих других лиц, черновики писем самого Ю. И. Гессена. В настоящее время его письма находятся во многих хранилищах, и их общий обзор еще предстоит сделать.

1. Письмо к В. Г. Короленко

После Кишиневского погрома в 1903 г. В. Г. Короленко опубликовал очерк «Дом 13», в котором описаны жестокости в отношении евреев, совершенные их христианскими соседями по дому. Это произведение нашло живейший отклик со стороны многих современников писателя. Не прошел мимо этого и Ю. И. Гессен, завершавший в то время исследование, посвященное так называемому «Велижскому делу» (первая треть XIX в.).

26 августа (здесь и далее по старому стилю) 1903 г. он направил В. Г. Короленко письмо следующего содержания:

Ю. И. Гессен
Суворовский пр., 39, кв. 35.

Уважаемый Владимир Галактионович!

Всякий, знакомый с Вашей литературно-общественной деятельностью, питает к Вам чувства почтительного уважения и благодарности. Но особой признательностью, скажу точнее — исключительной любовью, Вы пользуетесь, смею Вас заверить, у еврейского населения России. Ваш «Дом 13» вызвал в евреях

непреодолимую душевную потребность засвидетельствовать Вам свои чувства, и именно эта потребность и побуждает меня обратиться к Вам с нижеследующими строками.

Разрабатывая различные моменты из истории евреев в России, я теперь пишу (для «Восхода») об одной потрясающей драме, которую им пришлось пережить, о так называемом «Велижском деле». В 1823 г. евреи г. Велижа были обвинены в ритуальном убийстве, в течение долгих лет около 40 евреев, среди них старики, женщины и подростки, томились в тюрьме, пока в 1835 г. они не были оправданы.

Обычно страдали не только заключенные и даже не одно только население Велижа, лишенное права отправлять богослужение, а все еврейство России, так как обвинение было распространено на евреев вообще.

Велижское событие, по своему трагизму, близко подходит к Кишиневскому погрому; правда, в Велиже на улицах не резали и не обесчестивали еврейское население, но лишение права молиться в доме божьем явилось для религиозной массы тягчайшей пыткой и позором.

Позвольте же мне в настоящий горестный час, когда кровь кишиневских мучеников еще не засохла в нашем сердце, посвятить Вам мою работу и хотя бы в столь скромной форме выразить Вам признательность еврея.

Я сознаю, что мой труд по литературным качествам недостоин просимой чести, но Вы наверно не откажете мне в снисхождении.

Соблаговолите, высокоуважаемый Владимир Галактионович, принять уверения в почтительной преданности.

Ваш покорный слуга

Ю. Гессен².

На этом письме рукой В. Г. Короленко помечено: «Ответил 1 сентября 1903 г. Согласен и просьба прислать экземпляр статьи».

На основе полученного от В. Г. Короленко разрешения работа Ю. Гессена под названием «Велижская драма (К истории обвинения евреев в ритуальных преступлениях)» была напечатана в 1904 г. в «Книжках Восхода» и отдельным изданием с посвящением В. Г. Короленко³.

На общем собрании членов Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), состоявшемся в С.-Петербурге 22 октября 1903 г., где присутствовали Ю. И. Гессен, выступил предсе-

датель Общества Г. О. Гинцбург, отметивший: «В 1903 г. Россия празднует пятидесятилетие дня рождения В. Г. Короленко. Считая желательным, чтобы Общество выразило свое уважение этому писателю, сочинения которого проникнуты духом гуманности и симпатией к еврейскому народу, — комитет предлагает настоящему собранию избрать Владимира Галактионовича почетным членом общества». Это предложение, как отмечалось в печати, было «встречено общим сочувствием»⁴.

На заседании комитета ОПЕ, состоявшемся 11 ноября 1903 г., было решено уполномочить членов Общества М. М. Винавера, Д. Г. Гинцбурга и М. И. Кулишера принять участие в чествовании юбиляра. В связи с этим был подготовлен и одобрен текст адреса:

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович!

15 июля русское общество праздновало знаменательный день 50-летия Вашей жизни, а сегодня празднует 25-летие Вашей литературной деятельности. В эти дни к Вам стекались и стекаются горячие поздравления отовсюду, где только есть униженные и оскорбленные насилием и несправедливостью жизни. Русские евреи занимают одно из первых мест среди этих обездоленных судьбою, и они с особенной любовью и благодарностью взирают на художника-борца, который мрачную картину, их окутавшую, осветил пламенными словами, говорившими усталым и измученным людям о времени, когда «исчезнет насилие, народы соберутся на праздник братства, и никогда уже не потечет кровь человека от руки человека». В обаятельных образах родной литературы Вы с неотразимой силой всюду проповедывали надежды на лучшее будущее для всех людей — братьев, и русские евреи, для которых в этой надежде вся жизнь, не могут отказать себе в удовлетворении живейшей потребности публично засвидетельствовать ту душевную признательность, которую они к Вам питают.

Следуя этому влечению, ОПЕ в общем собрании своих членов, состоявшемся 22 октября текущего года, постановило избрать Вас в почетные члены Общества. Пусть еще многие годы раздастся Ваш бодрый голос, напоминая, что «все-таки впереди огни!»⁵

Этот адрес был преподнесен юбиляру 14 ноября 1903 г. на чествовании, которое «как по числу, так и по качеству участвовавших... превосходило все празднества такого рода и носило грандиозный характер»⁶.

2. Письмо к Л. Я. Штернбергу

В 1912—1923 гг. во многих номерах еженедельника «Новый Восход» под общим названием «Беседы с читателем» печатались публицистические заметки Л. Я. Штернберга (под псевдонимом Л. Ш-гъ)⁷. В одной из этих публикаций Л. Я. Штернберг, анализируя проблемы национального воспитания еврейской молодежи, отмечал, что «еврейская национальная идея, как она сложилась исторически... всегда и прежде всего базировалась на идеализме, на возвышенном, на чувстве нравственного долга, на идее святости личности и народа. Отнимите эти элементы, и от всего еврейского ничего не останется. Если мы остались «вечным народом», то не благодаря языку и не благодаря территории, а благодаря этим нравственным элементам иудаизма».

Публикация вызвала большую читательскую почту с положительными и отрицательными мнениями. В числе откликнувшихся был и Ю. И. Гессен, пославший Л. Я. Штернбергу 26 июля 1913 г. письмо:

Уважаемый Лев Яковлевич!

Благодарю за статью, помещенную Вами в № 30 «Нового Восхода». Вопрос о качестве нашего просвещения, об отсутствии в нашем образовании нравственных основ, меня давно занимает, но лишь на днях, условившись с Моисеем Львовичем о ряде очерков для «Нового Восхода» по истории нашего просвещения, я написал введение к этим очеркам, в котором затронул вопрос о нравственной стороне просвещения, который Вы теперь возбудили. Может быть, моя статья появится в «Новом Восходе», но то, что сказано в ней, и то, что Вы отметили в Вашей статье, недостаточно, на мой взгляд. Хотелось бы, чтобы Вы подробнее, с присущей Вам яркостью и правдивостью, остановили общественное внимание на том обстоятельстве, что наши врачи и юристы, создавая личное материальное благополучие, не вносят ничего духовного и нравственного в еврейскую среду; что эти люди чужды нашей массе и дипломированное просвещение, давая материальное удовлетворение отдельным лицам, ничего не дает народу. Нужно воспользоваться тем, что обстоятельства заставляют нас взять в свои руки дело просвещения и придать ему не только житейско-экономический характер, а внутренне-возвышенный.

Я не чувствую себя призванным к публицистике, но если бы я обладал Вашим пером, я направил бы всю свою силу на то, чтобы заставить наше общество взглянуть на просвещение с иной

стороны, чем это делается. У нас просвещение дает права, оно должно возлагать и обязанности.

Простите, что отнял у Вас немного времени. Но меня поразило, что, живя в стороне от общества, я был занят именно тем вопросом, который Вы и Рувим Исаакович вновь возбудили⁸.

3. Письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу

В начале 1930-х гг. Ю. И. Гессен начал подбирать материалы для написания мемуаров и к 1935 г. счел возможным, а может быть и необходимым, заняться их подготовкой к печати. С этим связано и публикуемое его письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу⁹.

24 мая 1935 г.

Уважаемый Владимир Дмитриевич!

Много лет назад, когда я писал «Историю еврейского народа в России», Вы любезно дали мне разъяснения по поводу одного эпизода из истории русского сектанства. Теперь я вновь обращаюсь к Вам, рассчитывая на Вашу любезность.

Я пишу мемуары, если так можно выразиться, историко-общественного характера, рассматривая прошлое с точки зрения еврея. Пишу на основе главным образом моей корреспонденции. Часто обращаюсь к печатным и даже архивным источникам для проверки воспоминаний. Принадлежа в прошлом к буржуазной интеллигенции, национально настроенной, я отнюдь не пытаюсь представить свое окружение иным. Вообще, я стараюсь восстановить прошлое таким, каким я его переживал, потому что лишь при таком условии воспоминания могут иметь значение исторического материала. Отвлекаемый другими работами, дающими средства к жизни, я могу уделять мемуарам мало времени. Но если бы издательство согласилось бы заключить со мной договор, я бы закончил эту книгу (объемом около 12 листов) в сравнительно короткий срок. Вот почему я обращаюсь к Вам за содействием. Чтобы ознакомить Вас с характером книги, я мог бы доставить Вам три листа. Их редакция еще не окончательная, но они все же дают представление об основных чертах моих мемуаров. Заранее благодарю за отклик.

Ю. Гессен.

На конверте, в котором было послано это письмо, рукою В. Д. Бонч-Бруевича для его секретаря написано: «К. С. Напишите, что я не знаю такого издательства, которое теперь печатает мемуары». Далее на конверте следует отметка секретаря: «Исполнено. 19 сентября 1935 г.»¹⁰.

Сохранилось и письмо секретаря:

«Уважаемый Юлий Исидорович!

Владимир Дмитриевич очень тяжело заболел гриппом, а затем уехал в отпуск и перед отъездом поручил мне ответить на Ваше письмо с запросом относительно Ваших мемуаров. Владимир Дмитриевич просил передать, что он не знает такого издательства, которое теперь печатает мемуары, и потому, к сожалению, ничем полезным Вам быть не может.

Секретарь [подпись неразборчива]»¹¹.

¹ Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 3. С. 257—260.

² Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей, ф. 135, раздел II, ед. хр. 21, л. 1.

³ Книжки Восхода. СПб., 1904. Кн. I. Январь. С. 30—68. Кн. II. Февраль. С. 98—117. Кн. III. Март. С. 35—56. Кн. IV. Апрель. С. 77—95. Кн. V. Май. С. 49—66. Кн. VI. Июнь. С. 52—79; *Гессен Ю. И.* Велижская драма. Из истории обвинения евреев в ритуальных преступлениях. СПб., 1904.

⁴ Недельные события // Восход. 1903. 25 октября. Кол. 5.

⁵ Российский государственный исторический архив, ф. 1532, оп. 1, ед. хр. 354, л. 43.

⁶ Недельные события // Восход. 1903. 21 ноября. Кол. 16, 17.

⁷ *Штернберг Л. Я.* Беседы с читателем // Новый Восход. 1913. 25 июля. Кол. 3—6.

Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927) — известный этнограф и еврейский общественный деятель. В те годы особенно много публиковался в еврейской печати. Активный член Еврейского историко-этнографического общества, в 1920-х гг. его председатель.

⁸ Петербургский филиал архива АН РФ, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 68, л. 2. Упоминаемые в письме Ю. И. Гессена его очерки под общим названием «Как было наше просвещение» были опубликованы в №№ 32, 33 и 34 «Нового Восхода» в 1913 г.

Упомянутый в тексте Моисей Львович — писатель и еврейский общественный деятель М. Л. Тривус (1865—?), состоявший сотрудником в редакции этого журнала. Личность Рувима Исааковича не установлена.

⁹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — советский партийный и государственный деятель, историк, публицист. В 1905—1907 гг. печатался

в газетах «Новая жизнь», «Волна», «Вперед». В 1908 г. заведовал издательством «Жизнь и знание». После 1917 г.— управляющий делами Совета народных комиссаров (1917—1920), руководил издательствами, с 1933 г. был директором Государственного Литературного музея.

¹⁰ РГБ. Отдел рукописей, ф. 369, оп. 257, ед. хр. 39, л. 8.

¹¹ Там же, оп. 139, ед. хр. 69, л. 1.

Публикация и примечания В. ГЕССЕНА.

Л. Коган

ЕВРЕЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Лев Рудольфович Коган (1885—1959) — литературовед и педагог — оставил большое научное наследие. С 20-х гг. основной сферой его интересов была история русской литературы XIX в. Уроженец Одессы, он долгие годы прожил в Ленинграде. Но это уже была вторая половина его жизни.

В начале же ее была еврейская Одесса, учеба в Ришельевской гимназии, знакомство и дружба с выдающимися деятелями национальной культуры Хаимом Бяликом, Семеном Фругом, Владимиром Жаботинским. Он активно участвовал в работе местного литературного общества, выступал с лекциями по проблемам еврейской литературы. Это нашло отражение и в его до сих пор не опубликованных мемуарах. В них, в частности, Л. Р. Коган вспоминает о деятельности Еврейского литературного общества в Одессе в годы, предшествовавшие первой мировой войне. В деятельности общества отражались те противоречия, которые в начале XX в. раздирали русское еврейство со всей его политической разногласий и спорами о путях дальнейшего развития национальной культуры. Публикуемый нами небольшой фрагмент — лишь толика воспоминаний Л. Р. Когана, охватывающих период с конца XIX в. и до середины нашего века. Полная их публикация могла бы значительно восполнить наши представления о жизни и чаяниях еврейской интеллигенции целой эпохи.

...После отставки Толмачева¹ удалось добыть разрешение на открытие в Одессе Еврейского литературного общества. Как я уже упоминал, Одесса в это время была крупным центром еврейской культуры. Здесь жили и работали выдающиеся писатели и критики, журналисты, имелась крупная типография. Вопросами еврейской литературы интересовались не только интеллигенция и люди «разного чина и звания», но и солидная культурная прослойка рабочих. Обществу, однако, было поставлено категорическое условие: лекции и доклады читать только на русском языке, чтобы полиция могла контролировать. Впрочем, участвовавшие в обсуждении и в прениях пользовались и еврейским языком.

Еврейское литературное общество во многом отличалось от русского. Оно, раньше всего, не имело собственного помещения и для своих собраний снимало зал «Унион». Оно, следовательно, не являлось клубом и не могло широко развернуть работу. В литературно-художественном обществе главную роль играли журналисты, а не писатели, в Еврейском же литературном обществе, наоборот, тон задавали писатели.

Здесь можно было встретить даже глубокого старца, или, как все его называли, «дедушку» еврейской литературы, — Менделе Мохер-Сфорима² (Менделе — книгоноша, псевдоним С. Абрамовича), бывали замечательные поэты — Бялик³ и Черниковский⁴, острый критик и переводчик «Фауста» Фришман⁵, серьезный и вдумчивый критик Фихман⁶, боевой фельетонист и переводчик Бялика на русский язык Вл. Жаботинский⁷, знаток старинной еврейской литературы Равницкий⁸ и др.

На собраниях общества шел долгий и страстный спор по вопросу о еврейском литературном языке. Иврит (древнееврейский) или идиш (современный еврейско-немецкий, смешанный или, как многие его называют — и неверно! — жаргон).

Гebraисты верили в возрождение древнего языка, доказывая это блестящей поэзией Бялика и Черниковского и видя в словаре тысячелетней литературы достаточно средств для нужной модернизации терминов и технических слов.

Идишисты с пеной у рта доказывали, что «иври» совершенно чужд еврейским народным массам, которые и говорят и читают на «идиш». Жизнь народная, так талантливо описанная Менделе Мохер-Сфоримом, Шолом-Алейхемом, Леоном Перецем, разве могла быть адекватно воспроизведена библейским языком?

Споры доходили до ожесточения и явно переходили в политические, когда неистовый сионист Жаботинский связывался с бундовцами, претендовавшими на право говорить от имени всех еврейских рабочих. Унимать бушующие страсти и вводить их в рамки дозволенной дискуссии требовало большой настойчивости и такта от правления общества, и нужно ему отдать справедливость — оно добивалось своего.

Не могу сказать, чтобы вся эта неисчерпаемая война меня очень затрагивала, хотя я и понимал всю сложность и серьезность причин, ее породивших. Дело в том, что я не читал ни на иври, ни на идиш. Все же я понимал, в известной мере, говоривших на идиш: недаром же я жил в Одессе. Здесь и многие русские,

особенно полиция, разбирались в языке, которым говорила Молдаванка.

Но произведения писателей обоих лагерей я знал, разумеется, лишь в переводах. Ряд поразительных стихотворений Бялика и Черниховского, не переведенных на русский язык, я в дружеских беседах услышал от самих писателей. Они читали мне подлинники, чтобы я вслушался в ритмы, и дословно переводили мне прочитанное.

Дискуссия мне казалась слишком прямолинейной, бившей в лоб. В действительности дело обстояло сложнее.

Так, например, Бялик писал и на иври, и на идиш. Его потрясающее «Сказание о погроме» написано на идиш. С другой стороны, Менделе Мохер-Сфорим писал кое-что и на иври и очень радовался, когда на иври перевели его знаменитую «Клячу».

А что же думали сами писатели? Мне кажется, что наилучше их общую точку зрения выразил на одном из собраний старик Менделе.

Он сидел в президиуме. Когда к нему пристали с просьбой высказаться, он попросил передвинуть его кресло к краю эстрады и заговорил дребезжащим, но ясным голосом:

— Странный народ — евреи! Все, наоборот, имеют по одному языку, а у них два, и они, видите ли, обижаются: много! У всех один, а у нас два! Да ведь это неслыханное богатство, единственное в истории, а глупцы хотят от него отказаться. Кто дал вам право решать за народ? Пишите на том языке, который вам по душе. Примет народ иври — все что есть ценного на идиш переведут на иври; примет народ только идиш — переведут все на идиш. История решит, а не вы. А пока перестаньте спорить и пишите побольше и получше — чтоб душа и ум народа говорили в ваших писаниях... Вот что я думаю!

«Дедушке» бурно аплодировали. Он был взволнован.

Мне показалось, что он прав.

¹ Голмачев И. Н. — с 1907 по 1911 г. градоначальник, а затем генерал-губернатор Одессы, отличался последовательно проводимой кампанией административного преследования любых проявлений еврейской национальной жизни.

² Менделе Мохер-Сфорим (Абрамович С. М.) — выдающийся писатель. Родился в 1836 г. в м. Копыл Минской губ. Начал писать на иврите, получил религиозное образование, в качестве мелкого торговца несколько лет скитался

по южным и юго-западным губерниям России. Затем преподавал в еврейском казенном училище в Каменец-Подольске. Печататься начал с 1856 г. Переехав в 1860 г. в Бердичев, становится профессиональным литератором. Под псевдонимом Менделе Мохер-Сфорим стал известен как бытописатель русского еврейства. С 1881 г. жил в Одессе; автор многочисленных повестей и рассказов, написанных как на иврите, так и на идише. Умер в Одессе в 1917 г.

³ Бялик Хаим-Нахман — выдающийся поэт, писал в основном на иврите. Родился в 1873 г. на Волыни. Первая известность пришла к нему с публикацией стихотворений из цикла «Песни гнева». В Одессе жил с конца 90-х гг. XIX в., где руководил издательством «Мория». Его поэма «Сказание о погроме» (1903) после перевода на русский язык принесла Бялику всероссийскую известность. В историю еврейской литературы он вошел как «поэт национального возрождения». В 1921 г. эмигрировал в Германию, а затем в Палестину. Умер в 1934 г.

⁴ Черниковский Саул — крупнейший еврейский поэт. Родился в 1875 г. в Таврической губ. С 1890 г. жил в Одессе. Окончил медицинский факультет в Лозанне (Швейцария). Публиковался с 1892 г. Умер в 1943 г. в Палестине.

⁵ Фришман Давид — поэт, прозаик, переводчик, писал на иврите и идише. Родился в 1859 г. в Лодзи (Польша), окончил университет в Бреславле. Начал печататься с тринадцати лет. Позднее издавал еженедельник «Ha Doker» и газету «Ha Voker». Умер в 1922 г.

⁶ Фихман Яков — поэт, прозаик, критик, писал на иврите и идише. Родился в г. Бельцы Бессарабской губ. в 1881 г. Печататься начал с 1901 г. С 1912 г. жил в Палестине, где преподавал историю еврейской литературы и редактировал журнал «Moledet». Умер в 1958 г.

⁷ Жаботинский Владимир (Зеев) — поэт, публицист, драматург, переводчик, общественный деятель. Родился в 1880 г. в Одессе. Учился в Римском университете. После Кишиневского погрома (1903) стал одним из руководителей сионистской организации в России. С 1914 г. жил в различных странах Европы и в Палестине. Умер в 1940 г.

⁸ Равницкий Иошуа-Хона — писатель, публицист и общественный деятель. Родился в 1859 г. в Одессе. Писал на иврите и идише. Умер в 1944 г. в Палестине.

Предисловие, публикация и комментарии Х. ФИРИНА.

С. Кельнер

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА О.Б. ГАВРОНСКОГО В РГИА

Все меньше в наше время «специальных хранилищ» в архивах и библиотеках страны. Скрытые от читателя по понятным, а зачастую и совершенно непонятным причинам, книги и документы выходят на свет, радуя исследователей. Как известно, с конца 60-х гг. в стенах спецхрана были заключены почти все материалы, связанные с историей евреев. Эти источники теперь включаются в свободный научный процесс, подтверждая или опровергая былые гипотезы, давая пищу для новых идей. Одно из таких собраний еврейских документов, совершивших недавно «исход» из спецхрана, — это находящийся в РГИА фонд Осипа Бенедетовича Гавронского.

Данный фонд, состоящий из 84 единиц хранения, был передан в ЦГИА из ЦГАДА в 1971 г. и сразу попал в спецхран, хотя, как будет видно из дальнейшего описания, не содержит никаких «антисоветских» материалов. Фонд № 1692 был скрыт от ученых исключительно по причине своего «пятого пункта». Тем более, что большинство его документов написаны на иврите и на идише и лишь небольшая часть — на русском и немецком языках. Осип Бенедетович Гавронский был промышленником-филантропом и страстным библиофилом. Он являлся зятем и компаньоном известного чаепромышленника Вольфа Высоцкого. Семья Высоцких известна и своими связями с партией социалистов-революционеров. Дочь В. Высоцкого была матерью Михаила и Абрама Гоцев. Дочь самого Гавронского — Амалия была замужем за известным политическим деятелем Фондаминским и, как явствует, в частности, из материалов данного фонда, сама участвовала в эсеровском движении. Можно добавить, что жена сына О. Б. Гавронского организовала побег Григория Гершуни и затем вышла за него замуж. Напомним также, что в фирме Высоцкого служил Ахад-Гаам.

Но, как бы то ни было, «отцы» этих семей продолжали вести свою общественную деятельность в традиционно еврейском русле религиозной благотворительности. Именно миру «отцов» посвящено большинство документов из фонда Гавронского.

История 6 тысяч книг библиотеки Осипа Бенедетовича отражает

некоторые процессы еврейской истории первой половины XX в. в России. Рукописные книги, переданные сыном промышленника Московской еврейской общине, попали частично в Библиотеку имени Ленина, частично в Минский гос. университет, а книги, попавшие в Еврейскую историческую комиссию, были в 1932 г. переданы со всеми ее фондами в ГАФКЭ. В архиве имеются два дела, посвященных судьбе библиотеки: это список старинных книг библиофила, составленный в исторической комиссии в 1927 г., и списки книг, переданных в Библиотеку ГАФКЭ в 1940-м.

О несомненном интересе Гавронского к еврейской литературе и филологии свидетельствуют и некоторые другие материалы его фонда. Исследователь найдет здесь портреты еврейских писателей и философов: Мендельсона и Бенсева, В. Н. Герца и р. Леви Нафтали. Там же находится интереснейший юбилейный фотоальбом, изданный к 75-летию Менделе Мойхер-Сфорима его друзьями и почитателями в 1911 г., и рукопись пьесы драматурга Шальмони. Словари иврита и арамейского, лингвистические таблицы, проспект-реклама «нового учебника древнееврейского языка с русским текстом Голубова» за 1895 г., хранящиеся в фонде, дают представление о развитии еврейской филологии в конце XIX — начале XX в., а сочинение Ш. Диксона «Царская корона» завершает традицию еврейских панегириков восходящим на российский престол монархам.

Большую часть архива занимают документы обширной благотворительной деятельности семьи Высоцких—Гавронских. Согласно иудейской традиции и по зову сердца многие еврейские промышленники в России занимались филантропией, как в общероссийском, так и в сугубо еврейском масштабах. Мир больниц и хедеров, богаделен и ремесленных училищ западных губерний России погиб в катаклизмах XX в. Сегодня, когда делаются попытки возродить еврейскую благотворительность, стоит обратиться к материалам данного фонда.

Исследователь найдет в нем письма ряда благотворительных учреждений, посланные В. Высоцкому, О. Б. Гавронскому и Л. В. Гавронской. Это типовые документы: на фирменном бланке или в проспекте описывается деятельность учреждения, доказывается его полезность и религиозное значение, а затем подается просьба о материальной помощи. Тексты в основном на нескольких языках одновременно: иврит и русский, немецкий и идиш в различных сочетаниях. Причем русские тексты написаны зачастую с сильным «идиш-акцентом», что, несмотря на неграмотность, добавляет документу определенный колорит. В фонде находятся документы многих учреждений.

В еврейские просветительные заведения были посланы: письмо рав. Рейнеса с приложением брошюры «Цель ешибота в Лиде» и воззвание о сборе жертвований на его развитие; присланное учителями религиозной школы в Двинске благодарственное письмо на имя Л. В.

Гавронской, написанное стихами. Ей же адресовано письмо от общества «Ор-Тора» с уведомлением о получении пожертвований. О меценатской деятельности этой семьи свидетельствуют письма Гавронскому и Высоцкому от Талмуд-Тор и ешиботов Палестины. Среди них документы ешибота «Шаар Гашомаим» и общества «Шомрей-Тора». Помогал меценат и организации новых ешиботов в Палестине. Масштабы помощи еврейскому просвещению были велики. Рядом с вышеназванными документами из Палестины — отчет «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Белоцерковского двухклассного еврейского училища» и там же проспект «Бюро по приисканию занятий учащимся иудейского вероисповедания Москвы».

Помогали Гавронские и еврейским богадельням России и Палестины. К ним обращались за помощью строительный комитет сиротского приюта и немецкий еврейский госпиталь из Иерусалима. На имя Гавронского было послано в 1910 г. раввином Даяном письмо с просьбой о помощи Еврейской общенародной кухне, которая обслуживала в Иерусалиме как сефардов, так и ашкеназов. На то, что помощь Гавронского поступала не только выходцам из России, указывают также: новогодняя поздравительная карточка от «Центрального комитета Израелитов Сефардим» и сообщение еврейского сиротско-ремесленного ферсина немецкой общины в Иерусалиме. Не был обойден вниманием ни еврейский сиротский приют для девочек, ни общество всеобщего женского союза, ни общественная больница в Иерусалиме.

О помощи Гавронского палестинофильским организациям говорит отчет общества Керен Каймет Леисраэль за 1909—1910 гг. и извещение комитета «Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». Завершить описание материалов, связанных с благотворительностью семьи Высоцких—Гавронских, можно двумя документами. Первый — это список благотворительных и просветительных учреждений, которыми в 1912 г. были посланы обращения на имя Л. В. Гавронской. Второй документ — письмо от таврического губернатора Истинского Вольфу Высоцкому, в котором первый сообщает о том, что беседовал с Николаем II о филантропической деятельности Высоцкого.

Особый комплекс материалов архива Осипа Бенедетовича составляют документы, связанные с иудаизмом. Это письма раввинов, в том числе и Главного раввина ашкеназийской общины Палестины Х. Берлина; речи, статьи, воззвания религиозных лидеров еврейства рассказывают о духовной жизни в начале XX в.: тут и полемика о сионизме и о порядках в Володинском ешиботе, и иные приметы того времени. Обращают на себя внимание объявления известного виленского издательства «Вдовы и братьев Ромм» о начале издания в 1904 г. богословской библиотеки и проспект еврейского молитвенника. Имеются в фонде и комментарии к Талмуду.

А рядом с этими традиционными материалами исследователь найдет совсем иные документы. Первый из них — проспект лекций по аграрному вопросу и другим актуально-политическим проблемам России того времени. Второй документ внешне непримечателен: это три медицинские справки о здоровье дочери Осипа Бенедетовича — Амалии Фондаминской. Как мы помним, через нее немалые деньги отца попадали в руки социалистов-революционеров. И вот в 1905 г. отцу пришлось доставать справки о душевном расстройстве Амалии, из-за которого она не может переносить тюремное заключение.

Как видим, пути еврейской молодежи в русскую революцию могли начинаться и из местечковой хибары, и из московского особняка, вот только заканчивались они совсем не там, где этим революционерам мечталось. В частности, для Амалии Фондаминской все завершилось не так уж плохо — эмиграцией во Францию.

Большой интерес для нас представляют фотоматериалы фонда. В нем находятся фотографии тех, кому помогала семья еврейских филантропов. Перед нами предстают ученицы и преподаватели из «Бет Хилух Елодим» в Иерусалиме; ученики и преподаватели из Борзенской и Ломженской Талмуд-Тор, группы членов общества «Кадима» в Подольске. Ряд фотографий знакомит нас с буднями ремесленной школы в Иерусалиме, с ее мастерскими и персоналом. В архиве находится групповой снимок членов комитета реорганизации московской еврейской общины.

**РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИУДАИКА 1994—1995 гг.

Новые поступления в ИНИОН РАН

Часть 2

11. СОВРЕМЕННОЕ ЕВРЕЙСТВО (ПОСЛЕ 1948)

227. *Альбац Е.* Еврейский вопрос.— М.: Независимое изд-во ПИК, 1995.— 78 с.

Размышления о судьбах евреев в Советском Союзе и в современной России, об опасности фашизма, о Холокосте.

228. *Аннинский Л.* Так кто же у нас более русский, чем сами русские? // Дружба народов.— М., 1995.— № 1.— С. 189—191.

О статье публициста Д. Е. Фурмана «Массовое сознание российских евреев и антисемитизм» (Свободная мысль. 1994. № 9).

229. *Ашкинази Л.,* Гайнер В. Еврейская тема в советской и постсоветской прессе 1990—1994 годов по данным контент-анализа // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1995.— № 1(8).— С. 51—60.

230. *Гасратян С. М.* Иудаизм — история и современность // Восток.— М., 1995.— № 4.— С. 181—187.

Обзор выступлений на Международной научной конференции в Институте востоковедения РАН 21—23 декабря 1994 г.

231. *Гительман Ц.,* Червяков В., Шапиро В. Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1994.— № 3(7).— С. 121—144.

Социологическое исследование.

232. *Дауге Ф.* Евреи в Москве // Огонек.— М., 1995.— № 15.— С. 26—27.

Четыре истории современных московских евреев; отношение к эмиграции.

233. *Кантор А.* Еврей как русский человек // Лицом к лицу: Религ. диалог.— М., 1995.— С. 52—54.

Особенности еврейского менталитета в современной России.

234. *Куповецкий М.* Особенности этнодемографического развития еврейского населения Украины во второй половине XX века // Филос. и социол. мысль.— Киев, 1994.— № 5/6.— С. 165—184.

235. *Мурзаханов Ю. И.* Современная семья у горских евреев Кабардино-Балкарии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.— М., 1994.— 28 с.

236. *Нитобург Э. Л.* США: «исчезающий американский еврей?»: Ин-

теграция или ассимиляция? // Этногр. обозрение.— М., 1995.— № 4.— С. 126—136.

История и современное состояние еврейской диаспоры в США. С середины XVII в. до настоящего времени.

237. *Попова Е.* Приход для калифорнийского раввина: Один день в моск. синагоге // Новое время.— М., 1995.— № 2-3.— С. 42.

О раввине московской синагоги на Большой Бронной Иосифе Кунине. Община хасидов.

238. *Собкин В.* Ценностные ориентации еврейского подростка: Опыт социологического исследования // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1995.— № 1(8).— С. 4—50.

Результаты социологического опроса, проведенного в Москве.

239. *Чурилов Н.* Евреи в Украине: какие проблемы? // Филос. и социол. мысль.— Киев, 1994.— № 11-12. С. 21—29.

Социологический очерк. Причины эмиграции; усиление антисемитизма.

12. БИОГРАФИИ, МЕМУАРЫ

240. *Браславский Л. Я* — русский еврей: Гл. из кн. // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 225—260.

О жизни евреев в СССР. Мемуары.

241. *Васильков Я. В.* Только об одном востоковеде...: (Гebraист Михаил Николаевич Соколов, 1890—1937) // In memoriam: Ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченка.— М.; СПб., 1995.— С. 233—252.

242. *Гессен В. И. Н.* Винников в 20-е годы XX века: еврейская тема // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1995.— № 1(8).— С. 186—198.

243. *Гордон Я.* Александр Дейч: К 100-летию со дня рождения // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 385—390.

244. *Грузенберг О.* Страницы воспоминаний // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1994.— № 3(7).— С. 221—240.

Мемуары О. Грузенберга (1866—1940), известного адвоката.

245. *Евреи* Нижнего Новгорода.— Ниж. Новгород: ТОО «Апрель КолТД», 1995.

Т. 2 / Нижегород. о-во евр. культуры; Редкол.: Блинцовский С. и др. 216 с.— Список опубл. работ по евр. лит. д-ра филол. наук Либлицсона З. Х.: с. 214—216.

Т. 3. К 50-летию победы над гитлеровской Германией / Фонд возрождения евр. культуры и религии в Ниж. Новгороде; Редкол.: Белкин Д. И. (предс.) и др.— 188 с.

Биографии выдающихся деятелей науки и культуры, участников Великой Отечественной войны.

246. *Зайчик Р.* Союз «Ахим» («Братья»): Фрагм. воспоминаний // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1995.— № 1(8).— С. 222—233.

Конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.

247. *Калужный А.* Символ века // Огонек.— М., 1995.— № 16.— С. 28.

Биографический очерк о М. Н. Клеймане, которому исполнилось 103 года.

248. *Григорий* Адольфович Ландау: необходимые уточнения / Публ. В. Гессена // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1994.— № 3(7).— С. 189—192.

О последнем периоде жизни известного философа и публициста. Погиб в 1941 г.

249. *Протас В.* Памятник нижегородским евреям // Кн. обозрение.— М., 1995.— № 34.— С. 5.

О сборнике «Евреи Нижнего Новгорода». Т. 1, 1993; Т. 2-3, 1995.

250. *Н. И. Рутберг* // Преподавание истории в шк.— М., 1994.— № 8.— С. 8.

Библиограф, специалист по истории иудаики. Некролог.

251. *Салмон Л.* Жизнь и творчество Бей-Ами // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1994.— № 3(7).— С. 145—155.

Публицист и писатель М. Я. Рабинович (1854—1932).

252. *Сектор Р.* По образу и подобию: Размышления о Януше Корчаке // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 383.

253. *Хитерер В.* Арнольд Давидович Марголин — защитник Бейлиса // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1994.— № 3(7).— С. 156—172.

254. *Шмерлинг Ж. М.* Некоторые ненаучные аспекты научной биографии Р. Б. Хесипа // Репрессированная наука.— СПб., 1994.— Вып. 2.— С. 278—284.

13. СТРАНА ИЗРАИЛЬ (ВКЛЮЧАЯ АРХЕОЛОГИЮ) И ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА НА ТЕРРИТОРИИ ИЗРАИЛЯ

13.1. Древний период до исламского завоевания

255. *Ковельман А. Б.* Рим и Иерусалим // Преподавание истории в шк.— М., 1995.— № 1.— С. 34—39.

256. *Семенченко Л. В.* Представления о вмешательстве божества в ход военных действий в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия // Вестн. древ. истории.— М., 1993.— № 3.— С. 173—181.

13.2. Период Британского мандата

257. *Корчак Я.* Заметки об Эрец-Израэль // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 288—292.

14. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ

14.1. История

258. *Возняк Г.* Возрождение государства и человек: аспект Земли обетованной и спасения // Филос. и социол. мысль.— Киев, 1994.— № 5/6.— С. 142—154.

Образование государства Израиль и создание самостоятельного Украинского государства.

14.2. Политическая жизнь

259. *Ицхак* Рабин пасует перед кнессетом // Эхо планеты.— М., 1995.— № 22.— С. 11.

Приостановление с 22 мая 1995 г. конфискации земель в Восточном секторе Иерусалима под нажимом депутатов кнессета.

260. *Козлик Д.* Ядерный призрак на Ближнем Востоке // Моск. новости.— М., 1995. 26 февр.— 5 марта. № 15.— С. 12.

Ядерный потенциал Израйля.

261. *Осколок* империи на земле иудейской // Новое время.— М., 1995.— № 19/20.— С. 29.

О после России в Израиле А. Бовинне.

262. *Поляк В.* Израиль: от взрыва до взрыва // Моск. новости.— М., 1995.— № 56.— С. 10.

О терроризме палестинцев, принадлежащих к военизированному крылу «Хамас».

14.3. Право

263. *Исследование* правоохранительными органами Израйля последствий террористических действий на оккупированных территориях // Борьба с преступностью за рубежом.— М., 1995.— № 7.— С. 26—32.

О статье специалистов Института судебной медицины Тель-Авивского университета.

14.4. Национальные отношения

264. *Израиль*: «Противостоять тем, кто нас ненавидит...» // Рус. мысль.— Париж, 1995.— 26 янв.— 1 февр. № 4062.— С. 1, 6.

О террористической акции палестинцев между Тель-Авивом и Хайфой 22 января 1995 г.

265. *Ковалев К.* Метаморфозы правозащитников // Лит. Россия.— М., 1995.— № 24-25.— С. 6.

По страницам газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк) о позиции бывших российских правозащитников за права евреев относительно положения арабов в Израиле.

266. *Любин И.* Палестинские камикадзе // Эхо планеты.— М., 1995.— № 33.— С. 12—13.

Террористические акты палестинцев на территории Израиля.

267. *Павленко С.* Новые израильтяне? // Век XX и мир.— М., 1994.— № 9/10.— С. 2—5.

Исторические судьбы русских в постсоветскую эпоху; российская алия в Израиле.

268. *Поляков Ю. А.* Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Новая и новейшая история.— М., 1995.— № 3.— С. 8—15.

В Израиле и в других странах.

269. *Чертюк С.* «Черкесы» Ближнего Востока // Рус. мысль.— М., 1995.— 1 февр. № 4062.— С. 7.

Кавказские горцы на территории Израиля. Политические и социальные проблемы.

270. *Шумилин А.* «Священное яблоко раздора?» // Моск. новости.— М., 1995.— 4.— 11 июня. № 39.— С. 13.

Реакция арабов на решение властей Иерусалима об отчуждении под жилищное строительство земель в восточной части города.

14.5. Международные отношения

271. *Горелик М.* Новый мир в Иудее и Самарии // Новое время.— М., 1995.— № 40.— С. 24—25.

Промежуточное соглашение 1995 г. и динамика израильско-палестинских отношений.

272. *Джабер Хасан Али.* Ливано-палестинские отношения в период ливанского кризиса (1975—1989): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / РАН. Ин-т востоковедения.— М., 1994.— 15 с.

273. *Ефимов В.* Ближний Восток: трудная дорога к миру // Свобод. мысль.— М., 1994.— № 12-18.— С. 69—80.

История арабо-израильского конфликта 1947 г.

274. *Зачем* Рабин едет в Россию? // Моск. новости.— М., 1995.— 10—17 сент. № 61.— С. 7.

Об однодневном визите Рабина в Москву с целью обсуждения ядерной сделки России с Ираном.

275. *Капитонов К.* «В башмаки Голды я влезать не собираюсь» // Моск. новости.— М., 1995.— 12—19 февр. № 11.— С. 2.

Интервью с послом Израиля в России А. Шенар.

276. *Летов В.* Просто Бовин // Огонек.— М., 1994.— № 50/51.— С. 13.

А. С. Бовин — чрезвычайный посол России в Израиле.

277. *Никушкина О.* Израиль: взгляд справа: Неофициал. визит в Москву делегации израил. оппозиции познакомил рос. политиков с позицией консерваторов // Моск. новости.— М., 1995.— 6—13 авг. № 53.— С. 11.

278. *Нойбергер Б.* Через компромиссы к миру // Азия и Африка сегодня.— М., 1995.— № 5.— С. 22—27.

Арабо-израильские отношения в 1970—1990-х гг.

279. *Симановский С. И.*, Стрепетова М. П. Израиль.— М.: Междунар. отношения, 1994.— 207 с.— Библиогр.: с. 206—207.

280. *Чистяков А.* Ближний Восток после урегулирования арабо-израильского конфликта // Междунар. жизнь.— М., 1995.— № 2.— С. 106—116.

281. *Чувахин Д. С.* Израиль накануне разрыва дипотношений в 1967 году // Междунар. жизнь.— М., 1994.— № 9.— С. 124—135.

Воспоминания бывшего чрезвычайного посла в Израиле.

282. *Шумилин А.* Израиль и ООП «запустили» мир // Новое время.— М., 1995.— № 41.— С. 28—29.

О проблемах мирного решения израильско-арабского конфликта на современном этапе.

283. *Шумилин А.* Скандал, который не состоялся: Расстреливал ли израильский посол египетских военнопленных? // Новое время.— М., 1995.— № 9.— С. 29—30.

О событиях 1967 г.

14.6. Религиозная жизнь

284. *Гомберг Л.* Когда «малый народ» становится «большим» // Новое время.— М., 1995.— № 8.— С. 26—29.

Религиозная жизнь современного Израиля; алия. Иерусалим — город трех великих религий.

14.7. Культура, литература, искусство, театр, кино

285. *Богатырева М.* Здравсьте, я вернулся: «Глава вторая», или «С Новым годом!» // Новое время.— М., 1995.— № 37.— С. 37.

О музыканте Максиме Леонидове, приехавшем в Москву из Израиля для записи нового диска на иврите.

286. *Ельшевская Г.* Искусство быть собой // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 55—58.

Беседа с израильским художником Я. Раухвергером.

287. *Жудро А.* Ухо-горло-нос меняет профессию // Эхо планеты.— М., 1995.— 11—17 марта.— С. 18—21.

Об Олеге Шварцбурге, враче в России и художнике-карикатуристе в Израиле.

288. *Павлов В.* Попугай с топором: Михаил Гробман. Работа. Размышления // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 52—54.

Израильский художник, эмигрант из России.

289. *Разговор* с Григорием Островским // Искусство.— М., 1994.— № 2.— С. 49—52.

Беседа А. Комарова о художественной жизни Израиля, о художниках и искусствоведах, приехавших из России.

290. *Савранский И.* Литература в Израиле 70-х годов на русском языке: Некоторые ключевые особенности лит. процесса (ст. из кн. «Глагол») // Диапазон.— М., 1995.— № 1.— С. 63—71.

291. *Фиш Г.* Очерки современной израильской литературы: Шмуэль Йосеф Агнон и др. писатели.— Иерусалим: Geshtarim; Москва: Евр. ун-т в Москве, 1994.— 126 с. (Учеб. б-ка Евр. ун-та).— Библиогр.: с. 120—125.

Также о писателях А. Б. Иехошуа, А. Аппельфельде, Х. Н. Бялике (1873—1934), Ш. Й. Шапиро (1904—1990) и У. Ц. Гринберге (1894—1981).

292. *Холмогорова Е.* Земная жизнь земли обетованной // Знамя.— М., 1995.— № 7.— С. 220—221.

О романе на иврите израильского писателя П. Оза «Мой Михаэль» (М., 1994).

14.8. Музейное и архивное дело

293. *Лищинский И.* Музей Израиля в Иерусалиме // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 391—406.

14.9. Персоналии

294. *Боровой Я.* Солдат четырех войн // Новое время.— М., 1995.— № 22.— С. 27—29.

Рассказ Ицхака Арада, советского партизана в годы Великой Отечественной войны, генерал-майора израильской армии, бывшего ректора мемориального комплекса Яд Вашем о своей жизни и о Музее памяти жертв фашистского геноцида.

295. *Звягельская И. Д.* Ближний Восток: открытие горизонтов // Восток.— М., 1995.— № 1.— С. 205—207.

Попытка философского осмысления настоящего и будущего Ближнего Востока в мемуарах министра иностранных дел Ш. Перса в книге «Новый Ближний Восток» (М., 1994).

296. *Меир Г.* Моя жизнь. Главы из книги // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 209—224.

297. *Письма Йони:* портрет героя // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 308—369.

Письма подполковника Йонатана Нетаньягу, руководителя операции в Энтеббе по освобождению заложников, пассажиров самолета «Эр-Франс» в июле 1976 г. Письма 1963—1976 гг. Перевод с иврита М. Улановской.

15. ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОР И ИСКУССТВО

298. *Беляускене Р., Кантор А.* Еврейские музеи в Вильнюсе // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 64.

299. *Каковкин А. Я.* Уникальная коптская ткань VII—VIII вв. с ветхозаветным сюжетом // Эрмитажные чтения 1896—1994 годов памяти В. Г. Луконина (21.I.1932—10.IX.1984).— СПб., 1995.— С. 233—234.

15.1. Изобразительное искусство

300. *Антокольский М.* Выставка произведений: К 150-летию со дня рождения / Гос. Рус. музей; Авт. вступ. ст. и кат. Кривдина О. А.; Науч. ред. Шапошникова Л. П.— СПб., 1994.— 88 с., ил.

301. *Апчинская Н.* Рувим Мазель (1890—1967) // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 24—28.

302. *Библия* в гравюрах Гюстава Доре с библейскими текстами по синодальному переводу / Рос. библ. о-во.— М.: Свет на Востоке, 1993.— 467 с., ил.

303. *Бялик В., Бялик А.* Нужна ли еврейским художникам своя галерея? // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 59—60.

«Новый Ковчег» — галерея еврейских художников, созданная в Москве в 1992 г.

304. *Герчук Ю.* Абрам Эфрос и еврейские художники // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 13—15.

305. *Заполянский А.* Арон Бух: россыпи мира // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 43.

О пейзажах художника.

306. *Заполянский Г.* Роман Вайншток — возвращение блудного сына // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 37—40.

Об этапах творчества художника.

307. *Заполянский А.* Графика — мой язык // Мост-Гешер.— М., 1995.— № 1(6).— С. 30.

Влияние библейских текстов в творчестве художника.

308. *Иткина Е.* Еврейское переселение в Крым 1920—1930-х годов в графике М. Х. Горшмана // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 44—48.

309. *Казовский Г.* Сарра Шор — художник Культур-Лиги // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 20—23.

Культур-Лига создана в 1918 г. в Киеве.

310. *Кантор А.* Диаспора и судьба искусства народа // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 3—7.

Национальные черты еврейского искусства в области архитектуры и живописи.

311. *Лебедева Е.* Марк Шагал и хасидизм // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 16—19.

312. *Попова Л.* Неизвестный Зальцер: История открытия // Искусство.— М., 1994.— № 1.— С. 28—30.

О творчестве художника-графика С. З. Зальцера (1898—1941). Погиб в гетто.

313. *Рапопорт А.* Корни и ветви «Эц-Хаим». Очерк о музее совре-

менного искусства в Москве // Искусство. — М., 1994. — № 1. — С. 61—63.

314. *Сидоров А.* Бегство к себе // Искусство. — М., 1994. — № 1. — С. 40—42.

О художнике А. Чечике, иллюстраторе Ветхого Завета.

315. *Фехнер-Смарслы Т.* Свет из синагоги: Инсталляция Миши Кубалла // *Kulturchronik*. — Вонп, 1994. — № 4. — С. 13—14.

Синагога в Штоммелыне, недалеко от Кельна, пережившая эпоху национал-социалистической диктатуры. Инсталляция дюссельдорфского художника под названием «Рефракционный дом» (1994 г.).

316. *Финкельштейн Л.* Басов — сын Басова // Искусство. — М., 1994. — № 1. — С. 33—34.

О двух художественных выставках в Минске: «От Марка Шагала в прошлое и настоящее» (при участии Израиля Басова) и персональной выставке Матвея Басова, его сына.

317. *Фрейд З.* «Моисей» Микельанджело // Простор. — Алма-Ата, 1995. — № 2/3. — С. 139—146.

318. *Чайковская В.* Илья Табенкин авангардный и традиционный // Искусство. — М., 1994. — № 1. — С. 34—36.

319. *Чегодаева М.* Григорий Бениционович Ингер // Искусство. — М., 1994. — № 1. — С. 30—32.

О еврейском художнике-графике; иллюстрации к произведениям Шолом-Алейхема.

320. *Шихер Г.* Существует ли еврейское искусство? // Искусство. — М., 1994. — № 1. — С. 8—12.

О творчестве еврейских художников.

15.2. Музыка

321. *Арфы на вербах: Призвание и судьба Моисея Береговского /* Сост. Береговская Э.; Подгот. Эгпель А. — Иерусалим: Gescharim press; Москва: Еврейский ун-т в Москве, 1994. — 232 с., факс., нот., 4 л. ил.

322. *Летов В. И.* Кобзон: я гораздо лучше, чем моя репутация // Огонек. — М., 1995. — № 35. — С. 36—38.

Пресс-конференция в Тель-Авиве.

323. *Чердниченко Т.* Декабрьские чтения Библии: Что происходит, когда случается чудо? // Новое время. — М., 1995. — № 2-3. — С. 50—51.

«Декабрьские вечера» в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в 1994 г. под девизом «Художник читает Библию».

15.3. Театр

324. *Биневиц Е.* Еврейский театр в Одессе: Очерк первый: А. Гольдфаден и его труппа // Вестн. Евр. ун-та в Москве. — М.; Иерусалим, 1994. — № 3(7). — С. 87—106.

Вторая половина XIX в.

325. *Биневич Е.* Еврейский театр в Одессе: Очерк второй: начало 1880-х годов // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1995.— № 1(8).— С. 147—174.

326. *Винокуров А.* «У меня были иллюзии...» // Новое время.— М., 1995.— № 18.— С. 36—37.

Интервью с Г. Хазановым.

327. *Дейч А.* Маски еврейского театра // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 261—287.

От Гольдфадена до Грановского. Путь еврейского театра.

328. *Куширов М.* Рукописи не горят. Холсты тоже // Моск. новости.— М., 1995.— 12—19 марта. № 17.— С. 19.

О фильме «Сентиментальный гротеск», сценография еврейского театра ГОСЕТ в Москве.

329. *Сабовский Я.* Платок Огелло, или Гаврила Вовси следует Москва — Вена — Тель-Авив: В гостях у Нины Михоэлс // Театр.— М., 1994.— № 4.— С. 124—132.

Интервью с дочерью С. Михоэлса.

330. *Ялипольская Е.* Встретились на московской сцене англичанин, еврей и француз ... // Известия.— М., 1995.— 2 марта. № 40.— С. 7.

О постановке пьесы «Тойбеле и ес демон» И. Башевица Зингера на сцене МХАТа.

15.4. Кино

331. *Грачев А.* Список Альтера // Новое время.— М., 1995.— № 5.— С. 32.

О новом фильме М. Альтера «Цедек, Правсдники». О жертвах Холокоста и о людях, которые спасали евреев.

332. *Кагарлицкая А.* Фокус Роднянского // Искусство кино.— М., 1994.— № 10.— С. 168—169.

О фильме А. Роднянского «Марш живых», о еврейских детях из разных стран, прошедших по маршрутам прошлого.

333. *Караганов А.* «Еврейское счастье» // Родина.— М., 1995.— № 6.— С. 16—19.

О С. М. Михоэлсе и фильме «Еврейское счастье».

334. *Михаил Кац:* «Сотворить мир и подглядывать, как он живет» // Искусство кино.— М., 1994.— № 12.— С. 38—44.

Беседа П. Сиркеса с режиссером фильмов на библейские сюжеты.

335. *Спилберг С.* «Я тоже был там...» // Искусство кино.— М., 1994.— № 10.— С. 4—6.

Интервью с режиссером фильма «Список Шиндлера».

336. *Туровская М.* Запредельное торможение // Искусство кино.— М., 1994.— № 10.— С. 20—28.

О фильме С. Спилберга «Список Шиндлера».

337. *Цыркун Н.* Ковчег Спилберга // Искусство кино.— М., 1994.— № 10.— С. 34—37.

О фильме С. Спилберга «Список Шиндлера».

338. *Черненко М.* Услышать голос из тьмы // Искусство кино.— М., 1994.— № 10.— С. 28—34.

О фильмах С. Спилберга «Список Шиндлера» и И. Дылевской «Дневник Марека Эдельмана в варшавском гетто».

15.5. Литература

339. *Алабин Л.* Тайна жизни и загадка псевдонима // Наш современник.— М., 1995.— № 8.— С. 222—224.

Об автобиографической повести Ю. М. Нагибина «Тьма в конце туннеля».

340. *Аннинский Л.* Бред полукровки // Время и мы.— Нью-Йорк, 1994.— № 125.— С. 120—134.

Эссе известного литературоведа о психологических проблемах человека со смешанной кровью, в частности полуеврейской.

341. *Асовский В.* Вильнюс: уединенные размышления о писательской национальности // Знамя.— М., 1995.— № 8.— С. 213—214.

О писателе Григории Кановиче, переселившемся в 1993 г. из Литвы в Израиль.

342. *Астахова А. А.* Библейские образы в дооктябрьской поэзии В. В. Маяковского // Язык и культура: Третья междунар. конф. Доклады.— Киев, 1994.— Ч. 1.— С. 230—240.

343. *Барац А.* Лики Торы: Роман-быль.— М.; Иерусалим, 1995.— 239 с.— Библиогр.: с. 237.

Теологические вопросы иудаизма в контексте современной западной культуры; проблемы иудео-христианского диалога, написанные на автобиографическом материале в форме мидраша.

344. *Бартов Х.* Райский сад: Рассказ / Пер. с иврита // Звезда.— М., 1995.— № 7.— С. 93—107.

345. *Визель Э.* Город Удачи // Октябрь.— М., 1995.— № 5.— С. 82—159.

346. *Виктор Шендерович:* «Когда я слышу слово «народ», рука тянется к валидолу» // Новое время.— М., 1995.— № 30.— С. 40—42.

Беседа Т. Андриасовой с известным литератором, в частности, о судьбе еврея в России.

347. *Волков Ю.* Вирсавия: [Повесть] // Знамя.— М., 1995.— № 5.— С. 90—113.

348. *Гари Р.* Избранное / Пер. с фр., предисл. Зверева А.— Рига: Полярис, 1994.— 655 с., 1 л. порт.— (Urbi et orbi).

349. *Гиршович Л.* Прайс // Вестн. новой лит.— М., 1994.— № 8.— С. 116—160.

Начальные главы романа.

350. *Горенштейн Ф.* Избранное: В 3 т.— М.: Слово, 1993.
- Т. 3. Псалом: Роман-размышление о четырех казнях Господних; Детоубийца: Пьеса. 479 с., ил.
351. *Достоевский Ф. М.* Еврейский вопрос.— М.: Витязь, 1995.— 96 с.
352. *Елисеева М.* Юдифь, ночь спасения // Отечествен. зап.— М., 1993.— № 2.— С. 5—44.
353. *Жаботинский В. (3)* Пятгери: [Роман]. Окончание // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 6—91.
354. *Зайчик М.* Взводный и Рафаил: [Рассказ] // Звезда.— СПб., 1995.— № 6.— С. 59—62.
355. *Зайчик М.* Гальперин и автомобиль: [Рассказ] // Звезда.— СПб., 1995.— № 6.— С. 62—64.
356. *Иванченко А.* Солнечное сплетение: [Роман] // Согласие.— М., 1995.— № 29.— С. 3—81.
357. *Ивлева Т. Г.* Интерпретация библейских сюжетов в Петропавловском цикле К. Ф. Рылеева // Романтизм, эстетика и творчество.— Тверь, 1994.— С. 78—86.
358. *Кац Б.* Песенка о еврейском музыканте: «шутка» или «кредо»? К подтекстам и интерпретациям стихотворения Мандельштама «Жил Александр Гершович...» // Новое лит. обозрение.— М., 1994.— № 8.— С. 250—268.— Библиогр.: с. 267—268.
359. *Кацис Л.* Герои Бабеля и эволюция еврейского мира: К типологии творчества писателя // Лит. обозрение.— М., 1995.— № 1.— С. 73—76.
360. *Кенэлли Т.* Список Шиндлера / Пер. с англ.— М.: Эрика, 1994.— 560 с., ил.
361. *Кенэлли Т.* Список Шиндлера // Искусство кино.— М., 1994.— № 10.— С. 7—19.
- Фрагменты романа.
362. *Кишон Э.* [Рассказы] / Пер. с нем. Н. Берновской // Иност. лит.— М., 1995.— № 5.— С. 53—64.
363. *Кнут Д.* [Стихотворения] // Арион.— М., 1995.— № 1.— С. 45—56.
364. *Кривонос В. Ш.* Заметки об иудейской теме у Мандельштама // Филол. зап.— Воронеж, 1995.— Вып. 4.— С. 102—109.
365. *Кротков А.* Иудейская война // Кн. обозрение.— М., 1995.— № 26.— С. 17.
- Рец. на кн.: *Островски В.* Лев Иудей: [Роман] / Пер. с англ.— М., 1994.
366. *Ласкер-Шюлер Э.* Примирение. Мой народ. Ева. Суламифь: [Стихи] / Пер. с нем. Л. Озерова // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 92—95.

367. *Левина А.* Брак по-эмигрантски: [Роман] // Звезда.— СПб., 1995.— № 8.— С. 7—76.

368. *Левина А.* Брак по-эмигрантски: [Роман]. Ч. 3. // Звезда.— СПб., 1995.— № 9.— С. 5—64.

369. *Либерман Я. Л.* Параллелизмы библейского типа как элемент поэтики И. Бабеля // Я хочу Интернационала добрых людей...— Екатеринбург, 1994.— С. 18—20.

370. *Липкин С.* «Запад есть Запад, Восток есть Восток...»: [Стихи] // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 261.

371. *Маламуд Б.* Птица-еврей: [Рассказ] / Пер. с англ. В. Каганова // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 135.

372. *Малоизвестные* работы И. Бабеля // Я хочу Интернационала добрых людей...— Екатеринбург, 1994.— С. 33—60.

Повесть «Еврейка» и перевод рассказа Д. Бергельсона «Джироджи-ро».

373. *Мац И. А. И.* Бабель и Д. Бергельсон: (Опыт сравнительного анализа) // Я хочу Интернационала добрых людей...— Екатеринбург, 1994.— С. 27—31.

374. *Меламед Е.* Из комментария к «Краткой еврейской энциклопедии» // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М., 1995.— № 1(5)— С. 199—205.
К биографии видного еврейского поэта и публициста А. Б. Готлобера (1810—1899). Новое о Менделе Мойхер-Сфориме.

375. *Миркина З.* Дорога к внутреннему храму // Лики культуры.— М., 1995.— Т. 1.— С. 467—478.

Библейские мотивы в поэзии.

376. *Мочалова В. В.* Еврейские предствления об Эросе и их преломление в прозе И. Б. Зингера // Национальный эрос в культуре.— М., 1995.— С. 35—36.

377. *Некрич Г. М.* Идиш — русские взаимосвязи в творчестве И. Бабеля // Я хочу Интернационала добрых людей...— Екатеринбург, 1994.— С. 11—15.

378. *Одесский М.,* Фельдман Д. Бабель и хасидизм: Оправдание революции // Лит. обозрение.— М., 1995.— № 1.— С. 78—83.

379. *Поляков М.* Семь ворот скрытого Иерусалима: [Стихи] // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 204—208.

380. *Постоутенко К. Н. К. и Э. К.* Метнеры: парадокс национальной самоидентификации: (К публ. неизвест. письма А. Белого) // Опытгы.— СПб.; Париж, 1994.— № 1.— С. 105—113.

О письме 1911 г. к Н. К. Метнеру. Корни «юдобязни».

381. *Распяты:* писатели — жертвы политических репрессий / Автор-сост. З. Л. Дичаров.— СПб.: Северо-Запад; Всемирн. слово, 1993—1994.— Вып. 1-2.— 353 с.

382. *Рахель.* «На страданиях Иова раскрой мой Танах...»: Стихи / Пер. с иврита В. Гройсмана. // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 5.

383. *Реморова Н. Б.* Произведения Древнего Востока в «Голосах

народов» Гердера и характер их восприятия Жуковским // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее.— Томск, 1994.— Вып. 2.— С. 109—113.

О работе немецкого просветителя И. Гердера «О духе еврейской поэзии» (1804) и ее влиянии на В. А. Жуковского.

384. *Розенфельд А.* «Звезда Израиля, укажи мне путь...»: [Стихи] // Ковчег.— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 144—145.

385. *Санчук В.* Он знал наизубок наше время... // Лит. газ.— М., 1995.— 28 июня. № 26.— С. 5.

О статье А. Сопровского «О Книге Иова».

386. *Стратановский С.* Библейские заметки: [Стихи] // Согласие.— М., 1995.— № 29.— С. 82—87.

387. *Тамарченко Н.* Спор о Боге и личности в эпоху утраченной простоты // Новое лит. обозрение.— М., 1995.— № 11.— С. 245—255.

О романе М. Берга «Вечный жид» (СПб., 1991).

388. *Тименчик Р., Копельман З., Вячеслав Иванов и поэзия Х. Бялика* // Новое лит. обозрение.— М., 1995. № 11.— С. 102—118.

389. *Толстой Л.* Что такое еврей // Ковчег— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 381—382.

390. *Тополь Э.* Любожид: [Детектив].— М.: ЭРГО-ПРЕСС, 1994.— 448 с.— (Обойма детективов).

391. *Ульман Ф.* Воссоединение: [Повесть] // Ковчег— М.; Иерусалим, 1994.— Вып. 4.— С. 96—134.

О временах нацизма и судьбах немецких евреев.

392. *Уразаева Т. Т.* Мотивы библейской «Книги Иова» в лирике Лермонтова // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее.— Томск, 1994.— Вып. 2.— С. 107—109.

393. *Хаггард Г. Р.* Луна Израиля; Клеопатра; Жумчужина Востока: [Романы] / Сост. Секей М.— М.: Терра, 1992.— 574 с., ил.

394. *Хам Ен Джун.* Библейские реминисценции и элементы гротеска в «Деле» А. В. Сухова-Кобьлина // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение.— СПб., 1995.— Вып. 4.— С. 75—82.

395. *Шмелев И.* Я жизнемыслью, следовательно — я мыслежизню // Огонек.— М., 1995.— № 20.— С. 33.

О Г. Гачеве и его книге, посвященной еврейству («Еврей. Жид. Иудей»), готовящейся к печати.

396. *Шукина Н. Е.* Библейские реминисценции в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: (Книга Иова в контексте произведения) // Индивидуальное и типологическое в литературном процессе.— Магнитогорск, 1994.— С. 94—102.

397. *Эткинд Е.* Иванов и Ротшильд // Вопр. лит.— М., 1995.— Вып. IV.— С. 131—152.

Еврейская тема и тема российского антисемитизма в рассказе А. П. Чехова 1894 г. «Скрипка Ротшильда».

398. *Юрѳева И. Ю.* Библейская книга Иова в творчестве Пушкина // Рус. лит.— СПб., 1995.— № 1.— С. 184—188.

16. СЕМИТСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

399. *Аверинцев С.* Eusplagchnia // Альфа и Омега.— М., 1995.— № 1(4).— С. 11—24.

История слова, библейская символика и грекоязычная культура.

400. *Бирих А., Матешич Й.* Из истории библейских выражений // Рус. яз. за рубежом.— М., 1994.— № 5/6.— С. 41—47.

401. *Гвоздарев Ю. А.* Библеизмы в русской словесности // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка.— Магнитогорск, 1994.— С. 26—34.

402. *Дмитриев Д. В.* Синонимические дублеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова.— СПб., 1994.— С. 43—50.

Греческие и семитические элементы.

403. *Казенин К., Поляков Н.* Международная научная конференция «Перевод Библии. Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты» // Альфа и Омега.— М., 1995.— № 1(4).— С. 179—186.

404. *Матвеева Н. П.* Библеизмы в русской словесности: (Словарь-справочник) // Рус. словесность.— М., 1995.— № 3.— С. 87—91.

Начало см. там же, 1993, № 2—5; 1994, № 1—5; 1995, № 2.

405. *Ориген.* Гомилии на Песнь Песней // Альфа и Омега.— М., 1995.— № 1(4).— С. 78—94.

Перевод с латинского. Два фрагмента.

17. ОБРАЗОВАНИЕ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

406. *Евреи* в Российской империи XVIII—XIX вв.: Сб. тр. евр. историков. Учеб. пособие для учителей евр. шк. и студентов евр. ун-тов / Евр. ун-т в Москве; Сост., авт. вступ. ст. и аннот. Локшин А.— М.; Иерусалим, 1995.— 687 с.— (Памятники евр. ист. мысли).

407. *Левитова А.* Еврейский народный университет в Москве (1918—1921) // Вестн. Евр. ун-та в Москве.— М.; Иерусалим, 1994.— № 3(7).— С. 107—120.

408. *Обзор* и основные методы изучения Библии / Сост. Дж. Хамилтон.— М.: Христиан. миссия «Триада», 1995.— 48 с.

409. *Поляков Н.* Курс библейского перевода в Независимом университете Амстердама // Альфа и Омега.— М., 1994.— № 3.— С. 207—210.

Составитель П. СТРЕЛЬЧЕНКО

А. Локшин

LIBERLES R. Salo Wittmayer Baron: Architect of Jewish History. New York: University Press, 1995. 452 p.

ЛИБЕРЛЕС Р. Сало Уитмайер Барон — творец еврейской истории. Нью-Йорк, 1995.

Столетний юбилей Сало Барона — крупнейшего еврейского историка второй половины XX в.— ознаменован публикацией серьезного исследования израильского историка из Университета Бен-Гуриона в Негеве Роберта Либерлеса, посвященного анализу его научного наследия.

Как известно, собственно еврейская историография возникла в эпоху эмансипации в Германии под непосредственным влиянием идей еврейского просвещения — Гаскалы. Еврейские историки восприняли и приложили критический метод западной историографии к изучению своей древней истории. Три крупнейших историка определили современное видение еврейского национального прошлого: Генрих Грец (1817—1891), Семен Дубнов (1860—1941) и Сало Барон (1895—1990).

У истоков стоял Г. Грец, в чьи одиннадцать томов «Истории евреев с древнейших времен...» Франц Кафка, по его собственным словам, окунулся, «полный страсти и счастья». Даже Карл Маркс, познакомившись с трудами ученого и повстречавшись с ним в 1877 г. в Карлсбаде, умерил свою враждебность иудаизму, от которого он был столь далек. Для Греця еврейская история — это история народа, которому суждено жить и странствовать, мыслить и страдать.

Второй ключевой фигурой еврейской историографии стал С. Дубнов, на рабочем столе которого находился портрет знаменитого позитивиста Джона Стюарта Милля. В своей «Всемирной истории еврейского народа» Дубнов представил историю евреев с рационалистических светских позиций. «Еврейский народ,— писал он,— во всех странах обладал духовной и общественной жизнью, являлся субъектом, творцом собственной истории». События и факты еврейской истории имели, по Дубнову, причины и следствия. И все же сам факт сохранения «вечного народа» в катаклизмах тысячелетий оставался для историка некой загадкой, великим и скрытым таинством. Последним словом С. Дубнова, своеобразным завещанием, отражавшим его подход к истории, был призыв девяностолетнего старца перед гибелью в Рижском гетто: «Ничего не забывайте и все запишите».

С. Барону — нашему старшему современнику — было суждено стать третьим великим интерпретатором еврейской истории. Он родился в

Галиции, в Тарнове, в 1895 г., умер в 1990 г. в Нью-Йорке в возрасте девяноста четырех лет. Либерлес, автор рецензируемой книги, был некоторое время студентом Барона и детально проинтервьюировал героя своего будущего исследования. Особенно его интересовало отношение патриарха еврейской историографии к идеям и концепциям Греца и Дубнова и то, как С. Барон интерпретировал эти идеи в своих собственных исследованиях.

Обращаясь к темам «Еврейская историография» и «Еврей-историки», нельзя забывать, что еврейская традиция предписывала помнить, а не подвергать события историческому анализу. Память (зехэр) — это обязанность всех поколений евреев помнить рабство в Египте, от которого Б-г освободил их. Участникам пасхального седера предлагается представить, что и они сами были рабами. Но от них не требовалось обдумать, насколько участники, вспоминая об этом событии, исторически отличаются от их предков. Верующему еврею предписывается солидаризироваться, идентифицировать себя, раствориться в прошлом, но вовсе не изучать и анализировать его. Жить в вечности, а не во времени. Это представление и является задачей историка. Вот, очевидно, почему, считает Р. Либерлес, первый, кто обратился к составлению исторической хроники евреев, был нееврей. В начале XVIII столетия такую попытку предпринял христианский автор — гутенот Жак Банаж, написавший семитомную «Историю и религию евреев».

В рецензируемой монографии достаточно подробно излагается творческая биография Сало Барона. О выдающихся способностях и трудолюбии Барона свидетельствует его учеба в Венском университете, где ему были присуждены степени доктора философии (1917 г.), политических наук (1922 г.) и права (1923 г.). Примерно в те же годы он закончил Еврейскую теологическую семинарию в Вене и читал лекции по истории в Венском еврейском педагогическом институте. В 1926 г. С. Барон переехал в Соединенные Штаты. Он преподавал в Еврейском институте религии в Нью-Йорке, а в 1930 г. занял кафедру в Колумбийском университете. В послевоенные годы стал директором Центра по исследованию Израиля и еврейского народа в том же университете.

Барон рос в доме, где пользовались несколькими языками: говорили на идише, немецком и польском. Однако для изучения истории народа, чья диаспора существовала на всех пяти континентах, ему потребовались более обширные лингвистические знания. В трудах историка цитируются источники и исследования по крайней мере на двадцати языках. Первую свою статью Барон опубликовал на иврите, затем на немецком, но большинство его трудов написано по-английски. И тем не менее историк ощущал неполноту своих лингвистических познаний. Однажды он посетовал журналисту из газеты «Нью-Йорк Таймс», что ему не хватает владения турецким и венгерским языками.

Либерлес пишет о невероятной трудоспособности героя своего исследования. Не менее пятнадцати часов в сутки С. Барон занимался чтением всевозможных источников и написанием своих исторических сочинений. Не будучи религиозным, он мог работать даже в Йом-Кипур. Студенты высоко ценили его лекции, которые он обычно читал без каких-либо конспектов.

Основной труд Барона — его монументальная восемнадцатитомная «Социальная и религиозная история евреев» — остался незавершенным. Над ним историк работал почти до самой смерти. Последний том завершается серединой XVII в. Несмотря на колоссальную работоспособность, возможно, что именно богатство, продолжительность и разноликость еврейской цивилизации не позволили Барону завершить главный труд своей жизни. Уже задолго до выхода 18-го тома центральная идея исследования как бы вышла из-под контроля ученого. Эта идея позволяла представить еврейское прошлое как нечто согласованное и последовательное. Биограф Барона замечает также, что историк отрицал «слезливую концепцию еврейской истории». Ведь именно подобный взгляд был характерен для многих исследователей, утверждавших, что «не существует новой еврейской истории, а есть лишь еврейская мартирология». Р. Либерлес показывает, насколько далеко Барон стремился уйти от интерпретации еврейского прошлого как «саги о страданиях». В характеристиках средневековых еврейских гетто Барон высоко ставил их корпоративную автономию, которой широко пользовались евреи. Он противился взгляду, что эмансипация и гражданские свободы несли еврейскому народу лишь положительное начало.

В 1973 г. Барон опубликовал том очерков «Древняя и средневековая история евреев», посвященных вопросам положения и юридического статуса евреев в христианских странах в эпоху средневековья. В этом труде историк уделил значительное внимание плодотворному взаимодействию между евреями и окружающими их народами. Такая интерпретация являлась логическим продолжением его отрицания того, что опыт диаспоры может быть отождествлен лишь с историей гонений и преследований.

Невзирая на свою общественно-политическую симпатию к сионизму и Эрец-Исраэль, Барон рассматривал диаспору как равноценный фактор развития еврейского творческого духа.

Ирония, которую в полной мере осознает и сам биограф историка, касается одного из известных эпизодов в жизни Барона. Когда в 1961 г. в Иерусалиме проходил процесс над Эйхманом, Барон был приглашен в суд в качестве эксперта по антисемитизму. Академическая концепция историка сыграла с ним злую шутку. Он признал, что в 30-е гг., когда нацисты уже были у власти в Германии, он считал, что третий рейх после подчинения себе других стран и народов станет более толерантным режимом.

Впрочем, вряд ли стоит уповать на пророчества историков. Их концепции прошлого не должны, очевидно, вызывать слишком много надежд и уверенности в предвидениях будущего. Достаточно вспомнить трагическую жизнь Дубнова, связавшего в своих трудах судьбу еврейства с европейской культурой и цивилизацией.

Барону принадлежит немалая заслуга в легитимации еврейской историографии в американской академической жизни. Уже вскоре после своей эмиграции в Соединенные Штаты Барон стал оказывать влияние на американскую науку; рецензенты его трудов были восхищены его образованностью, оригинальными концепциями, новыми интерпретациями известных событий и явлений.

На протяжении долгих лет Барон был президентом Американской Академии еврейских исследований, возглавлял Совет по еврейским общественным наукам. Он являлся редактором престижного журнала «Jewish Social Studies» и почетным президентом Американского еврейского исторического общества.

Перу Барона принадлежит исследование, на которое, Впрочем, Либерлес не обращает особого внимания, но которое фактически открыло современную главу в истории российского еврейства. В 1964 г. вышла в свет его книга «Русский еврей при царях и советах». Заклучая свое исследование, Барон выражал оптимизм в продолжении еврейской истории в России. Последняя глава его монографии так и называлась — «У дороги нет конца».

В отличие от Гершона Шолема, Барон, как отмечает его биограф, был синтезатором. В своих исследованиях он, как правило, не касался малоисследованных и не введенных в научный оборот пластов еврейского прошлого. В отличие от Соломона Шехтера, не занимался Барон и архивными изысканиями. Либерлес сомневается, что «Социальная и религиозная история евреев» Барона будет жить столь долгий период, как, скажем, «История евреев...» Греца. Однако, отмечает он, у книг патриарха еврейской историографии одно неотъемлемое качество. Они могут быть средством от потери памяти.

М. Гаммал, Р. Капланов

MILLER PHILIP E. Karaites Separatism in nineteenth-century Russia. Joseph Solomon Lutski's «Epistle of Israel's Deliverance». Hebrew Union College Press. Cincinnati, 1993.

МИЛЛЕР ФИЛИП И. Караимский сепаратизм в России девятнадцатого века. «Послание об избавлении Израиля» Иосифа Соломона Луцкого. Цинциннати, 1993.

Книга д-ра Филипа Миллера представляет собой едва ли не первый за многие десятилетия специальный труд по истории восточноевропейских караимов. Она ценна также и тем, что в ней перепечатан и впервые переведен на один из европейских языков давно ставший библиографической редкостью труд выдающегося караимского деятеля первой половины XIX в. Иосифа Соломона Луцкого «Иггерет Тешуат Исраэль» («Послание об избавлении Израиля»). «Послание» посвящено важному событию в истории караимской общины России — путешествию караимских нотаблей Симы Бабовича и самого Луцкого в Петербург с целью добиться у российских властей освобождения караимов от воинской повинности. Как известно, ходатайство Бабовича и Луцкого было удовлетворено.

В приложении дается перевод двух рукописей, близких по содержанию к «Посланию» Луцкого. Это написанный на иврите текст об аналогичной миссии 1795 г., когда несколько руководителей караимской общины Крыма посетили Петербург с целью избавить караимов от уплаты подушного налога в двойном размере. Эта миссия также увенчалась успехом. Другая рукопись посвящена той же теме, что и «Послание», но отличается от него по языку: приводится не только английский перевод, но и крымскокараимский оригинал.

Публикуемые тексты проливают свет на духовный мир восточноевропейской караимской элиты. Очень интересен вывод Ф. Миллера о высокой степени знакомства И. С. Луцкого с постбиблейской еврейской литературой. Для нас, однако, прежде всего важно содержание «Послания» и та интерпретация, которую Филип Миллер дает миссии 1827 г. и последующим событиям. Отметим, что автор полностью отдает себе отчет, что идет практически по целине. Он стремится не столько выносить окончательные решения, сколько ставить вопросы и предлагать гипотезы (с. XVII). Воспользуемся любезным приглашением автора принять участие в дискуссии.

Ф. Миллер совершенно справедливо усматривает в миссии Бабовича и Луцкого важную веху в процессе обретения караимами равных прав с окружающим населением. То, что Бабовичу и Луцкому удалось избавить караимов (сначала крымских, а затем литовско-волинских) от рекрутчины, действительно превратило их (в особенности главу миссии Бабовича) в подлинных «отцов нации». Можно согласиться с автором, что Бабовичу удалось развить успех, возглавив впервые созданное в 1839 г. Караимское духовное правление. Напомним, что для евреев-раввинистов рекрутчина оставалась подлинным бичом на протяжении полутора столетий, а о религиозно-культурной автономии они не смели и мечтать.

Однако можно ли, исходя из всех этих фактов, придавать описанным в «Послании» событиям чуть ли не решающую роль в становлении «караимского сепаратизма»? Автор исходит из предположения, что попыткой добиться для своей общины более выгодного статуса в конце XVIII и первой половине XIX в. была связана целая сепаратистская идеология, возводившая караимов то к коленам Израилевым, не находившимся в Палестине во время расправы над Иисусом Христом, то к хазарам. Обсуждая и отвергая точку зрения А. Нейбауэра, по которой караимизм проник в Византию из Хазарии, Филип Миллер говорит даже о параллельной славянофильству «крымскокараимской версии культурного империализма» (с. 8), направленной на установление господства над караимскими общинами Ближнего Востока. Последний тезис не находит никакой поддержки в фактах: Нейбауэр, как отмечает сам автор, отнюдь не был караимом (тем более крымским), а попытки А. С. Фирковича перевести обучение грекоязычных караимских детей в Стамбуле на турецкий язык вряд ли можно всерьез объявлять «культурным империализмом».

Но дело не только в этих частностях, но и в самой оценке Бабовича и Луцкого как отцов-основателей «караимского сепаратизма». Автор излагает взгляды А. С. Фирковича на этногенез караимов и полемизирует с ними. Не желая вступать в дискуссию, которая, строго говоря, не имеет отношения к теме книги, спросим лишь: какое отношение к хазарской теории и к «десяти коленам» имеет деятельность Бабовича и Луцкого? Ни в «Иггерет», ни в других текстах, связанных с событиями 1795 и 1827 гг., ни слова обо всех этих головомомных проблемах не сказано. Бабович не положил начало «караимскому национальному сознанию» (с. 47) и не заслуживает памятника, который ему, по мнению автора, должен был бы поставить караимский народ. Он отнюдь не первый, кто пытался отстоять автономию караимов и их особый статус по отношению к раввинистам. Подобные попытки предпринимались неоднократно и в фатимидском и османском Египте (где караимы использовали тот же довод, что и их крымские единоверцы XIX в., ссылаясь главным образом на свою малочисленность¹), и в Турции, и в Польше. Разумеется, в Российской империи существовали особенно

благоприятные условия для развития сепаратистских тенденций. Однако процесс становления национального самосознания восточноевропейских караимов, отчасти начавшийся еще до Бабовича (ссылки на самобытный язык и нравы в переписке луцких караимов с польскими властями еще до окончательного раздела Польши), в 20—30-е гг. XIX в. находился еще на весьма ранней стадии. Достаточно процитировать первый тюркоязычный караимский катехизис Мордехая Казаса (1835 г.), где на вопрос о своей национальной принадлежности караим обязан отвечать: «Я происхожу из народа еврейского»². Эволюцию национального самосознания караимов можно проследить по дальнейшим выпускам катехизисов (как правило, уже русскоязычных). Оставляя дробное рассмотрение этой проблемы до другого случая, отметим лишь, что, несмотря на энергичную деятельность А. С. Фирковича, тезис о хазарском происхождении караимов не был принят всей общиной до периода первой мировой войны. Окончательно он утвердился в караимской литературе лишь после вступления С. М. Шапшала в должность гахама в 1915 г.

Некоторая тенденциозность заметна в освещении Ф. Миллером истории караимов в период, последовавший за деятельностью С. Бабовича и И. С. Луцкого. Тезис о духовном упадке караимства в конце XIX — начале XX в., который разделяет по совершенно иным мотивам и определенная часть караимской историографии (С. Шишман), нуждается в корректировке. Далеко не все караимы забыли свою религию и иврит. Достаточно указать на семью Эльяшевич, один из представителей которой, Сима Эльяшевич, за несколько лет до революции пыгался продолжить дело своего знаменитого предшественника и земляка Исаака Троки. Подобно трактату «Хиззук Эмуна» И. Троки, «Два завета» Симы Эльяшевича представляют собой страстную апологию библейского мирозерцания. Вообще, как стало ясно из личной беседы автора с одним из рецензентов, Ф. Миллер за годы, прошедшие после опубликования его книги, смог ознакомиться с данными о современном состоянии восточноевропейского караимства и уже не считает, что оно находится в состоянии тотального духовного упадка. Что же касается перспектив демографического выживания столь небольшой группы, то эта проблема стоит одинаково остро и для целого ряда других религиозных и этнокультурных меньшинств, по своей численности намного превышающих караимов. Встречаем мы у Миллера и некоторые другие общие места, в частности утверждение о том, что чуть ли не все караимы были страстными монархистами. История гражданской войны и социалистического строительства в СССР сохранила имена караимов — политических и общественных деятелей весьма левой ориентации.

Мотивы, которыми руководствовались российские власти при освобождении караимов в 1827 г. от воинской повинности и еще ранее, в 1795 г., от двойного подушного налога, как справедливо утверждает

Филип Миллер, могут быть окончательно прояснены только после серьезных поисков в российских архивах. Автор высказывает предположение, что либеральная политика властей в караимском вопросе была продиктована стремлением использовать в интересах России значительный экономический потенциал крымскокараимского купечества. Эти соображения не новы, но вполне правдоподобны. Однако автор проявляет тенденцию игнорировать факты, не вполне укладывающиеся в его «материалистическую» концепцию. В отличие от автора (с. 210), мы не видим никаких оснований сомневаться в относительно привилегированном юридическом статусе действительно не слишком преуспевавших галицийских караимов. Видимо, отношение властей к караимам далеко не всегда определялось чисто экономическими соображениями.

Есть у нас и ряд частных замечаний. Вызывают удивление упоминания автора об «отдаленных сельских общинах» (с. 4) как основном месте проживания крымчаков во времена Крымского ханства — Карасубазар отнюдь не был центром вселенной, но по масштабам Крымского ханства представлял собой крупный город. Одно время туда (впрочем, весьма ненадолго) даже была перенесена столица государства. Не совсем правильно переданы некоторые караимские имена (с. 94): «Фаримда» вместо «Форунда» (в ивритском тексте отчетливо стоит «вав»), «Торшу» вместо «Туршу».

В целом, однако, несмотря на все высказанные нами оговорки и замечания, мы считаем выход в свет книги Ф. Миллера важным событием в крайне мало исследованной области науки. Она безусловно займет важное место в мировом караимоведении.

¹ См.: *El-Kodsi m.* The Karaite Jews of Egypt. Lyons. 1987. P. 4, 7.

² *Ельяшевич Б. С.* Историко-этнографические очерки (1926—1929). М., 1994. С. 34.

ХРОНИКА

В. Мочалова

**ТРЕТЬЯ ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ
И УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ
ИУДАИКИ**

7—8 февраля 1996 г. в Москве состоялась Третья ежегодная международная научная конференция, посвященная проблемам изучения и университетского преподавания иудаики. Организаторами конференции выступили Московский Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» в сотрудничестве с Международным центром университетского преподавания еврейской цивилизации (МЦУПЕЦ, Иерусалим) и Американским Еврейским Распределительным комитетом («Джойнт»). В оргкомитет конференции вошли ученые, чьи научные интересы и профессиональная деятельность связаны с иудаикой: М. М. Гиришман (Донецк, ДонГУ), И. С. Дворкин (Петербург, ПЕУ), В. Р. Ирина (Москва, ГЕА им. Маймониды), Р. М. Капланов — председатель оргкомитета (Москва, ИВИ РАН, ЕУМ), А. Б. Ковельман (Москва, ЕУМ), М. А. Крутиков (Москва, РГГУ), В. И. Кузищин (Москва, МГУ), М. С. Куповецкий (Москва, РГГУ, ЕУМ), А. Е. Локшин (Москва, ИВ РАН, ЕУМ), Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси, ТбилГУ), Л. А. Мацих (Иерусалим, МЦУПЕЦ, ЕУМ), А. Ю. Милитарев (Москва, ЕУМ, РГГУ), В. В. Мочалова (Москва, ИСБ РАН, ЕУМ), А. Д. Степанский (Москва, РГГУ), С. В. Тищенко (Москва, ЕУМ), Д. В. Фролов (Москва, ИСАА МГУ, ЕУМ), Д. А. Эльяшевич (Петербург, ПЕУ), В. А. Якобсон (Петербург, ИВ РАН, ПЕУ). Члены оргкомитета в процессе подготовки конференции сформировали ее программу, руководили ее проведением и председательствовали на заседаниях семи ее секций.

В работе конференции приняло участие более 150 ученых — представителей научных и учебных заведений из стран СНГ и Балтии, Великобритании, Израиля, Канады, США. МЦУПЕЦ в сотрудничестве с «Джойнтом» способствовал обеспечению участия в конференции

зарубежных ученых и гостей — председателя Академического Совета МЦУПЕЦ, проф. Нехемии Левциона, проф. Михаэля Брауна из университета Йорк (Торонто), проф. Джона Клира (Лондонский университет), любезно согласившегося также прочесть лекцию студентам, проф. Энтони Полонского из университета Брандейс (США), который поддерживает контакты с российскими коллегами и уже вторично выступает на конференциях «Сэфера», д-ра Герцеля Фишмана (Израиль), д-ра Эрнеста Фрериша (университет Браун и Фонд «Дорот», США), р. Меира Шлезингера (Израиль), р. Джо Шонвальда (Фонд Рочлина, США). О географической широте распространения академического исследования и преподавания иудаики в странах Содружества и Балтии свидетельствует как список представленных на конференции городов (Вильнюс, Витебск, Волгоград, Дедовск, Днепропетровск, Донецк, Екатеринбург, Житомир, Запорожье, Иркутск, Киев, Кишинев, Минск, Москва, Нижний Новгород, Одесса, Петербург, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Симферополь, Тбилиси, Томск, Тюмень, Ужгород, Ярославль), так и изданный к конференции Центром «Сэфер» при поддержке «Джойнта» информационный справочник «Иудаика в высших учебных заведениях СНГ и стран Балтии» (составители — Е. В. Лунина и Л. А. Чулкова), в котором нашли отражение 55 научных и учебных центров, где проводится соответствующая работа.

Поскольку обширная тематика конференции охватывала еврейскую историю, литературу, философию, библеистику и семитологию, освещенные роли Иерусалима в мировой культуре в связи с его 3000-летием, вопросы национальной самоидентификации, высшего еврейского образования и др., программа конференции включала в себя как пленарные, так и соответствующие секционные заседания: «История евреев России: общие и региональные проблемы», «Еврейская мысль и раввинистическая литература», «Иерусалим в мировой культуре», «Еврейская литература», «Библеистика и семитология», «Евреи России и бывшего СССР: проблемы отождествления», «Проблемы высшего образования в области иудаики».

На открытии конференции в здании Президиума Российской Академии наук с приветствиями выступили председатель Академического Совета Центра «Сэфер» Р. М. Капланов; председатель Академического Совета Международного Центра по университетскому преподаванию еврейской цивилизации проф. Нехемия Левцион; директор Российского отделения «Джойнт» Михаэль Штайнер; главный раввин России Адольф Шаевич; главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт; председатель Объединения раввинов СНГ Берл Лазар; вице-президент РАН акад. Евгений Велихов; глава делегации Еврейского Агентства «Сохнут» в СНГ Хаим Чеслер; член Президиума Ваада России Зиновий Коган; исполнительный директор Российского Еврейского Конгресса Борис Ушперенко.

С докладами на первом пленарном заседании выступили посол Государства Израиль в РФ, проф. Ализа Шенар («Внутреннее и внешнее в еврейском фольклоре»), духовный раввин России Адин Штайнзальц («Талмуд, традиция и еврейский фольклор») и ректор Государственной Еврейской Академии им. Маймонида, акад. В. Р. Ирина («Гебраистика и иудаика в системе высшего образования России и СНГ»).

На втором пленарном заседании были заслушаны доклады проф. Михаэля Брауна (Канада) «Еврейская история в несврейском контексте (на материале истории российского еврейства XIX—XX вв.)», р. Довида Вайса (Израиль) «Философия и религия (личный взгляд в развитие идей Рамбама)», д-ра Герцля Фишмана (Израиль) «Диалектика еврейского опыта», проф. Наталии Басовской (Москва) «Работа РГГУ в области еврейской истории и культуры» и р. Меира Шлезингера (Израиль) «Израильское общество после убийства Рабина».

Помимо пленарных заседаний и секций программа конференции включала в себя тематические «круглые столы»:

«Преподавание еврейской цивилизации в вузах» (с участием представителей университетов СНГ и стран Балтии, Израиля, США, Великобритании и Канады);

«Преподавание иудаики в вузах и роль академической интеллигенции в жизни еврейской общины и общества в целом»;

«Еврейская парадоксология: этнокультурная модель и российское еврейство в истории (к постановке вопроса)», — дискуссия этого «круглого стола», вызвавшая живой интерес участников, строившаяся на обсуждении заглавного доклада президента Еврейского Университета в Москве А. Ю. Милитарева.

В кратком обзоре нет возможности осветить работу семи обширных секций и трех «круглых столов» конференции, однако Центр «Сэфер» предполагает опубликовать ее материалы, и заинтересованные лица смогут с ними ознакомиться. По мнению большинства участников Третьей ежегодной международной конференции по иудаике, организованной Центром «Сэфер», она была достаточно плодотворной и выгодно отличалась научным уровнем докладов и дискуссий от двух предыдущих. Среди обнадеживающих отличий и вдохновляющих результатов последней конференции следует также упомянуть и активность студентов еврейских специальностей из московских и региональных вузов, не только принявших деятельное участие в ее подготовке и проведении, но и организовавших в рамках конференции собственную секцию, на которой было принято решение созвать в июле текущего года первую студенческую конференцию по иудаике и создан ее оргкомитет.

Благодаря щедрой поддержке «Джойнта» Центр «Сэфер» получил возможность распространить среди участников конференции значительное количество научной литературы по иудаике, в том числе и репринтное издание «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона.

Участники конференции также получили возможность ознакомиться с текущей деятельностью и планами на будущее еврейских научных организаций — Центра «Сэфер», ПЕУ, ЕУМ, Научной ассоциации студентов еврейских вузов и общества «Еврейское наследие» благодаря совместно изданному указанными организациями информационному бюллетеню «Еврейская наука и высшая школа».

Долг благодарности требует отметить, что на всех этапах подготовки и проведения конференции «Джойнт» оказывал оргкомитету неоценимую помощь и всестороннюю поддержку, воплощенную в неутомимой деятельности Елены Владимировны Луниной, р. Йонатана Пората и д-ра Михаэля Штайнера.

Подводя итог работы конференции, р. Йонатан Порат выразил то, что могли ощущать многие из ее участников: если на первой конференции мы радовались уже тому, что собрались вместе, и потому могли сказать «дайену», если на второй конференции, куда съехалось много новых ученых с интересными докладами, мы тоже говорили «дайену», то сейчас, когда с нами столько студентов, — а ведь предполагалось, что их в этой стране уже не будет, — мы уже не можем удовлетвориться сделанным: мы понимаем, что находимся всего лишь в начале пути.

CONTENTS

RESEARCH

Sociology. Demography

- V. SOBKIN. **The Jewish Teenager on a Family: a Sociological Study**
 R. RYVKINA. **Social Types of Jews in Contemporary Russia**
 A. SINELNIKOV. **Why the Russian Jewry disappear?**

History

- G. AGRANOVSKY (Vilnius). **The Conflict between Maskilim and Hasidim and the Persecutions of the Jewish Press in 1830s** (Based on Vilnius Archives Materials)
 A. MINDLIN. **The Jewish Problem and Russia-West Financial Relations at the end of XIX and Beginning of XX centuries**
 V.GUSEV (Kiev). **On the Origin of the Bund Movement in the Ukraine (the Late 19th and Early 20th Centuries). New Archive Materials**
 A. BARKOVETS. **On the Principal Activities of the American Jewish Agromonic Corporation («Agro-Joint») in the USSR** (Based on Materials of the State Archives of the Russian Federation)
 I. GERASIMOVA (Minsk). **The History of the Jewish Department of the Institute of Byelorussian Culture and the Jewish Section of the Byelorussian Academy of Sciences in the 1920—30s**

Culture

- Sh. MARKISH (Geneva). **Is Leo Levanda worth rereading? Essay II. Art**
 P. NERLER. **Jewish Students from Russia in Germany at the beginning of XX century. An Opening of a Russian Reading Room in Freiburg**
 T. AIZIKOVICH (Netanyh, Israel). **On the Role of Jews in the History of the Soviet Popular and Jazz Music**

ESSAYS. HISTORICAL PORTRAITS

- Isaak ASKNAZY: **The Life of an Artist in Documents and Materials. Published by A. Asknazy**

ARCHIVES

Publications

- Unpublished Letters of Ju. I. Ghessen. *Published by V. Ghessen*
L. KOGAN. *The Jewish Literary Society. Published by Kh. Firin*
S. KELNER. *Materials of O. B. Gavronsky's Archives in RGIA (Russian State Historical Archives)*

REVIEWS. BIBLIOGRAPHY

- Russian Judaic Studies. 1994—1995. INION Russian Academy of Sciences:
New Acquisitions. Part II. *Compiled by P. Strelchenko*
A. LOKSHIN. Review of: Liberles R. Salo Wittmayer Baron: Architect of
Jewish History. New York: University Press, 1995. 452 p.
M. GAMAL, R. KAPLANOV. Review of: Miller F. E. Karaite Separatism in
nineteenth century Russia. Joseph Solomon Lutsky's Epistole of Israel's
Deliverance. Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1993

CHRONICLE

- V. MOCHALOVA. Third Annual International Scientific Conference on the
Problems of Judaic Studies and Judaic University teaching in Moscow

SUMMARY

V. SOBKIN.

The Jewish Teenager on a Family: a Sociological Study

The attitudes of Jewish and Russian senior schoolchildren towards a family life are compared in accordance with a sociological research carried out by the Centre for Sociology of Education (Russian Academy of Sciences) as well as the Jewish University (Moscow) in March-April 1994.

R. RYVKINA.

Social Types of Jews in Contemporary Russia

The results of a sociological research carried out in Moscow, Rostov-on-Don, Ekaterinburg and Khabarovsk summer 1995 are introduced in the article.

A. SINELNIKOV.

Why the Russian Jewry disappear?

The author examines causes for a decrease in number of the Russia's Jews and prognosticates its possible consequences for the nearest future.

G. AGRANOVSKY.

The Conflict between Maskilim and Hasidim and the Persecutions of the Jewish Press in 1830s.

Based on materials of the Lithuanian State Historical Archives the article considers the position of the Russian administration towards Hasidism and the attitude of the Jewish books censor Wolf Tugendgold in particular.

A. MINDLIN.

The Jewish Problem and Russia-West Financial Relations at the end of XIX and beginning of XX centuries.

The Western credit policy as regards Russia is analyzed in the article within the context of Jewish bankers' demands concerning changes in the politics of the Russian autocracy towards Russia's Jews.

V. GUSEV.

On the Origin of the Bund Movement in the Ukraine (the late 19th and early 20th centuries). New Archive Materials

The article considers the problem of foundation and activities of the Bund organization in the initial period of its existence. The study is based on archive materials preserved in a number of Ukrainian and Russian archives, namely The Central State Archives of Ukrainian Public Associations, The Central State Historical Archives of the Ukraine and Russia, The State Archives of the Russian Federation and The Russian Centre for Preservation and Study of Documents relating to Contemporary History.

A. BARKOVETS.

On the Principal Activities of the American Jewish Agronomic Corporation («Agro-Joint») in the USSR (Based on materials of the State Archives of the Russian Federation).

The author considers the principle activities of the American Jewish Agronomic Corporation in different regions of the USSR during 1924—1938.

I. GERASIMOVA.

The History of the Jewish Department of the Institute of Byelorussian Culture and the Jewish Section of the Byelorussian Academy of Sciences in the 1920—30s.

On the basis of new archive sources as well as publications relating to 1920-30s the author sheds light on life and activities of the employees of the Institute of Byelorussian Culture and the Jewish Section of the Byelorussian Academy of Sciences in the twenties and thirties.

Sh. MARKISH.

Is Leo Levanda worth rereading? Essay II. Art.

The article deals with art and works of a prose-writer and journalist Lev Osipovich Levanda (1835—1888).

P. NERLER.

Jewish Students from Russia in Germany at the beginning of XX Century. An Opening of a Russian Reading Room in Freiburg.

Using archive materials of Albert Ludwig University in Freiburg the author retraces the history of a students' reading room at the university.

T. AIZIKOVICH.

On the Role of Jews in the History of the Soviet Popular and Jazz Music.

The participation of Jewish composers, musicians and singers in the formation and development of Soviet popular and jazz music is under consideration.

Лицензия №30528 от 7.05.1993.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 20.05.96 г. Подписано к печати 20.09.96 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офс. № 1. Печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,2.

Тираж 1 000 экз. Заказ 422

Типография № 2 ВО «Наука». Москва, Шубинский пер., 6.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке — 59—60. Объем статьи 1,5—2 а. л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: 103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329
Еврейский университет в Москве
Тел. 203-34-41.

